

ДЖОНАТАН САФРАН ФОР

Вот я



”

ФОР БЛЕСТЯЩЕ ПИШЕТ О ЕЖЕДНЕВНЫХ
ПЫТКАХ СЕМЕЙНОГО РАЗЛАДА.

— *The Observer*

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАУЗ
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАУЗ

В

Интеллектуальный бестселлер. Первый ряд

Джонатан Фоер

Вот я

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Фоер Д. С.

Вот я / Д. С. Фоер — «Эксмо», 2016 — (Интеллектуальный бестселлер. Первый ряд)

ISBN 978-5-04-089217-4

Новый роман Фоера ждали более десяти лет. «Вот я» – масштабное эпическое повествование, книга, явно претендующая на звание большого американского романа. Российский читатель обязательно вспомнит всем известную цитату из «Анны Карениной» – «каждая семья несчастлива по-своему». Для героев романа «Вот я», Джейкоба и Джулии, полжизни проживших в браке и родивших трех сыновей, разлад воспринимается не просто как несчастье – как конец света. Частная трагедия усугубляется трагедией глобальной – сильное землетрясение на Ближнем Востоке ведет к нарастанию военного конфликта. Рвется связь времен и связь между людьми – одиночество ощущается с доселе невиданной остротой, каждый оказывается наедине со своими страхами. Отныне героям придется посмотреть на свою жизнь по-новому и увидеть зазор – между жизнью желаемой и жизнью проживаемой.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-089217-4

© Фоер Д. С., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

I	6
Назад к счастью	6
Вот не я	14
Счастье	17
Рука размером с твою, дом размером с этот	24
Вот не я	47
Истинный	54
И-э-т-о-н-е-п-р-о-й-9-ё-т	59
Истинный	66
Вот не я	76
Кто-нибудь! Кто-нибудь!	79
Слово на «н»	89
II	95
Антиетам	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Джонатан Сафран Фоер

Вот я

*Эрику Чински, который смотрит сквозь меня, и Николь Аражи,
которая видит меня насквозь*

© Мезин Н., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

I

До войны

Назад к счастью

Когда началось разрушение Израиля, Исаак Блох выбирал между самоубийством и переездом в Еврейский дом. Он жил в квартире с книжными стеллажами до потолка и коврами, в ворсе которых могли без следа утонуть игральные кости; затем в квартирке-полупорке с грязным полом; в лесных хоромах под равнодушными звездами; в погребке у христианина, для которого через три четверти века на другом конце света выросло дерево, увековечившее его праведность; а затем жил в норе, причем столько дней, что колени у него потом так и не разогнулись до конца; жил среди цыган, партизан и почти благочинных поляков; в лагерях для беженцев, мигрантов и перемещенных лиц; на корабле, где имелась бутылка с кораблем, который один страдавший бессонницей агностик чудесным образом внутри нее построил; на другом берегу океана, которого так и не переплыл до конца; над полудюжиной бакалейных лавок, на устройстве и продаже которых за малую цену гробил здоровье; рядом с женщиной, что без конца перепроверяла замки, пока не изломала их все, и умерла, состарившись, в сорок два без единого звука благодарности, но с клетками убитой матери, все еще делившимися в ее мозгу; и наконец, последние четверть столетия в тихом, замеченном снегом домике в Сильвер-Спринг: десятифунтовый Роман Вишняк, выцветающий на кофейном столике; «Враги. История любви» – кассета, размагничивающаяся в последнем исправном видеоманитофоне планеты; яичный салат, становящийся птичьим гриппом в холодильнике, залепленном, как мумия, фотографиями чудесных, гениальных, не страдающих от опухолей правнуков.

Немецкие садоводы подрезали семейное дерево Исаака до самой галисийской почвы. Но интуиция и удача без всякой помощи сверху помогли ему укорениться на тротуарах города Вашингтона, округ Колумбия, и увидеть, как дерево снова вытянется и раскинет ветви. И если Америка не обернется против евреев – пока не обернется, поправил бы его сын Ирв, – это дерево будет ветвиться и будет давать отростки. К тому времени Исаак, разумеется, опять будет в норе. И пусть он так и не разогнет колен, и пусть никто не знает точно, сколько ему лет и насколько приблизились неведомые новые унижения, пришла пора разжать свои еврейские кулаки и признать начало конца. Признание от принятия отличает депрессия.

Даже не говоря о гибели Израиля, момент был вовсе неудачный: какие-то недели до бар-мицвы его старшего правнука, что Исаак считал чем-то вроде финишной линии собственной жизни с тех пор, как пересек предыдущую финишную линию – рождение младшего правнука. Но не ведаешь, когда старая еврейская душа освободит твоё тело, а тело освободит лакомую однушку для следующего тела из списка очередников. Но годы не поторопишь и не удержишь. Опять же, покупка дюжины невозвратных авиабилетов, бронирование целого крыла в вашингтонском «Хилтоне» и внесение двадцати трех тысяч долларов депозита на бар-мицву, вписанную в календарь, еще когда шли последние Олимпийские игры, не гарантируют, что все это произойдет.

По коридорам «Адас Исраэль» протопал табун пацанов, смеющихся, пихающихся; их кровь так и носилась от формирующихся мозгов к формирующимся гениталиям, а потом обратно, в антогонистической игре полового созревания.

– Ну серьезно, – сказал один, теряя «З», зацепившееся за брекеты, – с минетом одно только хорошо, что заодно подрочат тебе не всухую.

– Аминь.

– А иначе ты просто пихаешь в стакан воды с зубами.

– Что бессмысленно, – согласился рыжий паренек, у которого мурашки бежали от одной мысли об эпилоге «Гарри Поттера и Даров Смерти».

– Нигилистично.

Если бы Бог был и судил, Он простил бы этим шалопаям все, зная, что их обуревают стихии, и внешние, и внутренние, ведь и они по Его подобию.

Мальчишки примолкли, замедлив ход у питьевого фонтанчика, чтобы попялиться на Марго Вассерман. Говорили, что ее родители паркуют две тачки рядом со своим гаражом на три места, поскольку всего машин у них пять. Говорили, что ее карликовому шпицу не отрезали яйца и они здоровые, как дыньки.

– *Черт*, хотел бы я быть этим фонтанчиком, – сказал малый с еврейским именем Перец-Ицхак.

– А я бы лоскутком, который вырезали из ее трусов с окошком.

– А я бы хотел накачать член ртутью.

Пауза.

– Это че еще за херня?

– Ну, – пояснил Марти Коэн-Розенбаум, урожденный Хаим бен Кальман, – типа... чтобы он стал как градусник.

– Суши его подкормишь?

– Да просто накачать бы. Да хоть как. Чуваки, вы же поняли зачем.

Четыре синхронных кивка, как у зрителей в настольном теннисе.

Шепотом:

– *Засунуть ей в задницу.*

Остальным повезло иметь матерей из двадцать первого века, которые знали, что температуру можно измерить электронным градусником в ухе. А Хаиму повезло, что внимание его товарищей что-то отвлекло и они не успели припечатать его прозвищем, от которого он нипочем бы не избавился.

Сэм сидел на скамье у кабинета рава Зингера, голова опущена, взгляд на раскрытые ладони, сложенные на коленях, как у монаха, изготовившегося идти на костер. Мальчишки остановились, и их отвращение к себе обратилось на него.

– Мы слышали, что ты написал, – начал один, ткнув в Сэма пальцем. – Это уже не шуточки.

– Поднасрал, брат.

Выходило странно, потому что обычно непомерное потоотделение у Сэма начиналось не раньше, чем угроза минует.

«Я это не писал, и я тебе не... – кавычки пальцами, – *брат*».

Он мог бы так сказать, но не стал. И мог бы объяснить, почему все было не так, как все думают. Но не стал. Вместо этого просто стерпел, как всегда поступал в жизни по херовую сторону экрана.

По другую сторону двери рава, по другую сторону стола от рава сидели родители Сэма – Джейкоб и Джулия. Им совсем не хотелось там быть. И остальным не хотелось. Все там было против желания. Раву нужно было измыслить какие-то глубокомысленно звучащие слова о некоем Ральфе Кремберге, которого в два часа предадут земле. Джейкоб предпочел бы работать над своей библией для «Вымирающего народа», или обшаривать дом в поисках пропавшего телефона, или на худой конец ползать по интернету, вызывая прилив дофамина. И еще сегодня Джулия собиралась взять выходной, вышло все наоборот.

– Разве Сэм не должен быть здесь? – спросил Джейкоб.

– Думаю, лучше, если сначала поговорят взрослые, – ответил рав Зингер.

– Сэм взрослый.

– Сэм *не* взрослый, – сказала Джулия.

– Оттого что трех стихов не доучил в благословении после благословения после гафтары?¹

Не обращая на Джейкоба внимания, Джулия положила ладонь на стол рава и сказала:

– Разумеется, огрызаться с учителем недопустимо, и нам нужно найти способ как-то все уладить.

– В то же время, – сказал Джейкоб, – может быть, отстранение – чересчур жесткая мера за не *такой* уж, по большому счету, серьезный проступок?

– Джейкоб...

– Что?

Стараясь что-то сказать мужу, но не раву, Джулия прижала два пальца ко лбу и слегка качнула головой, раздув ноздри. Сейчас она больше походила на помощника тренера у третьей базы, чем на жену, мать и члена общины, пытающуюся отвести океан от песочного замка ее сына.

– «Адас Исраэль» – прогрессивная школа, – сказал рав, на что Джейкоб отреагировал закатыванием глаз, равно задумчивым и брезгливым.

– У нас долгая и славная традиция видеть дальше культурных норм, господствующих сегодня или вчера, находить божественный свет, Ор Эйн Соф, в каждом ребенке. Расовые оскорбления для нас серьезный проступок, без сомнения.

– *Что?* – переспросила Джулия, меняя позу.

– Этого не может быть, – сказал Джейкоб.

Рав испустил долгий раввинский вздох и по столу подвинул Джулии листок бумаги.

– Он это *сказал*? – спросила Джулия.

– Написал.

– *Что* написал? – спросил Джейкоб.

Недоверчиво качая головой, Джулия ровным голосом прочла:

– Вшивый араб, китаеза, манда, япошка, педик, мекс, жид, слово на «н».

– Он написал «слово на „н“»? – вмешался Джейкоб. – Или само слово на «н»?

– Само слово, – ответил рав.

Хотя Джейкоба должны были занимать неприятности сына, его развлекло то обстоятельство, что только одно это слово не может быть произнесено.

– Тут, видимо, какое-то недоразумение, – проговорила Джулия, передавая наконец листок. – Сэм нянчится с животными до...

– *Цинциннатский галстук*? Это не расовое оскорбление. Это форма секса. По-моему. Кажется.

– Тут не только оскорбления, – пояснил рав.

– Знаете, я почти уверен, что и «вшивый араб» – это тоже форма секса.

– Мне остается только поверить вам на слово.

– Я к тому, что, может, мы вообще не так поняли этот список.

Вновь не слушая мужа, Джулия спросила:

– А что об этом говорит Сэм?

Рав запустил пальцы в бороду, выискивая слова, будто макака, выискивающая блох.

– Он не признается. Категорически. Но до урока этих слов там не было, а за этим столом сидит только он.

– Это не Сэм, – сказал Джейкоб.

¹ Гафгара (*ивр.*) – отрывок из Книги пророков, который в некоторых иудейских общинах читает посвящаемый во время мицвы.

– Его почерк, – заметила Джулия.

– В тринадцать у всех мальчишек почерк одинаковый.

– Он не смог объяснить, как там оказался листок, – сказал рав.

– Он и не обязан, – заметил Джейкоб. – И кстати, если Сэм написал эти слова, то чего ради он оставил листок на столе? Дерзость доказывает его невиновность. Как в «Основном инстинкте».

– Но в «Основном инстинкте» она же и убила, – вступила Джулия.

– Она?

– Ножом для колки льда.

– Наверное, так. Но это кино. Ясно, все подстроил какой-то ученик, настоящий расист, затаивший злобу на Сэма.

Джулия обратилась к раву:

– Мы все сделаем, чтобы Сэм понял, почему его записка так оскорбительна.

– Джулия, – вступил Джейкоб.

– Достаточно ли будет извиниться перед учителем, чтобы не отменять бар-мицву?

– Именно это я собирался предложить. Только, боюсь, слухи об этой записке уже прошли в нашей общине. Так что...

Джейкоб громко и с огорчением выдохнул – привычка, которую либо он передал Сэму, либо сам перенял у него.

– И кстати, оскорбительна для *кого*? Огромная разница – разбить кому-то нос или боксировать с тенью.

Рав посмотрел на Джейкоба.

– У Сэма были какие-нибудь проблемы дома? – спросил он.

– Его перегружают домашними заданиями, – начала Джулия.

– Он этого *не* делал.

– И он стал готовиться к бар-мицве, а это, по крайней мере в теории, еще час каждый вечер. И виолончель, и футбол. А у его младшего брата Макса сейчас возрастной кризис, и это для всех испытание. А самый младший, Бенджи...

– Похоже, у него куча забот, – подытожил рав. – Тут я ему безусловно сочувствую. Мы много требуем от детей. Столько никогда не требовали от нас. Но боюсь, расизму у нас места нет.

– Конечно, – согласилась Джулия.

– Секунду. Теперь вы называете Сэма расистом?

– Я этого не сказал, мистер Блох.

– *Сказали. Только* что. Джулия...

– Я не помню точных слов.

– Я сказал: «Расизму нет места».

– Расизм – это то, что исповедуют расисты.

– Вы когда-нибудь лгали, мистер Блох?

Джейкоб инстинктивно еще раз пошарил в кармане пиджака в поисках пропавшего телефона.

– Полагаю, что, как любому живому человеку, вам приходилось говорить неправду. Но это не делает вас лжецом.

– Вы меня называете лжецом? – Джейкоб оплел пальцами пустоту.

– Вы боксируете с тенью, мистер Блох.

Джейкоб посмотрел на Джулию.

– Да, слово на «н», конечно, гадкое. Скверное, ужасное. Но оно ведь там одно из многих.

– По-вашему, в общем контексте мизогинии, гомофобии и извращений оно выглядит *лучше*?

– Только он *этого не писал*.

Рав поерзал на стуле.

– Если позволите, я скажу начистоту. – Он помолчал, помял большим пальцем ноздрю, как бы тут же отступаясь. – Сэму явно нелегко – быть внуком Ирвина Блоха.

Джулия откинулась на спинку стула, думая о песочных замках и синтоистских воротах, которые вынесло на берег в Орегоне через два года после цунами.

Джейкоб обернулся к раву:

– Простите?

– Как ролевая модель для ребенка...

– Это отличная модель.

Рав продолжил, обращаясь к Джулии:

– Вы, должно быть, понимаете, о чем я.

– Я понимаю.

– Мы не понимаем, о чем вы.

– Пожалуй, если Сэму не кажется, что любые слова, как их ни...

– Вы читали Роберта Каро – второй том биографии Линдона Джонсона?

– Не читал.

– Что ж, если бы вы были равом светского толка и *читали* эту классику жанра, вы бы знали, что страницы с 432 по 435 посвящены тому, что Ирвин Блох больше, чем кто-либо в Вашингтоне, да и вообще *где бы то ни было*, сделал для того, чтобы Закон об избирательных правах прошел в конгрессе. Мальчику *не найти* лучшей ролевой модели.

– Мальчику и не надо искать, – сказала Джулия, глядя прямо на рава.

– Что ж... мой отец писал в блоге такое, за что его можно упрекнуть? Да. Писал. Досадное. И жалел потом. Представьте себе огромный шведский стол сожалений. Но чтобы вам заявлять, будто его добродетельность никак не может быть примером для его внуков...

– Со всем уважением, мистер Блох...

Джейкоб обернулся к Джулии:

– Пойдем отсюда.

– Давай лучше сделаем то, что нужно Сэму.

– Сэму здесь ничего не нужно. Напрасно мы заставили его праздновать бар-мицву.

– Что? Джейкоб, мы его не заставляли. Может, слегка подтолкнули, но.

– Подтолкнули, когда обрезали. С бар-мицвой просто заставили.

– Последние два года твой дед только и говорит, что единственное, ради чего он еще живет, – увидеть бар-мицву Сэма.

– Значит, она тем более не нужна.

– И мы же хотим, чтобы Сэм знал, что он еврей.

– А у него был какой-то шанс этого не знать?

– Чтобы он *был* евреем.

– Евреем, да. Но *религиозным*?

Джейкоб никогда не понимал, как ответить на вопрос, религиозен ли ты. Он никогда не жил вне синагоги, никогда не обходился без попыток соблюдения кашрута, никогда не допускал – даже в моменты величайшей досады на Израиль, отца, американское еврейство или отсутствие Бога, – что будет воспитывать детей без какого-то знакомства с еврейскими традициями и обрядами. Но двойное отрицание не религия. Или, как скажет брат Сэма Макс на своей бар-мицве тремя годами позже, «Сбережешь только то, что отказываешься отпустить». И как бы Джейкоб ни ценил преимущество (истории, культуры, мыслей и ценностей), как бы ни хотел верить, что есть какой-то глубокий смысл, доступный не только ему, но и его детям, и их детям тоже, – свет пробивался у него между пальцами.

Когда Джейкоб и Джулия только начали встречаться, они часто говорили о «религии двоих». Если бы она не облагораживала, то ее следовало бы стыдиться. Их Шаббат: каждую пятницу вечером Джейкоб читал вслух письмо, которое всю неделю писал Джулии, а она наизусть декламировала стихи; затем, убрав верхний свет, отключив телефон, сунув наручные часы под подушку красного вельветового кресла, они не спеша съедали ужин, который приготовили вместе, наполняли ванну и любили друг друга, пока поднималась вода. Рассветные прогулки по средам, невзначай превращенный в ритуал, маршрут, прокладываемый раз за разом из недели в неделю, пока на тротуаре не протапывалась дорожка, – неощутимая, но явная. Празднуя Новый год – Рош-Ашан, – вместо похода в синагогу они всегда проводили обряд ташлих: бросали хлебные крошки – символ сожалений уходящего года – в Потомак. Иные тонули, иные течение уносило к другим берегам, а часть сожалений подхватывали чайки, чтобы накормить ими своих еще слепых птенцов. Каждое утро, прежде чем встать с кровати, Джейкоб целовал Джулию между ног – без вожделения (обычай требовал, чтобы этот поцелуй ничего за собой не влек), но с благоговением. Они начали собирать в поездках предметы, которые, как кажется, внутри больше, чем снаружи: океан, заключенный в раковине, испечатанная лента пишущей машинки, мир в зеркале из посеребренного стекла. Все как будто превращалось в ритуал – появление Джейкоба, каждый четверг забиравшего Джулию с работы, утренний кофе в обоюдном молчании, сюрпризы Джулии, заменявшей закладки Джейкоба в книгах записочками, – пока, словно Вселенная, расширившаяся до последних пределов и схлопнувшаяся в исходное состояние, все не рассыпалось.

Иные пятничные вечера выходили слишком поздними, а утренние часы сред слишком ранними. После трудных разговоров не бывало поцелуев между ног, а когда в тебе нет великодушия, многое ли покажется больше, чем на первый взгляд? (А обиду на полку не положишь.) Они держались за то, что могли удержать, и старались не признавать, какими приземленными стали. Но то и дело, обычно в моменты самозащиты, которая, несмотря на все мольбы всех лучших ангелов, просто не могла не принять форму обвинения, кто-нибудь из них говорил: «Мне не хватает наших Шаббатов».

Рождение Сэма как будто давало новый шанс, как и появление на свет Макса и Бенджи. Религия троих, четверых, пятерых. Они церемониально отмечали рост детей на дверном косяке в первый день нового года – иудейского и светского – неизменно с самого утра, пока сила земного тяготения не внесла свои коррективы. Каждое 31 декабря бросали в огонь бумажки с обещаниями, по вторникам после обеда всей семьей выгуливали Аргуса и читали школьные таблицы по дороге в «Ваче» на запрещенные во всех иных случаях аранчиатас и лимонатас. В строгом порядке происходило укладывание в постель, по сложному протоколу, а на дни рождения все спали в одной кровати. Они, бывало, блюли Шаббат – равно и в смысле его соблюдения, и в смысле свидетельства собственной религиозности – с халой из «Здоровой пищи», кедемовским виноградным соком и конусами из воска оказавшихся на грани исчезновения видов пчел в серебряных подсвечниках исчезнувших предков. Между благословением и едой Джейкоб и Джулия подходили к каждому сыну и, охватив его голову ладонями, шептали на ухо, за что они им гордились на этой неделе. От такой полной интимности – запускать пальцы в волосы, от любви, что не была тайной, но говорить о которой полагалось лишь шепотом, дрожали нити накаливания в померкших лампах.

После обеда исполняли обряд, происхождение которого никто не мог вспомнить, но смысл никогда не подвергался сомнению: ходить по дому с закрытыми глазами. Было здорово болтать, дурачиться, смеяться, но в этой слепоте они всегда замолкали. Раз за разом у них вырабатывалась привычка к беззвучной темноте, и они могли не открывать глаз сначала десять минут, а потом и двадцать. Они встречались вновь у кухонного стола и там одновременно открывали глаза. И каждый раз это было как откровение. Как два откровения: чуждость дома, в котором дети жили от рождения, и чужеродность зрения.

В один из Шаббатов, по дороге в гости к прадеду, Исааку, Джейкоб сказал:

– Человек напился на празднике и по дороге домой насмерть сбил ребенка. Другой напился так же, но добрался домой без происшествий. Почему первый до конца своих дней будет сидеть в тюрьме, а второй наутро проснется как ни в чем не бывало?

– Потому что тот насмерть сбил ребенка.

– Но с точки зрения того, что они сделали неправильно, они виноваты одинаково.

– Но второй ребенка не сбил.

– Однако не потому, что не виноват, а просто ему повезло.

– И все равно, первый-то сбил.

– Но если рассуждать о вине, то не надо ли учитывать кроме результата еще действия и умысел?

– А что за праздник это был?

– Что?

– Да, и что тот ребенок делал на улице так поздно?

– По-моему, дело не в...

– Родители должны были за ним следить. Их надо посадить в тюрьму. Наверное, тогда у него не было бы родителей. Если только он не жил с ними в тюрьме.

– Ты забыл, что он уже мертв.

– А, точно.

Сэма и Макса идея умысла захватила. Как-то раз Макс вбежал на кухню, держась за живот.

– Я его стукнул, – объявил Сэм из гостиной, – но не нарочно.

Или когда в отместку Макс наступил на почти достроенный из легкого домика Сэма и заявил:

– Я не нарочно. Я хотел наступить только на ковер под ним.

Брокколи скармливались Аргусу под столом «нечаянно». К контрольным не готовились «специально». Макс, первый раз сказав Джейкобу «Заткнись!» в ответ на несвоевременное замечание о том, что пора бы отдохнуть от реинкарнации тетриса, когда Макс вот-вот должен был войти в десятку лучших результатов дня, хотя вообще-то ему не разрешалось в нее играть, положил смартфон Джейкоба, метнулся к нему, обнял и, с глазами в слезной глазури, повинылся: «Я не хотел».

Когда Сэму пальцы на левой руке разможило тяжелой стальной дверью и он кричал: «Зачем это?» снова и снова, а Джулия, прижав его к себе, так что кровь струилась по ее блузке, как некогда на крик младенца грудное молоко, просто сказала: «Я тебя люблю, я с тобой», а Джейкоб добавил: «Едем в неотложку», Сэм, боявшийся врачей больше любой болячки, какую только эти врачи лечат, взмолился: «Нет! Не едем! Я это нарочно!»

Время прошло, мир проступил яснее, и Джейкоб с Джулией стали забывать о том, чтобы делать что-то нарочно. Они не отказывались отпустить, и вслед за новогодними обещаниями и вторичными прогулками, звонками на дни рождения израильским кузенам и тремя переполненными мешками с еврейскими деликатесами, привозимыми в первое воскресенье каждого месяца прадедуске Исааку, прогуливанием школы ради первого в сезоне домашнего матча «Натс» и распеванием «Поющих под дождем» во время проезда на «Гиене Эде» сквозь автомойку, дневниками благодарностей и «проверкой ушей», ежегодным сбором и резьбой тыкв с поджариванием семян шепот со словами гордости тоже ушел.

Жизнь внутри стала меньше, чем снаружи, образовалась полость, каверна. И потому бармица была так важна: она стала последней нитью в перетершейся привязи. Отмена ее, как отчаянно хотелось Сэму и как теперь предлагал вопреки собственному желанию Джейкоб, не только Сэма, но и всю семью вытолкнула бы в пустоту: кислорода более чем хватило бы для поддержания жизни, но какой жизни?

Джулия повернулась к раву:

- Если Сэм извинится...
- За что? – спросил Джейкоб.
- Если он извинится...
- Перед кем?
- Перед всеми, – ответил рав.
- Перед всеми? Всеми живущими и умершими?

Джейкоб составил эту формулу – *всеми живущими и умершими* – не в свете всего того, чему предстояло произойти, а в кромешной темноте мгновения: это было прежде, чем из Стены Плача цветами взойшли свернутые мольбы, прежде японского кризиса, десяти тысяч пропавших детей и Марша миллионов, прежде, чем имя Адия стало самым часто запрашиваемым в истории интернета. Прежде опустошительных афтершоков, прежде союза девяти армий и раздачи йода в таблетках, прежде, чем Америка никуда не послала «F-16», прежде, чем Мессия оказался слишком занят или слишком бессущностен, чтобы разбудить живых или мертвых. Сэм становился мужчиной. Исаак раздумывал, наложить на себя руки или переехать из дома в казенный дом.

– Мы хотим покончить с этой историей, – сказала Джулия раву. – И мы хотим поступить верно, и чтобы бар-мицва состоялась, как запланировано.

- Извинившись за все перед всеми?
- Мы хотим, чтобы снова все были счастливы.

Джейкоб и Джулия молча отметили надежду, и печаль, и странность, прозвучавшие в этом слове, и оно рассеялось по комнате и осело на стопки богословских книг и нечистое ковровое покрытие. Они сбились с пути, потеряли ориентир, но не утратили веры, что все можно вернуть, – даже если ни один из них не понимал вполне, о каком счастье она говорит.

Рав сплел пальцы, точно как подобает раву, и сказал:

- Есть хасидская поговорка: «В погоне за счастьем мы бежим от довольства».

Джейкоб встал, сложил листок, сунул в карман и объявил:

- Вы не на того думаете.

Вот не я

Пока Сэм дожидался на скамейке у кабинета рава Зингера, Саманта подошла к биме. Биму Сэм соорудил из цифрового старого вяза, поднятого со дна цифрового озера, которое он вырыл и где затопил небольшой лес год назад, когда, подобно одному из тех несчастных псов на полу, по которому пущено злое напряжение, узнал, что такое беспомощность.

– Не имеет значения, хочешь ты или нет проходить бар-мицву, – сказал тогда его отец, – но попробуй отнестись к этому, как к чему-то воодушевляющему.

Но в конце концов, почему его так захватила тема жестокости к животным? Почему так неодолимо тянули видео, которые, он знал, лишь укрепят его мнение о человечестве? Пропасть времени он тратил на свидетельства насилия: жестокость к животным, а также схватки животных (как устроенные людьми, так и в естественной среде), нападения животных на людей, тореадоры, получающие, что заслужили, скейтбордисты, тоже получающие свое, колени спортсменов, сгибающиеся не в ту сторону, драки бродяг, обезглавливание вертолетным винтом, и более того: несчастные случаи с мусоровозами, лоботомия автомобильной антенной, мирные жители – жертвы химического оружия, травмы при мастурбации, головы шиитов, насаженные на колья суннитских заборов, запоротые хирургические операции, обваренные паром, обучающие ролики о том, как отсекают сомнительные части тела погибших на дороге животных (как будто бывают и не сомнительные), видеоинструкции по самоубийству без боли (как будто невозможность этого не таится в самом слове), и еще, и еще, всякое и всякое. Образы были как острые предметы, которыми он колот в себя: столько всего внутри требовало выхода наружу, что никак не обойтись без ран.

В молчании по пути домой он изучал молитвенный зал, который построил вокруг бимы: невесомые двухтонные скамьи на трехпалых когтистых лапах; запутавшаяся в гордые узлы бахромы на концах ковровой дорожки в центральном проходе; молитвенные книги, в которых каждое слово непрерывно обновляется синонимом: *Бог Един... Властелин-Одиночка... Абсолют покинут...* Давно разошедшиеся, молящиеся хотя бы на миг возвращаются к своим началам. Но даже если средняя продолжительность жизни будет с каждым годом расти на год, понадобится вечность, чтобы люди стали жить вечно, так что до этого, наверное, никто не дотянет.

Давление невысвобожденного нутра у Сэма нередко принимало форму неразделенного и бесполезного великолепия, и пока его отец, братья и бабка с дедом обедали внизу, и пока они, разумеется, обсуждали то, в чем его обвиняют, а Сэм должен был зубрить древнееврейские слова и заучивать песнопения из гафтары, значения которых никого никогда не заботили, он творил оконные витражи. Витраж справа от Саманты изображал, как младенец Моисей плывет вниз по Нилу от матери к матери. Это была петля, но замкнутая, как бы говорящая о бесконечном пути.

Сэму показалось крутым в самом большом окне молитвенного зала поместить движущиеся картины Еврейского Сегодня, так что вместо заучивания идиотской и никому не нужной Ашрейи² он написал скрипт, который брал ключевые слова из новостной ленты «Гугла» на еврейскую тему, пропускал через наскоро сляпанный поиск по видео (который вычесывал раздутости, фейки и антисемитскую пропаганду), а *результаты* поиска прогонял через наскоро сляпанный видеоконвертер (который масштабировал матрицу, чтобы лучше вписалась в круглый витраж и подтягивал цвета для завершенности картины) и проецировал в окно-розетку. Представлялось лучше, чем вышло в реальности, ну так в воображении все бывало лучше.

Вокруг молельни он выстроил саму синагогу: лабиринт в буквальном смысле бесконечных разветвляющихся коридоров; питьевые фонтанчики, льющие аранчиату, и писсуары, сде-

² Одна из главных молитв в иудаизме.

ланные из кости браконьеров-слонобоев; стопки искренне-человечного фейс-ситтинг порно в шкафу в холле мужского клуба; веселенькое место для инвалидов на колясочной парковке; мемориальную стену с горошинками никогда не зажигающихся лампочек напротив фамилий тех, кому Сэм желал быстрой и безболезненной, но все же смерти (бывшие лучшие друзья, люди, которые специально делают антиугревые салфетки жгучими, и т.п.); разнообразные гrotы для обжиманцев, где отзывчивые и законно прикольные девчонки, одетые как для рекламы «Американ Аппарель» и сочиняющие фанфики про Перси Джексона, дают рохлям пососать свои идеальные сиськи; грифельные доски, шарахающие разрядом в 600 вольт, если их поскребет ногтями один из этих ушлых мудаковатых жлобов, которые с полной очевидностью – для Сэма, но не для остальных – через каких-то пятнадцать лет будут пузатыми шмоками при скучных работах и унылых женах; кругом небольшие таблички, сообщающие каждому, что только благодаря Саманте, ее врожденной добродетели, ее любви к милосердию и справедливости и благотворному сомнению, ее любезности, ее естественной значимости, ее нетоксичной безговнистости и существует лесенка на крышу, существует крыша, существует без конца кэширующий Господь.

Изначально синагога стояла на краю поселка, выросшего вокруг разделенной любви к роликам, в которых провинившиеся собаки выказывают раскаяние. Такие ролики Сэм мог смотреть целый день напролет – и не раз так и бывало, – не слишком задумываясь, что в них ему так нравится. Очевидным объяснением было бы, что Сэм сочувствует собаке, и очевидно, своя правда в этом была. («Сэм, это кто натворил? Кто написал эти слова? Кто плохо себя вел?») Но кроме того, его привлекали хозяева. Все и каждый из этих роликов снял тот, кто любит свою собаку больше себя: «устыжение» неизменно комически драматизировано и добродушно, и все неизменно кончается примирением. (Сэм пробовал и сам записывать такие ролики, но Аргус оказался слишком старым и усталым, мог только ходить под себя, а в этом никто не станет добродушно упрекать собаку.) В общем это было как-то завязано и на провинившегося, и на судью, и на страх остаться без прощения, сменяющийся успокоением: тебя снова любят. Может, в следующей жизни переживания сожрут его не целиком и останется какая-то часть, способная понимать.

Изначальное местопребывание в общем-то ничем особо не напрягало, но в жизни он удовлетворялся приемлемым, а вот в «Иной жизни» можно было расставить все вещи в те места, по которым они тоскуют. Сэм втайне верил, что тосковать может все, и более того – что все предметы постоянно тоскуют. Так что после устыжающей выволочки, полученной днем от матери, Сэм заплатил кой-каким цифровым грузчиком кой-какие цифровые деньги, чтобы разобрали синагогу на самые крупные блоки, которые поместятся в самые крупные грузовики, перевезли на новое место и вновь сложили в одно целое согласно скриншотам.

– *Мы поговорим, когда папа вернется с работы, но мне надо тебе что-то сказать. Это обязательно.*

– *Ладно.*

– *Перестань говорить «ладно».*

– *Прости.*

– *Перестань говорить «прости».*

– *Я думал, все дело в том, чтобы я извинился?*

– *За то, что ты сделал.*

– *Но это не я.*

– *Ты меня сильно разочаровал.*

– *Я знаю.*

– *И это все? Тебе больше нечего на это сказать? Типа такого, например: «Это сделал я, и я сожалею»?*

– *Это не я.*

- *Прибери этот бардак. Смотреть тошно.*
- *Моя комната.*
- *Но наш дом.*
- *Доску нельзя трогать. Мы не доиграли партию. Папа сказал, мы закончим позже, когда все утрясется.*
- *Знаешь, почему ты всегда его обыгрываешь?*
- *Он поддается.*
- *Уже много лет не поддается.*
- *Он не старается.*
- *Он старается. Ты обыгрываешь, потому он увлекается взятием фигур, а ты продумываешь ходы вперед. Потому ты хорошо играешь – и в шахматы, и по жизни.*
- *Я не хорошо играю по жизни.*
- *Хорошо, если задумываешься.*
- *А папа плохо играет по жизни?*

Все шло почти идеально, но грузчики чуть менее совершенны, чем остальное человечество, и были кое-какие накладки, но вряд ли хоть одна заметная – кто, как не Сэм, мог бы знать, что еврейская звезда сорвалась и висит вверх ногами? И вообще вряд ли хоть одна из них была замечена. Микроскопическое несоответствие между идеалом и тем, что вышло, обращало все в дерьмо.

Отец дал Сэму прочесть статью о мальчике в концлагере, который провел обряд бармицвы, вырыв в земле воображаемую синагогу и заполнив ее сучьями – безмолвными прихожанами. Само собой, отец никогда не задастся вопросом, прочел ли ее Сэм, и они ее ни разу не обсуждали, и считается ли, что ты вспоминаешь о чем-то, если ты непрерывно об этом думаешь?

Все затевалось к случаю – целое культовое сооружение организованной религии задумано, построено и предназначено для единственной краткой церемонии. При всей непостижимой необъятности «Иной жизни» синагоги в ней не было. И несмотря на глубокое нежелание Сэма даже ногой ступить в настоящую синагогу, здесь синагога должна была появиться. Он не стремился ее иметь, она была ему необходима: нельзя разрушить то, что не существует.

Счастье

Все счастливые утра похожи друг на друга, как и все несчастные: именно это в основном и делает их столь беспроблемно несчастными – чувство, что несчастливость ощущалась, что попытки ее избежать в лучшем случае укрепят, а в худшем усугубят ее, что вся вселенная по какой-то непостижимой, ненужной и несправедливой логике в сговоре против невинной последовательности: одежда, завтрак, зубы и неподатливые вихры, рюкзаки, ботинки, куртки, прощание.

Джейкоб настоял – на встречу с равом Зингером Джулия должна была приехать на своей машине, чтобы потом уехать одной и все-таки как-то использовать выходной. Через школу к стоянке шли в суровом молчании. Сэм никогда не слышал о правиле Миранды, но интуитивно чувствовал: что-то такое есть. Это, впрочем, не имело значения – родители не хотели обсуждать дело при нем, не обсудив сначала за его спиной. Так что они оставили Сэма у ворот, среди усаженных подростков, игравших в «Ю-ги-о!», и направились к своим машинам.

– Хочешь, чтобы я куда-нибудь заехал? – спросил Джейкоб.

– Когда?

– Сейчас.

– Тебе надо успеть домой позавтракать с родителями.

– Пытаюсь снять часть ноши с твоих плеч.

– Хлеб для сэндвичей может пригодиться.

– Какой-то конкретно?

– Конкретно тот, какой мы все время берем.

– Что?

– Что «что»?

– Тебя что-то беспокоит?

– А тебя нет?

Не нашла ли она телефон?

– Нам не надо поговорить о том, что сейчас там было?

Она не нашла телефона.

– Конечно, надо, – сказал он, – но не тут, на стоянке, пока Сэм дожидается нас на крыльце, а родители ждут дома.

– Так когда?

– Вечером?

– Вечером? С вопросительным? Или *вечером*.

– *Вечером*.

– Обещаешь?

– Джулия.

– И не давай ему засесть в комнате с планшетом. Пусть знает, что мы в расстройстве.

– Он знает.

– Да, но я хочу, чтобы он знал, даже когда меня нет.

– Он *будет* знать.

– Обещаешь? – Она спросила, на этот раз скорее обронив вопрос, а не беззаботно высив.

– Провалиться мне, не сходя с места.

Она могла бы сказать больше – привести примеры из недавнего прошлого или объяснить, почему ее заботит не наказание, а укрепление их недавно кальцинировавшихся и совершенно не так, как надо, распределенных родительских ролей, – но в итоге предпочла нежно, но крепко взять Джейкоба за локоть.

– До вечера.

Раньше прикосновения всегда спасали их. Какова бы ни была злость или обида, какова бы ни была глубина отчуждения, прикосновение, даже легкое или мимолетное, напоминало им об их долгой общности. Ладонь на шее – все нахлынуло снова. Положить голову на плечо – закипают гормоны, память любви. Временами преодолеть расстояние, протянуть руку было почти невозможно. Временами это *было* невозможно. Оба знали это чувство слишком хорошо, в тишине темной комнаты, глядя в один и тот же потолок: «Если б я мог разжать пальцы, то и пальцы моего сердца могли бы разжаться. Но я не могу. Я хочу дотянуться до тебя и хочу, чтобы ты дотянулась до меня. Но не могу».

– Извини, что испортил утро, – сказал Джейкоб. – Я хотел, чтобы ты отдыхала целый день.

– Не ты же написал эти слова.

– И не Сэм.

– Джейкоб...

– Что?

– Так не может быть, и так не будет, чтобы один из нас ему верил, а другой нет.

– Так верь ему.

– Ясно, что это он.

– Все равно верь. Мы его родители.

– Именно. И нам нужно его научить, что действия имеют последствия.

– Верить ему – это важнее, – сказал Джейкоб, и выходило, что разговор слишком быстро переключился на его собственные тревоги. Чего ради он решил упираться?

– Нет, – возразила Джулия, – важнее его любить. И пройдя через наказание, он будет знать, что наша любовь, которая заставляет нас время от времени причинять ему боль, и есть самое важное.

Джейкоб открыл перед Джулией дверцу ее машины со словами:

– Продолжение следует.

– Да, следует. Но мне надо услышать от тебя сейчас, что мы на одной странице.

– Что я ему не верю?

– Нет, что независимо от этого ты поможешь мне дать ему понять: он нас расстроил и должен извиниться.

Джейкоба это бесило. Он злился на Джулию за то, что она заставляла его предать Сэма, злился на себя за то, что сдался. Если оставалась еще какая-то злоба, то это уже на Сэма.

– Угу, – согласился Джейкоб.

– Да?

– Да.

– Спасибо, – сказала она, забираясь в машину. – Продолжим вечером.

– Угу, – подытожил Джейкоб, захлопывая дверцу, – и можешь не тропиться, времени у тебя сколько хочешь.

– А если сколько хочу не поместится в один день?

– А у меня вечером это совещание в Эйч-Би-Оу.

– Какое совещание?

– Но не раньше семи. Я говорил тебе. Но ты все равно, наверное, еще не вернешься.

– Как знать.

– Неудачно, что оно в выходной, но это всего на часок-другой.

– Вот и хорошо.

Он пожал ее локоть и сказал:

– Возьми все, что осталось.

– От чего?

– От дня.

Домой ехали в молчании, если не считать «Национального общественного радио», чье проникновение повсюду превращает его в разновидность тишины. Джейкоб взглянул через зеркало на Сэма.

– Я зашел и съел тут банку вашего тунца, мисс Дейзи.

– У тебя припадок или что?

– Это из кино. Только там мог быть и лосось.

Джейкоб понимал, что не нужно позволять Сэму у себя за спиной утыкаться в планшет, но бедный парень довольно получил за утро. Было бы только справедливо дать ему немного утешиться. И тем самым отодвинуть разговор, который Джейкоб не хотел начинать сейчас, да и вообще.

На обед Джейкоб собирался приготовить что-нибудь замысловатое, но после звонка, поступившего от рава Зингера в девять пятнадцать, он попросил родителей, Ирва и Дебору, прийти пораньше и присмотреть за Максом и Бенджи. Так что никаких французских тостов из бриошей с рикоттой. Ни чечевичного салата, ни салата из шинкованной брюссельской капусты. Зато будут калории.

– Два куса ржаного с мягким арахисовым маслом, порезаны наискось, – сказал Джейкоб, протягивая тарелку Бенджи.

Еду перехватил Макс:

– Это вообще-то мое.

– Точно, – согласился Джейкоб, подавая Бенджи его миску, – потому что *у тебя* медовые мюсли с рисовым молоком.

Макс заглянул Бенджи в миску:

– Это обычные мюсли с медом.

– Да.

– Чего же ты ему врешь?

– Спасибо, Макс.

– А я просил *поджарить* хлеб, а не *испекать*.

– *Испекать*? – не понял Бенджи.

– Уничтожать огнем, – пояснила Дебора.

– А где наш Камю? – спросил Ирв.

– Не трогайте его, – сказал Джейкоб.

– Эй, Макси, – произнес Ирв, подтягивая внука к себе, – мне как-то рассказали про один невероятный зоопарк...

– Где Сэм? – спросила Дебора.

– Врать некрасиво, – сказал Бенджи.

Макс хохотнул.

– Молодец, – одобрил Ирв. – Правда же?

– Утром у него были неприятности в Еврейской школе, и он сейчас отбывает срок у себя в комнате. – Макс обратился к Бенджи: – Я не врал.

Макс посмотрел в миску Бенджи и заявил:

– Ты видишь, это даже не мед. Это агава.

– Хочу к маме.

– Мы ей дали выходной.

– Выходной от *нас*? – уточнил Бенни.

– Нет, нет. От вас, мальчики, выходных не бывает.

– Выходной от *тебя*? – спросил Макс.

– У одного моего друга, Джоуи, два отца. Но дети рождаются из вагины. Зачем?

– Что зачем?

- Зачем ты мне соврал?
- Никто никому не врал.
- Хочу мороженое буррито.
- Морозилка сломалась, – сказал Джейкоб.
- На завтрак? – спросила Дебора.
- На поздний, – уточнил Макс.
- *Si se puede*³, – заметил Ирв.
- Я могу сбежать и принести, – вызвалась Дебора.
- Мороженое.

В последние месяцы Бенджи в своих пищевых предпочтениях склонялся к тому, что можно было бы назвать «несостоявшейся едой»: мороженые овощи (то есть поедаемые без разморозки), сухая овсянка, быстрая лапша прямо из пачки, сырое тесто, сырая крупа киноа, сухие макароны, посыпанные не восстановленным сырным порошком. Джейкоб с Джулией только вносили коррективы в список покупок, но никогда это не обсуждали: это касалось слишком тонких психологических проблем, чтобы их касаться.

- И что там Сэмми натворил? – спросил Ирв с набитым глютенами ртом.
 - Потом скажу.
 - Мороженое буррито, пожалуйста.
 - «Потом» может и не быть.
 - Видимо, он написал плохие слова на листе бумаги в классе.
 - Видимо?
 - Он говорит, что не писал.
 - Ну, а на самом деле?
 - Не знаю. Джулия думает, писал.
 - Как бы то ни было на самом деле и что бы ни думал каждый из вас, вам нужно разобраться в этом вместе, – заметила Дебора.
 - Я в курсе.
 - А напости мне, что такое плохие слова? – попросил Ирв.
 - Ты можешь догадаться.
 - Ты знаешь, не могу. Я могу представить плохие *контексты*.
 - В еврейской школе слова и контексты вообще-то одно и то же.
 - Что за слова?
 - Это имеет серьезное значение?
 - Естественно, это имеет значение.
 - Не имеет значения, – сказала Дебора.
 - Ну, скажем, слово на «н» там фигурирует.
 - Хочу мороженое. А что за слово на «н»?
 - Доволен? – спросил Джейкоб отца.
 - Он его употребил активно или пассивно? – спросил Ирв.
 - Я тебе потом расскажу, – сказал Макс младшему брату.
 - Это слово нельзя употребить пассивно, – ответил Джейкоб отцу. – И нет, ты не рассказешь, – добавил он, обращаясь к Макс.
 - «Потом» может и не быть, – сказал Бенджи.
 - Неужели я и в самом деле растил сына, который говорит о слове *это слово*?
 - Нет, – ответил Джейкоб. – Ты не растил сына.
- Бенджи кинулся к бабуле, у которой ни в чем не было отказа:

³ Если можно (*исп.*).

– Если ты меня любишь, ты мне купишь мороженое буррито и скажешь, что такое «слово на „н“».

– Ну, а контекст? – спросил Ирв.

– Это не имеет значения, – ответил Джейкоб, – и мы закончили это обсуждать.

– Это самое важное. Без контекста мы все окажемся чудовищами.

– Слово на «н», – повторил Бенджи.

Джейкоб положил нож и вилку.

– Ладно, раз ты спрашиваешь, контекст такой: Сэм смотрит, как ты каждое утро валяешь дурака в «Новостях», и смотрит, как тебя каждый день выставляют дураком в вечерних передачах.

– Ты позволяешь своим детям слишком долго смотреть телевизор.

– Да они вообще его не смотрят.

– Можно мы пойдем смотреть телевизор? – спросил Макс.

Джейкоб, не отозвавшись, продолжил разговор с Ирвом:

– Его отстранили от занятий, пока он не извинится. Не извинится – бар-мицвы не будет.

– Извинится перед кем?

– Кабельное? – спросил Макс.

– Перед всеми.

– Почему тогда не пройти весь путь и не выслать его в Уганду, чтоб ему там ток через мошонку пускали?

Джейкоб, подавая Максу тарелку, что-то прошептал ему на ухо. Макс кивнул и вышел из-за стола.

– Он поступил плохо, – сказал Джейкоб.

– Воспользовавшись свободой слова?

– Свободой *ненавистного* слова.

– Ну ты хотя бы стукнул там кулаком по столу?

– Нет, нет. Ни в коем случае. Мы побеседовали с равом и теперь полностью перешли в режим спасения бар-мицвы.

– Вы *побеседовали*? Ты думаешь, это *беседы* нас вывели из Египта или из Энтеббе? Угу. Казни египетские и автоматы «узи». А беседы преспокойно приведут тебя в очередь в душевую, которая вовсе не душевая.

– Боже мой, пап. Всегда?

– Конечно, всегда. «Всегда», поэтому «больше никогда».

– Почему бы тебе не дать мне самому разобраться?

– Потому что ты так хорошо справляешься?

– Потому что он – отец Сэма, – вмешалась Дебора, – а ты нет.

– Потому что одно дело собирать говно за собакой, – сказал Джейкоб, – а другое – за своим отцом.

– Говно, – повторил Бенджи.

– Мам, можешь пойти с Бенджи наверх почитать?

– Хочу сидеть со взрослыми, – сказал Бенджи.

– Я здесь единственный взрослый, – ответила Дебора.

– Пока не озверел, – сказал Ирв, – я должен удостовериться, что все понял. Ты считаешь, что можно провести связь между моим превратно истолкованным блогот и проблемой Сэма с Первой поправкой?

– Никто твой блог не толкует превратно.

Полностью извращают.

– Ты написал, что арабы ненавидят своих детей.

– Поправка: я написал, что ненависть арабов к евреям перекрывает их любовь к собственным детям.

– И что они животные.

– Да. Это я тоже написал. Они животные. Человек – это животное. Это научное определение.

– Евреи животные?

– Все не настолько просто, нет.

– Что за слово на «н»? – Бенджи шепотом допытывал Дебору.

– Наггетсы, – прошептала та в ответ.

– Нет, не оно.

Дебора взяла Бенджи на руки и понесла прочь из комнаты.

– Словно на «н» – это «нет», – сказал Бенджи. – Правда?

– Правда.

– Нет, неправда.

– Один доктор Фил – это уже на одного больше нужного, – заметил Ирв. – Сейчас Сэму требуется юрист. Это в чистом виде наступление на свободу слова, и, как ты знаешь, или должен знать, я не только в национальном совете Союза защиты гражданских свобод, и ребята оттуда рассказывают мою историю, рассказывают каждый Песах. Будь ты *мною*...

– Я бы удавился, чтобы семья не страдала.

– ...Ты бы награвил на этот «Адас Израэль» дичайше умного, до аутизма упертого адвоката, который отвергает земные награды ради счастья защищать гражданские свободы. Слушай, я не хуже других понимаю, как приятно жаловаться на несправедливость, но здесь ты в своем праве – это твой сын. Никто тебя не осудит, если ты на себя махнешь рукой, но никто не простит, если не поможешь сыну.

– Ты романтизируешь расизм, мизогинию и гомофобию.

– Ты хоть *читал* у Каро?..

– Я видел кино.

– Я пытаюсь помочь внуку выпутаться из неприятной ситуации. Это такой уж грех?

– Если он не должен выпутываться.

В комнату рысцой вбежал Бенджи:

– Это мошонка?

– Какая еще мошонка?

– Слово на «н».

– Мошонка на «м».

Бенджи развернулся и убежал.

– Твоя мать сейчас сказала, что вам с Джулией нужно разобраться с этим делом вместе? Это ерунда. Тебе надо защитить Сэма. Пусть кого другого заботит, что там было на самом деле.

– Я ему верю.

И тут, будто впервые заметив ее отсутствие:

– А где вообще-то Джулия?

– У нее выходной.

– Выходной от чего?

– *Выходной*.

– Благодарю вас, Энн Салливан, но вообще-то я слышал. Выходной *от чего*?

– От не-выходных. Тебя не устраивает просто выходной?

– Ладно, ладно, – согласился Ирв, кивая. – Пусть будет. Но позволь мне сказать тебе мудрые слова, которых не знает даже Мать Мария.

– Весь внимание.

– Ничего не проходит. Само не проходит. Или ты занимаешься ситуацией, или она тобой.

– А «И это пройдет»?

– Соломон не был совершенным. Никогда в истории человечества ничего не рассасывается само.

– Только пердеж, – заметил Джейкоб, как бы в честь отсутствующего Сэма.

– У тебя тут воняет, Джейкоб. Ты не чуешь, потому что это твой дом.

Джейкоб мог бы сказать на это, что где-то в пределах ближних трех комнат лежит Аргусово дерьмо. Он это понял, едва ступив на порог.

Снова пришел Бенджи.

– Я вспомнил свой вопрос, – сказал он, хотя до этого, по виду, ничего не пытался вспоминать.

– Ну?

– Звук времени. Что с ним стало?

Рука размером с твою, дом размером с этот

Джулии нравилось, если что-нибудь уводило взгляд туда, куда не могло пробраться тело. Нравилась неровная кладка, когда не скажешь, небрежно работал каменщик или виртуозно. Нравилось ощущение закрытости, побуждающее к экспансии. Ей нравилось, если вид в окне не отцентрован, но нравилось и помнить, что виды, по природе природы, центруются. Ей нравились дверные ручки, которые хочется задержать в ладони. Лестницы вверх и лестницы вниз. Тени, упавшие сверху на другие тени. Кухонные стулья. Ей нравилось светлое дерево (бук, клен) и не нравились «мужские» породы (орех, красное дерево), ее не трогала сталь и бесила нержавейка (если только она не исцарапана как следует), она отвергала любые имитации природных материалов, если только их фальшь не подчеркивалась, не становилась приемом, тогда подделка могла быть даже прекрасной. Джулии нравились фактуры, которые узнают пальцы и ступни, даже если их не узнает глаз. Нравились каминные, поставленные в центре кухни, расположенной в центре главного жилого объема. Нравился избыток книжных полок. Нравились световые люки в душевых, но больше нигде. Нравились намеренные несовершенства, но выводила из себя небрежность, однако и нравилось помнить, что не существует намеренного несовершенства. Люди всегда ошибочно принимают то, что приятно выглядит, за то, что приятно в обращении.

ты умоляешь меня трахнуть твою тугую мандёшку, но ты это еще не заслужила

Ей не нравились однородные фактуры – они не в природе вещей. Не нравились коврики в комнатах. Хорошая архитектура – это когда ты будто находишься в пещере с видом на горизонт. Ей не нравились высокие потолки. И еще избыток стекла. Задача окна – пропускать внутрь свет, а не обрамлять вид. Потолок должен располагаться так, чтобы самому высокому из обитателей дома лишь чуть-чуть не хватало роста дотянуться до него кончиками пальцев, встав на цыпочки. Джулии не нравились продуманно расставленные безделушки – предметам место там, где им не место. Одиннадцать футов – слишком высоко для потолка. Под таким чувствуешь себя потерянным, брошенным. Десять футов – слишком высоко. Ей казалось, что ни до чего не дотянуться. Девять футов слишком высоко. Тому, что вызывает приятные чувства, – надежному, удобному, сконструированному для жизни, – всегда можно придать и приятный вид. Джулия не любила встроенные светильники и лампы с настенным выключателем – отсюда бра, люстры и усилие. Ей не нравились потайные удобства: холодильники в стене, шкафчики за зеркалом, телевизоры, убаивающиеся за комод.

*ты еще не захотела этого как надо
хочу видеть, как ты сочишься прямо на очко*

Каждый архитектор фантазирует, как будет строить собственный дом, и так же каждая женщина. Сколько себя помнила, Джулия втайне волновалась, проходя мимо небольшой автостоянки или незастроенного участка земли: потенциал! Для чего? Построить что-нибудь прекрасное? Умное? Новое? Или просто дом, где будешь чувствовать себя дома? Радости она делила, они принадлежали не только ей, но нервный трепет она оставляла для себя.

Ей никогда не хотелось стать архитектором, но всегда хотелось построить себе дом. Она избавлялась от кукол, чтобы освободить коробки, в которых они пребывали. Целое лето она провела, расставляя мебель у себя под кроватью. В ее комнате все поверхности были увешаны одеждой, потому что использовать шкафы – это убить их. И лишь только когда начала проек-

тировать дома для себя лично – все на бумаге, и каждый предмет становился источником и гордости, и стыда, – она и начала понимать, что значит «она сама».

«Это так здорово», – сказал Джейкоб, когда она показала ему план этажа. Джулия никогда не показывала ему свою работу, если только он не просил об этом. Никаких тайн, но каждый показ как будто оставлял чувство униженности. Джейкоб ни разу не выразил достаточного воодушевления, или оно было каким-то не таким. А когда он все-таки воодушевлялся, то было это словно подарок со слишком пышным бантом. (Это его «так» убило все.) Джейкоб будто протоколировал свое воодушевление на будущее – чтобы предъявить в следующий раз, когда Джулия скажет, что он никогда не воодушевляется ее работой. А еще Джулию унижало, что ей требовалось воодушевление Джейкоба, даже хотелось этого воодушевления.

А что же в этой потребности и желании нездорового? Да ничего. А зияющая пропасть между тем, где ты есть, и тем, что ты всегда воображала, вовсе не означает провала. Разочарование не должно разочаровывать. Желание, потребность, пропасть, разочарование: расти, знать, участвовать, стареть рядом с другим. В одиночестве можно жить идеально. Но не всю жизнь.

– Великолепно, – сказал он, наклоняясь так близко, что почти коснулся носом двухмерной прорисовки ее мечты. – Удивительно, вообще. Как ты выдумываешь все эти штуки?

– Не уверена, что я их выдумываю.

– А вот тут что, внутренний сад?

– Да, винтовая лестница поднимается по колонне.

– Сэм сказал бы: *«Натянута на колонну»*.

– А ты бы засмеялся, а я бы не обратила внимания.

– Или мы оба не обратили бы. В любом случае это правда, правда мило.

– Спасибо.

Джейкоб поднес палец к рисунку, провел через несколько комнат, неизменно сквозь двери.

– Понимаю, что я не очень умею читать такие схемы, но где будут спать дети?

– Что ты имеешь в виду?

– Если только я чего-то не упускаю, а видимо, так и есть, здесь спальня только одна.

Джулия склонила голову, прищурилась.

– Помнишь анекдот, – сказал Джейкоб, – про пару, которая пошла разводиться после восьмидесяти лет брака?

– Нет.

– Все спрашивают: «Зачем сейчас-то? Почему не пару десятков лет назад, когда еще оставалось что-то впереди? Почему не оставить теперь все как есть?» И те отвечали: «Мы ждали, пока умрут внуки».

Джулии нравились печатающие калькуляторы – евреи среди канцелярских машин, упорно пережившие столько более перспективных офисных устройств, – и пока дети собирались в школу, она выстукивала длинные столбцы цифр. Один раз она подсчитала, сколько минут осталось до поступления Бенджи в колледж. Джулия сохранила результат для истории.

Дома ее были всего лишь наивными этюдами, увлечением. У них с Джейкобом никогда не будет достаточно денег, времени, сил, и Джулия довольно напроектировала жилых помещений и знала, что стремление выжать еще несколько капель счастья практически неизменно отравляет то счастье, которое ты так удачно обрел и так глупо не признавал. Так выходило всякий раз: обновление кухни на сорок тысяч долларов становится обновлением на семьдесят пять тысяч (потому что все теперь думают, будто небольшая разница превращается в большую), становится новым выходом в сад (чтобы в улучшенную кухню падало больше света), становится дополнительной ванной (если уже все равно бетонируешь полы...), становится дурацким переоборудованием электросетей под умный дом (чтобы можно было с телефона сделать погромче

музыку на кухне), становится пассивной агрессией по поводу того, должны ли быть книжные полки на ножках (чтобы не скрывали рисунок паркета), становится агрессивной агрессией, а откуда она взялась, уже не вспомнить. Построить идеальный дом можно, но жить в нем нельзя.

*тебе нравится, как мой язык проталкивается в твою тугую устрицу?
покажи мне
кончи мне в рот*

Была такая ночь в пенсильванском отельчике в начале их супружеской жизни. Они с Джейкобом курили косяк – у обоих это был первый раз со студенческих времен – и, лежа голыми на кровати, обещали друг другу делиться всем-всем без исключения, невзирая на стыд, смущение или боязнь ранить. Это казалось самым смелым обещанием, какое только могут дать друг другу два человека. Обычная правда становилась откровением.

– Никаких исключений, – провозгласил Джейкоб.

– Одно-единственное исключение все похоронит.

– Писался в постель. Такого типа.

Джулия взяла Джейкоба за руку и спросила:

– Знаешь, как я тебя люблю, что делишься вот таким?

– Я, кстати, не писался. Просто показываю границы.

– Нет границ. В этом смысл.

– Бывшие сексуальные партнеры? – спросил Джейкоб, понимая, что именно тут его самое уязвимое место и значит, то опасное поле, на которое должна завести такая откровенность. Неизменно, даже когда у него пропало желание прикоснуться к Джулии или желать ее прикосновений, ему были мучительны мысли о том, что она прикасается к другому мужчине или кто-то прикасается к ней. Люди, что были с ней, удовольствие, что она давала и получала, звуки, которые она выдыхала со стоном. В других ситуациях Джейкоб не был уязвим, но мысленно поневоле, с одержимостью человека, вновь и вновь переживающего давнюю травму, воображал Джулию в интимной близости с другими. Говорила ли она им то же, что ему? Почему такой повтор кажется самым страшным предательством?

– Конечно, будет больно, – сказала она. – Но штука в том, что я хочу знать о тебе всё. Не хочу, чтобы ты хоть что-то утаил.

– Ну, я не утаю.

– И я не утаю.

Они раз-другой передали друг другу косяк, чувствуя себя такими смелыми, такими все-еще-молодыми.

– Что ты утаиваешь вот сейчас? – спросила Джулия, уже почти забывшись.

– Вот сейчас ничего.

– Но что-то *утаил*?

– Вот такой я.

Она рассмеялась. Ей нравилась сообразительность, а ход его мыслей странным образом успокаивал.

– И что последнее ты от меня утаил?

Джейкоб задумался. Под действием травмы думать было труднее, но делиться мыслями легче.

– Ладно, – сказал он, – просто мелочь.

– Хочу все мелочи.

– Лады. Мы были в квартире на днях. В среду вроде? Я готовил для тебя завтрак. Помнишь? Омлет по-итальянски с козым сыром.

– Ага, – сказала Джулия, пристраивая руку у него на бедре, – вкусно было.

– Я не стал тебя будить и потихоньку приготовил.

Джулия выдохнула струю дыма, который не менял формы дольше, чем это казалось возможным, и сказала:

– Я бы сейчас такого навернула.

– Я его зажарил, потому что мне хотелось о тебе позаботиться.

– Я это почувствовала. – Джулия сдвинула руку выше по его бедру, отчего член Джейкоба зашевелился.

– И я его по правде красиво выложил на тарелку. Даже чуток салата сбоку.

– Как в ресторане, – сказала она, забирая его член в ладонь.

– И после первой вилки ты...

– Да?

– Знаешь, вот потому-то люди и не рассказывают.

– Мы не какие-то «люди».

– Ладно. Ну вот, после первой вилки, вместо того чтобы поблагодарить или сказать, что вкусно, ты спросила, солил ли я его.

– И? – спросила она, двигая кулак вверх-вниз.

– И это был сраный облом.

– Что я спросила, солил ли ты?

– Ну, может, не облом. Но досада. Или разочарование. Но что бы я ни почувствовал, я это утаил.

– Но я просто задала рутинный вопрос.

– О, как хорошо.

– Хорошо, милый.

– Но сейчас-то ты, в контексте тех стараний, которые я для тебя приложил, понимаешь, что такой вопрос скорее содержал упрек, чем благодарность?

– А ты так уж старался приготовить мне завтрак?

– Это был особый завтрак.

– А так хорошо?

– Так – забавно.

– Значит, теперь если мне покажется, что еда недосолена, мне надо будет оставить это при себе?

– Или я должен оставить при себе свою обиду.

– Твое разочарование.

– Я уже могу кончить.

– Кончай.

– Но я не хочу уже кончать.

Она замедлила движение, остановилась, сжав пальцы.

– Что ты сейчас утаиваешь? – спросил Джейкоб. – И не говори, что ты слегка обижена, раздосадована и разочарована моей обидой, досадой и разочарованием, потому что этого ты не таишь.

Она рассмеялась.

– Так что?

– Я ничего не таю, – сказала Джулия.

– Копни.

Она со смехом покачала головой.

– Что?

– В машине ты пел «All Apologies» и пел каждый раз «Возопил мой стыд».

– И что?

– То, что там же не так.

- Разумеется, там так.
- «Воск топил мосты».
- *Что?!*
- Угу.
- *Воск топил... Мосты?*
- Ладонь на еврейской Библии.
- Ты мне говоришь, что моя абсолютно осмысленная фраза – осмысленная и сама по себе, и в контексте песни – на самом деле подсознательное выражение моего подавленного чего-то там и что Курт Кобейн нарочно написал слова «*Воск топил мосты*»?
- Именно так.
- Ну, в это я отказываюсь верить. Но в то же время я дико смущен.
- Не смущайся.
- Ага, это обычно помогает, если человек смущается.
- Джулия рассмеялась.
- Это не считается, – сказал Джейкоб. – Это любительское утаивание. Давай что-нибудь хорошее.
- Хорошее?
- Ну, по-настоящему серьезное.
- Она улыбнулась.
- *Что?* – спросил он.
- *Ничего.*
- *Что?*
- *Ничего.*
- Да нет, я слышу, явно что-то есть.
- Ладно, – сдалась она, – я кое-что утаиваю. Действительно серьезное.
- Отлично.
- Но не думаю, что я достаточно эволюционировала, чтобы этим поделиться.
- Динозавры так думали.
- Она прижала к лицу подушку и скрестила ноги.
- Тут всего лишь я, – ободрил ее Джейкоб.
- Ладно. – И вздохнула. – Ладно. Что ж. Вот мы укурились и лежим голые, и я вдруг кое-чего захотела.
- Он безотчетно сунул руку ей между ляжек и обнаружил, что она уже мокра.
- Ну, скажи, – попросил он.
- Не могу.
- Уверен, можешь.
- Она рассмеялась.
- Закрой глаза, – сказал Джейкоб, – так легче.
- Джулия закрыла глаза.
- Не-а, – сказала она. – Не легче. Может, ты тоже закроешь?
- Он закрыл.
- Вот, я захотела. Не знаю, откуда оно взялось. Или почему мне этого захотелось.
- Но тебе хочется.
- Да.
- Рассказывай.
- Вот, мне хочется. – Она вновь засмеялась и уткнулась лицом ему в подмышку. – Мне хочется раздвинуть ноги, а ты чтобы опустил голову и смотрел мне туда, пока я не кончу.
- Только смотрел?
- Без рук. Без языка. Я хочу, чтобы ты меня довел глазами.

– Открой глаза.

– И ты свои открой.

Он не произнес ни слова, не издал ни звука. С необходимой, но не чрезмерной силой перевернул Джулию на живот. Он интуитивно понял: ее желание предполагает, что она не сможет видеть, как он на нее смотрит, что у нее не будет и этой последней страховки. Она застонала, давая понять, что он все понял верно. Джейкоб сполз к ее ногам. Раздвинул ей бедра, потом еще, шире. Поднес лицо так близко, что ощутил ее запах.

– Ты смотришь?

– Смотрю.

– Нравится, что ты видишь?

– Я хочу то, что вижу.

– Но тебе нельзя трогать.

– Не буду.

– Но ты можешь потеревить себе, пока смотришь.

– Уже.

– Хочешь насадить то, что видишь?

– Да.

– Но нельзя.

– Да.

– Хочешь потрогать, какая я мокрая?

– Да.

– Но нельзя.

– Но я это вижу.

– Но не видишь, как там все сжимается, когда я готова кончить.

– Не вижу.

– Скажи мне, на что я там похожа, и я кончу.

Они кончили одновременно, не касаясь друг друга, и на том могли бы успокоиться. Джулия повернулась бы на бок, устроила голову у Джейкоба на груди. Они бы заснули. Но что-то произошло: она посмотрела на него, поймала его взгляд и снова закрыла глаза. И он закрыл глаза. И все могло завершиться тут. Они могли бы изучать друг друга в постели, но Джулия поднялась и принялась изучать комнату. Джейкоб не видел ее – он знал, что лучше не открывать глаз, – но слышал. Ни слова не говоря, он тоже встал с кровати. Они оба потрогали ступень в изножье, письменный стол, стакан с карандашами, кисти на гардинных вязках. Джейкоб потрогал глазок, Джулия – ручку настройки потолочного вентилятора, Джейкоб положил ладонь на теплую поверхность мини-холодильника.

Она сказала:

– Ты понимаешь меня.

Он сказал:

– Ты меня тоже.

Она сказала:

– Я тебя правда люблю, Джейкоб. Но, прошу, скажи просто: «Я знаю».

Он сказал: «Я знаю» и пошел ощупью по стене, по плетеным настенным коврикам, пока не нащупал выключатель.

– Кажется, я сейчас все затемнил.

Через год Джулия забеременела Сэмом. Потом Максом. Потом Бенджи. Ее тело изменилось, но вожделение Джейкоба осталось прежним. Что изменилось, так это объем утаиваемого. Они не перестали заниматься сексом, вот только то, что прежде происходило само собой, теперь требовало либо внешнего толчка (опьянения, просмотра «Жизни Адель» в постели на ноутбуке Джейкоба, Дня святого Валентина) или усиленного продирания сквозь смущение

и страх неловкости, что обычно приводило к мощным оргазмам и отказу от поцелуев. Они все еще иногда произносили такие слова, которые уже через секунду казались унижительными настолько, что приходилось физически отдаляться, например, отправиться за ненужным стаканом воды. Оба по-прежнему мастурбировали, фантазируя друг о друге, даже если эти фантазии не имели никакой кровной связи с реальной жизнью и нередко включали другого «друга». Но даже воспоминания о той ночи в Пенсильвании нужно было утаивать, потому что она будто стала горизонтальной чертой на дверном косяке: *Посмотри, как сильно мы изменились*.

Было то, чего хотелось бы Джейкобу, причем хотелось бы от Джулии. Но возможность разделить эти желания таяла следом за тем, как в Джулии нарастала потребность о них слышать. И то же у нее. Они любили компанию друг друга и всегда предпочли бы ее одиночеству или иной компании, но чем уютнее им было вместе, чем больше у них было общего в жизни, тем больше они отдалялись от собственных внутренних миров.

Вначале они всегда либо поглощали друг друга, либо вместе поглощали мир. Каждый ребенок хочет видеть, как отметки роста ползут вверх по дверному косяку, но многие ли пары способны увидеть прогресс, просто оставаясь прежними? Многие ли могут, повышая доход, не задумываться, что можно купить на дополнительные деньги? Многие ли, приближаясь к концу детородного возраста, могут сказать, что уже имеют достаточно детей?

Джейкоб с Джулией никогда не относились к тем, кто противится обычаю из принципа, но все же они не могли бы подумать, что станут такими заурядными: приобрели вторую машину (и страховку на вторую машину); записались в спортзал с двадцатистраничным выбором курсов; доверили подсчет налогов специалисту; время от времени отправляли бутылку вина обратно на кухню; купили дом с парными раковинами в ванной (и страховку на дом); удвоили набор туалетных принадлежностей; соорудили тиковую загородку для мусорных баков; заменили кухонную плиту на новую, потому что лучше смотрится; родили ребенка (и застраховали его жизнь); заказывали витамины из Калифорнии и матрасы из Швеции; покупали экологичную одежду, цена которой, разделенная на число случаев, когда ее надевали, практически заставляла родить еще одного ребенка. И они родили еще одного ребенка. Они принимали во внимание, сохранит ли ковер свою цену, знали лучших во всем (пылесосы – «Миле», блендеры – «Витамикс», ножи – «Мисоно», краска – «Фэрроу и Болл»), поглощали суши фрейдистскими объемами и работали все больше, чтобы нанимать самых лучших людей заботиться о детях, пока сами работают. И родили еще одного ребенка.

Их внутренние миры перегружались всей этой житейской рутиной – не только в смысле времени и сил, которых требует семья из пяти человек, но и в смысле того, какие мускулы крепили, а какие дрябли. Незыблемая собранность Джулии в общении с детьми так укрепилась, что превратилась как будто в неиссякаемое терпение, а вот ее умение вызвать в муже желание ужалось до эсэмэсок со Стихотворением дня. Волшебный фокус Джейкоба – без рук снять с Джулии лифчик – заменился угнетающе виртуозной способностью собирать детский манеж, чтобы занести его по лестнице наверх. Джулия умела зубами обкусывать ногти новорожденным, кормить грудью, не отрываясь от приготовления лазаньи, вынимать занозы без пинцета и без боли, дети умоляли ее о вшивой расческе, и она усыпляла их массажем третьего глаза, – но забыла, как прикасаться к мужу. Джейкоб объяснял детям разницу между «далее» и «в дальнейшем», но разучился разговаривать с женой.

Свои внутренние миры они вскармливали в одиночестве – Джулия проектировала себе дома, Джейкоб работал над своей библией и купил второй телефон – и между ними возник губительный кругооборот: при неспособности Джулии высказывать желание, у Джейкоба еще убывало уверенности, что она его хочет, и прибывало боязни оказаться в глупом положении, что увеличило расстояние между рукой Джулии и телом Джейкоба, а чтобы заговорить об этом, у Джейкоба не хватало слов. Желание стало угрозой – врагом – их семейственности.

В детском саду Макс любил все раздаривать. Любой друг, приведенный поиграть, неизбежно уходил с пластмассовой машинкой или мягким зверьком. Любые деньги, какие он тем или иным способом приобретал, – мелочь, найденная на тротуаре, пятидолларовая купюра от деда в награду за убедительный аргумент, – предлагались Джулии в очереди на кассу или Джейкобу возле паркометра. Он предлагал Сэму любую часть, сколько тот захочет, своего десерта. «Давай, – уговаривал он замявшегося Сэма, – бери, бери».

Макс не откликался на призывы и нужды ближних: он, похоже, умел их не замечать не хуже любого другого ребенка. И он не был щедр – щедрость требует сознавать, что отдаешь, а этого он как раз и не мог. У каждого есть труба, через которую он проталкивает вовне то свое, что хочет и может разделить с миром, и всасывает все из мира, что хочет и может принять. У Макса этот тоннель был не шире, чем у всех, просто – ничем не забит.

То, чем Джейкоб с Джулией гордились, стало их беспокоить: Макс раздаст все. Стараясь ни намеком не показать, что его образ жизни в чем-то порочен, они осторожно познакомили Макса с идеей ценности и дали представление об ограниченности ресурсов. Сначала он упирался: «Всегда же есть еще», но, как свойственно детям, наконец понял, что живет не так.

Он стал сравнивать ценность всего на свете. «А сорок машин хватит на дом?» («Смотря какой дом и смотря какие машины».) Или: «Ты бы выбрала полную руку алмазов или полный дом серебра? Рука размером с твою, дом размером с этот». Принялся со всеми торговаться: с друзьями речь шла об игрушках, с Сэмом о вещах, с родителями о действиях. («Если я съем половину капусты, ты мне позволишь пойти спать на двадцать минут позже?») Он хотел знать, кем лучше быть: водителем в «Федэксе» или учителем музыки, и огорчился, когда родители оспаривали то, как он употребляет слово «лучше». Он хотел знать, правильно ли, что папа платит за лишний билет, когда они берут с собой в зоопарк его друга Клайва. Если ему нечем было заняться он, бывало, восклицал: «Я напрасно теряю время!» Однажды утром спозаранку он забрался к родителям в постель, чтобы спросить, не это ли и значит быть мертвым.

– Что это, малыш?

– Ничего не иметь.

Подавление плотской потребности друг в друге было для Джейкоба и Джулии самой глубинной и горькой разновидностью лишения, но вряд ли самой пагубной. Путь к отчуждению – друг от друга и от самих себя – совершался совсем малыми, незаметными шажками. Они неизменно становились ближе друг другу в сфере действий – упорядочивая все усложняющиеся дела, больше (и более успешно) разговаривая и переписываясь, прибирая кавардак, устроенный детьми, которых они родили, – и отдалялись в чувствах.

Как-то раз Джулия купила белье. Она положила ладонь на стопку мягкой материи не потому, что захотела посмотреть, а лишь потому, что, как и ее мать, в магазине не могла удержать импульсивного желания потрогать товар. Она сняла пять сотен в банкомате, чтобы покупка не отразилась в истории расходов. Ей хотелось поделиться с Джейкобом, и она изо всех сил постаралась выбрать или создать подходящий повод. И как-то вечером, когда уснули дети, она надела эти трусы. Она думала спуститься к нему, забрать ручку и, не говоря ни слова, сообщить: «*Смотри, какой я могу быть*». Но не смогла. Как не смогла надеть их, ложась в постель: из страха, что Джейкоб не заметит. Как не смогла даже просто положить на постель, чтобы он увидел и спросил. Как не смогла вернуть их.

Однажды Джейкоб написал реплику, как ему показалось, лучшую из всех написанных им. Он хотел поделиться с Джулией – не затем, что он собой гордился, а затем, что хотел увидеть, можно ли еще до нее дотянуться, как получалось у него когда-то, и побудить ее сказать что-нибудь вроде «Ты мой писатель». Он принес страницы на кухню и положил на стойку текстом вниз.

– Ну, как продвигается? – спросила она.

– Продвигается, – ответил он, именно тем тоном, который больше всего не мог терпеть.

- Есть прогресс?
- Да, только не ясно, в том ли направлении.
- А есть то направление?

Ему хотелось ответить: «Ты только скажи „Ты мой писатель”». Но он не смог преодолеть расстояние, которого не было. При той многогранной жизни, которую они делили, невозможно было делиться собственной osobостью. Необходимо было не расстояние-отталкивание, а расстояние-заманивание. И, вернувшись к этой реплике наутро, Джейкоб с удивлением и огорчением увидел, что она все-таки превосходна.

Однажды Джулия мыла руки в ванной над раковиной, убрав очередную кучу Аргусова дерьма, и, когда она смотрела, как мыло образует паутину между ее пальцами и отсвет лампы мерцает, но не исчезает, ее неожиданно охватила такая грусть, что не относится ни к чему и ничего не значит, но придавливает тяжко. Ей захотелось отнести эту грусть Джейкобу – не в надежде, что он поймет что-то такое, чего не смогла она, но в надежде, что он поможет нести то, что не под силу ей. Но расстояние, которого не было, оказалось слишком большим. Аргус нагадил на подстилку и либо не понял этого, либо не счел нужным шевелиться; все размазало по его боку и хвосту. Оттирая его с шампунем для волос мокрой майкой какой-то забытой футбольной команды, прежде разбиравшей сердца, Джулия говорила: «Вот так. Хорошо. Почти закончили».

Однажды Джейкоб захотел подарить Джулии брошь. Он забрел в магазинчик на Коннектикут-авеню – в лавку того типа, где торгуют салатницами, сделанными из деревянного утиля, и салатными щипцами с черенками из рога. Он не собирался ничего покупать, а в ближайшее время не было никаких поводов для подарка. Та, кого он ждал на ланч, прислала эсэмэс, что ее машину заблокировал мусоровоз. Прихватить с собой книгу или газету он не догадался, а в «Старбаксе» все стулья заняли люди, что скорее расстанутся с жизнью, чем оторвутся от своих писательских потуг, чтобы дать Джейкобу возможность покопаться в своем смартфоне.

– А что, вот эта вроде милая? – спросил он женщину по ту сторону прилавка. – Глупый вопрос.

- Мне очень нравится, – ответила она.
- Ну да, вам-то конечно.
- Вот эта мне не нравится, – продолжила женщина, указывая на браслет в витрине.
- А это брошь, правильно?
- Да, брошь. Серебряная отливка с настоящего сучка. Уникальная вещь.
- А это опалы?
- Точно.

Он перешел к другой витрине, сделав вид, что рассматривает разделочную доску с инкрустацией, потом вернулся к броши.

- Ну, то есть она милая, правда? Но не слишком ли блестящая?
- Совсем нет, – сказала продавщица, вынимая брошь из витрины и выкладывая на бархатный лоток.
- Пожалуй, – сказал Джейкоб, не касаясь броши.

Хороша ли она? Дело рискованное. Броши вообще носят? Не чересчур ли она наивно-реалистичная? Не пролежит ли она в футляре, не видя белого света, пока не достанется как семейная реликвия невесте кого-нибудь из мальчиков, чтобы вновь исчезнуть в футляре до того дня, когда ее вновь передадут по наследству? Уместно ли отдавать за такую вещь сот пятьдесят долларов? Его тревожили не расходы, а опасность промахнуться, стыд попытаться и не суметь – выпрямленную конечность сломать куда легче, чем согнутую. После ланча Джейкоб вновь зашел в магазин.

– Простите, это уже смешно, – сказал он, обращаясь к той же продавщице, с которой беседовал, – но не могли бы вы ее надеть на себя?

Она вынула брошь из витрины и приколола к свитеру.

– Не тяжелая она? Не вытягивает ткань?

– Довольно легкая.

– А стильная?

– Можно носить на платье, жакете, джемпере.

– А вы бы обрадовались, если бы вам такую подарили?

Отстранение порождает отстранение, но если отстранения не существует, то в чем его источник? Не было ни вторжения, ни жестокости, ни даже безразличия. Изначально отстранение было близостью – неспособностью одолеть стыд подспудных потребностей, которым не осталось места на поверхности.

кончи мне

тогда получишь мой член

Только в уединении собственного сознания Джулия задумывалась о том, как мог бы выглядеть ее собственный дом. Что бы она обрела и что потеряла. Смогла бы она жить, не видя детей каждое утро и каждый вечер? А что, если она признает, что смогла бы? Через шесть с половиной миллионов минут ей придется. Никто не осудит мать за то, что она отпускает детей учиться в колледж. Отпустить не преступление. Преступление – хотеть отпустить.

ты не заслужила, чтобы тебя пялить в жопу

Если она построит себе новую жизнь, то построит и Джейкоб. Он женится снова. Мужчины так и делают. Они это переживают, все продолжается. Каждый раз. Несложно было представить, что Джейкоб женится на первой же, с кем начнет встречаться. Он заслуживает подруги, которая не рисует воображаемых домов для себя одной. Не заслуживает Джулии, но заслуживает кого-то лучше нее. Такую, что, проснувшись, потягивается, а не зажимается. Не нюхает еду, прежде чем съесть. Не считает домашних животных обузой, называет его домашним прозвищем и при друзьях выдает шутки о том, как славно Джейкоб ее трахает. Новый, не забитый илом канал к новому человеку, и даже если этой попытке суждено в конце концов провалиться, по крайней мере, провалу будет предшествовать счастье.

вот теперь ты заслужила, чтобы тебя пялить в жопу

Ей необходим был выходной. Она порадовалась бы чувству, когда не знаешь, чем заполнить время, с удовольствием побродила бы бесцельно по Рок-Крик-парку, насладившись каким-нибудь блюдом вроде того, что ее дети ни за что не стали бы терпеть, или почитала бы что-то объемное, серьезное, а не колонку о правильном управлении эмоциями или употреблении специй. Но один из клиентов просил помочь с выбором фурнитуры для дверей. Разумеется, в субботу, ведь когда еще человек, способный позволить себе такую фурнитуру, располагает временем на ее выбор? И разумеется, никому не нужна помощь с выбором фурнитуры, но Марк и Дженнифер необычайно беспомощны, когда приходится маневрировать между их взаимно несовместимой эстетической темнотой, и дверная ручка была равно пустяком и символом, чтобы потребовался посредник.

К вящей досаде Джулии, Марк и Дженнифер были родителями одного из друзей Сэма и считали Джулию и Джейкоба своими приятелями, они хотели потом вместе выпить кофе, чтобы «пообщаться». Джулии они нравились, и в той мере, в какой могла наскрести энтузиазма на отношения вне семьи, она считала их друзьями. Но наскребалось не очень. По крайней мере до тех пор, пока ей не удастся «пообщаться» с самой собой.

Кому-то следовало бы изобрести способ поддерживать близость, не встречаясь, не перезваниваясь, не читая (и не строча) писем, имейлов и текстовых сообщений. Разве только матери понимают, сколь драгоценно время? Что его никогда нет вообще? И нельзя просто попить кофе, даже и тем более с теми, кого редко видишь, поскольку нужно полчаса (это если повезло), чтобы добраться до кафе, и полчаса, чтобы вернуться домой (опять же, если повезет), не говоря уж о двадцатиминутном налоге, который платишь просто за перешагивание через порог, и кофе на бегу превращается в сорок пять минут по олимпийскому сценарию. Потом эта кошмарная канитель утром в Еврейской школе, а меньше чем через две недели приедут израильские родичи, а бар-мицва повисла на капельницах, и вот-вот придется распрощаться с ней, и при том, что есть все возможности получить помощь, помощь кажется неправильным, стыдным. Продукты можно заказать по интернету, и их привезут на дом, но здесь ощущается какая-то несостоятельность, пренебрежение материнскими обязанностями – материнской привилегией. Проехать до дальнего магазина, где продукты получше, выбрать авокадо, чтобы к моменту употребления оно стало идеально спелым, проследить, чтобы не помялось в пакете, а пакет не помялся в тележке... это обязанность матери. Нет, не обязанность, а радость. А что, если она способна только выполнять эти обязанности, но не радоваться им?

Джулия никогда не знала, куда деть ощущение, что ей хотелось бы больше для себя времени, пространства, покоя. Может, с девочками было бы иначе, но у нее мальчишки. По году она носила их на руках, но после этих бессонных каникул она оказывалась во власти их телесной природы: воплей, брыканий, стука по столу, состязаний в том, кто громче пернет, и бесконечного исследования собственных мошонок. Она это любила, все это любила, но ей не хватало времени, пространств и покоя. Может, будь у нее девочки, они были бы задумчивыми, менее грубыми, более сознательными, не такими зверятами. Даже проростки подобных мыслей казались ей отступничеством от материнства, хотя она всегда знала, что хорошая мать. Почему же все так сложно? Другие женщины отдали бы последний пенни, лишь бы делать то, что она презирала. Все блага, обещанные бесплодным библейским героиням, дождем пролились ей прямо в ладони. И утекли сквозь пальцы.

хочу слизывать сперму с твоего очка

С Марком они встретились в салоне фурнитуры. Это было изящное место и отвратительное; в мире, где на пляжи выносит тела сирийских детишек, оно было неэтичным, или, по меньшей мере, вульгарным. Но следовало учесть ее бонус.

В момент появления Джулии Марк уже разглядывал образцы. Он хорошо выглядел: подстриженная, припорошенная сединой борода; намеренно тесноватая одежда, явно не покупавшаяся по три вещи разом. Он излучал физическую уверенность человека, который не всегда сможет назвать с точностью до тысячи долларов сумму на своем банковском счету. Это не располагало к нему, но не замечать этого было нельзя.

- Джулия.
- Марк.
- Похоже, Альцгеймера у нас нет.
- Какого еще Альцгеймера?

Невинный флирт так оживляет – нежная щекотка от слов, которые нежно щекочут твоё самомнение. Джулия хорошо это умела, любила и не упускала случая поупражняться, только вот за годы замужества это занятие обросло угрызениями совести. Она понимала, что ничего страшного в такой игривости нет, ей хотелось, чтобы и Джейкоб допускал ее в свою жизнь. Но она знала его иррациональную, безудержную ревность. И как бы это ни растроивало – Джулия не смела и обмолвиться о любовном или сексуальном опыте из прошлого, и ей приходи-

лось дотошно объяснять всякий опыт в настоящем, если он хоть в чем-то мог быть превратно истолкован, – это была часть его натуры, значит, и надо было брать это в расчет.

Притом эта его особенность притягивала ее. Сексуальная неуверенность Джейкоба была столь глубока, что могла идти лишь из самых глубин. И даже когда ей казалось, что она знает о нем все, Джулия не могла ответить, что породило в нем эту ненасытную жажду ободрения. Бывало, расчетливо избежав какого-то невинного события, которое точно поколебало бы его хрупкий душевный покой, она с любовью смотрела на мужа и думала: «Что это с тобой?»

– Извини, опоздала, – сказала она, поправляя воротник. – У Сэма нелады в Еврейской школе.

– Ой-вэй.

– Точно. Ну, как бы оно ни было, вот я. Физически и духовно.

– Может, сначала по кофе?

– Я пытаюсь его не пить.

– Почему?

– Слишком завишу от него.

– Но это беда, только если кофе нет под рукой.

– И Джейкоб говорит...

– И это беда, только если Джейкоб рядом.

Джулия хихикнула, не вполне понимая, смеется его шутке или своей девчоночьей неспособностью устоять перед его мальчишеским обаянием.

– Надо заслужить кофеин, – сказала она, принимая из его руки чрезмерно состаренную бронзовую шишку.

– Тогда у меня есть новости, – сказал Марк.

– И у меня. А мы не будем ждать Дженнифер?

– Нам не нужно. Это и есть моя новость.

– Ты о чем?

– Мы с Дженнифер разводимся.

– *Что?*

– Мы разошлись еще в мае.

– Ты сказал разводиться.

– Мы разошлись. Теперь разводимся.

– Нет, – сказала Джулия, сжимая бронзовый шар и еще больше его состаривая, – вы – нет.

– Что мы – нет?

– Не разошлись.

– Я бы знал.

– Но вы были вместе. Мы же ходили в Кеннеди-центр.

– Да, мы были на постановке.

– Вы смеялись и касались друг друга, я видела.

– Мы друзья. Друзья смеются.

– Но не касаются друг друга.

Марк протянул руку и тронул Джулию за плечо. Она невольно отстранилась, отчего оба они рассмеялись.

– Мы друзья, которые были женаты, – пояснил Марк.

Джулия заложила прядь волос за ухо и добавила:

– Которые все еще *женаты*.

– Которые скоро не будут.

– Не думаю, что это правильно.

– *Правильно?*

– Происходящее.

Марк выставил руку без кольца:

– Происходит уже настолько давно, что полоска загорела.

К ним подошла тощая служащая:

– Могу я вам чем-то помочь сегодня?

– Может быть, завтра, – сказала Джулия.

– Думаю, мы тут разберемся, – произнес Марк с улыбкой, показавшейся Джулии столь же игривой, сколь и та, с которой Марк встретил ее.

– Если что, я здесь, – сказала продавщица.

Джулия положила ручку, пожалуй, чересчур резко, и взяла другую, стальной многоугольник – до смешного тугой, до отвращения маскулинный.

– Что ж, Марк... И не знаю, что тебе сказать.

– «Поздравляю»?

– «Поздравляю»?

– Ну, конечно.

– Это вообще не кажется уместным.

– Но мы сейчас говорим о моих ощущениях.

– Поздравить? Серьезно?

– Я молод. Ну, не совсем, но все-таки.

– Без «не совсем».

– Ты права. Мы определенно молоды. Будь нам по семьдесят, тогда все было бы иначе. Даже, наверное, и в шестьдесят, и в пятьдесят. Может, тогда я бы сказал: «Ну, вот это и есть я. Таков мой удел». Но мне сорок четыре. Еще огромная часть моей жизни впереди. И то же самое у Дженнифер. Мы поняли, что будем счастливее, если проживем каждый свою жизнь. Это хорошо. Уж точно лучше, чем притворяться, или подавлять себя, или с головой уйти в чувство ответственности за свою роль и не спрашивать себя, та ли это роль, которую ты бы выбрал сам. Я еще молод, Джулия, и я выбираю счастье.

– Счастье?

– Счастье.

– *Чье* счастье?

– Мое счастье. И Дженнифер тоже. Наше счастье, но по отдельности.

– Гонясь за счастьем, мы убегаем от удовлетворения...

– Ну, ни мое счастье, ни мое удовлетворение точно не рядом с ней. И ее счастье точно не возле меня.

– Где же оно? Под диванной подушкой?

– Строго говоря, под ее учителем французского.

– Черт! – воскликнула Джулия, громче, чем намеревалась, припечатав себя по лбу стальной ручкой.

– Не понимаю, почему ты так реагируешь на хорошие новости.

– Она даже *не говорит* по-французски.

– И мы теперь знаем, почему.

Джулия поискала взглядом анорексичную продавщицу. Лишь только затем, чтобы не смотреть на Марка.

– Ну а *твое* счастье? – спросила она. – Какой язык ты не учишь?

Он рассмеялся:

– Пока мое счастье быть одному. Я всю жизнь прожил с другими – родители, подружки, Дженнифер. Наверное, мне хочется чего-то другого.

– Одиночества?

– Один – не значит одинокий.

– Эта ручка совершенно уродлива.

- Ты расстроилась?
- Чуть больше сплюснуть, чуть больше вытянуть. Ну ведь не ракетостроение.
- Именно потому ракетостроители не занимаются ручками.
- Не могу поверить, что ты даже не упомянул детей.
- Это тяжело.
- Как это все скажется на них. Как скажется на тебе – видеть их в строго определенное время.

Джулия прижалась к витрине, чуть откинувшись назад. Как ни устраивайся, разговор не станет приятным, но так, по крайней мере, удар немного отклонится. Она положила стальную ручку и взяла другую, которая, если честно, напоминала с дилдо, что подарили ей на девичнике перед свадьбой 16 лет назад. Та штука столь же мало напоминала фаллос, как эта дверная ручка дверную ручку. Подруги смеялись, и Джулия смеялась, а через четыре месяца она наткнулась на подарок, обшаривая шкаф в надежде передарить нераспакованный венчик для взбивания маття⁴, и поняла, что то ли скука, то ли разгул гормонов вполне располагают ее попробовать. Ничего хорошего из этого не получилось. Слишком сухо. Слишком вяло. Но теперь, вертя в руках эту смешную шишку, она не могла думать ни о чем другом.

- Мой внутренний монолог прервался, – сказал Марк.
- Твой *внутренний монолог*? – переспросила Джулия с презрительной ухмылкой.
- Именно.

Она вручила Марку болванку:

– Марк, поступил звонок от твоего внутреннего монолога. Он захвачен в заложники твоим подсознанием в Нигерии, которому ты должен перевести двести пятьдесят тысяч долларов до конца дня.

- Может, это прозвучит глупо. Может, покажется, эгоизмом...
- Да и да.
- ...Но я потерял то, что делало меня мной.

– Марк, ты взрослый человек, не персонаж Шела Сильверстайна, созерцающий свои эмоциональные вавочки на пне дерева, которое пошло у него на строительство дачи или еще чего-то.

– Чем сильнее ты сопротивляешься, – сказал Марк, – тем вернее я убеждаюсь, что ты согласна.

– Согласна? С чем? Мы же говорим о *твоей* жизни.

– Мы говорим о постоянно стиснутых зубах в тревоге за детей, о бесконечном мысленном прокручивании несостоявшихся ссор с твоей половиной. Вот ты не была бы счастливее или не стала более честолюбивым и плодовитым архитектором, если бы жила одна? Разве не была бы ты менее *вымотанной*?

- Что, я вымотанная?
- Чем больше ты отшучиваешься, тем больше уверенности...
- Конечно, не была бы.
- А отпуск? Разве ты не хотела бы отдохнуть без них?
- Не так громко.
- А то вдруг услышит кто-нибудь, что ты человек?

Джулия провела большим пальцем по шишке ручки.

- Конечно, я буду скучать по детям, – сказала она. – А ты не будешь?
- Я спрашивал не об этом.
- Да, я предпочла бы, чтобы они были со мной, но на отдыхе.
- Трудно формулируется, да?

⁴ Маття – дорогой сорт японского порошкообразного чая.

– И все же я хотела бы видеть их рядом. Если бы имелся выбор.

– Ну, то есть ранние вставания, еда без удовольствия, неусыпная бдительность у самого края прибоа в шезлонге, но при этом твоя спина так и не коснется спинки?

– Это счастье, которого не доставляет ничто другое. Первая мысль по утрам и последняя, с которой я засыпаю, – о детях.

– Об этом я и говорю.

– Это я говорю.

– А о себе ты когда думаешь?

– Когда я думаю о дне, что наступит через несколько десятков лет, которые покажутся несколькими часами, то представляю, что буду умирать в одиночестве, но я буду умирать не в одиночестве, ведь меня будет окружать моя семья.

– Прожить не ту жизнь куда хуже, чем умереть не той смертью.

– Вот черт! Вчера вечером мне достался этот же афоризм в печенье с предсказаниями!

Марк наклонился к Джулии.

– Ну скажи мне, – начал он, – не хочется тебе снова владеть своими мыслями и своим временем? Я не прошу тебя говорить плохо о муже или детях. Давай примем по умолчанию, что ничто другое тебя и вполонину никогда так не заботило, как они. Я прошу не такого ответа, который ты хочешь дать или чувствуешь себя обязанной дать. Я понимаю, об этом нелегко думать, а тем более говорить. Но честно: не была бы ты счастливее одна?

– Ты говоришь, счастье – это главнейшее устремление.

– Не говорю. Просто спрашиваю, не была бы ты счастливее одна.

Разумеется, Джулия не в первый раз задавалась этим вопросом, но впервые его поставил перед ней другой человек. И впервые у нее не было возможности уклониться от ответа. Была бы она счастливее одна? Я – *мать*, подумала она, но это не ответ на заданный вопрос, она не просто стремится к счастью, это стремление – ее истинная сущность. У нее нет примеров для сравнения с собственной жизнью, нет параллельного одиночества, чтобы приложить к ее собственному одиночеству. Она просто делала то, что считала правильным. Вела ту жизнь, которую считала правильной.

– Нет, – сказала она, – я не была бы счастливее одна.

Марк провел пальцем вокруг платонически сферической ручки и заметил:

– Тогда ты молодец. Повезло тебе.

– Да. Повезло. Повезло, я так и чувствую.

Несколько долгих секунд молчаливого осязания холодного металла, затем Марк положил ручку на прилавок и спросил:

– Ну?

– Что?

– А у тебя какие новости?

– О чем ты?

– Ты сказала, у тебя есть новости.

– А, да, – ответила Джулия, покачав головой, – нет, это не новости.

Нет, не новости. Они с Джейкобом когда-то обсуждали, что надо подумать не начать ли присматривать местечко за городом. Что-нибудь простенькое, на переосмысление. Да, в сущности, *даже и не обсуждали*, просто заездили шутку до того, что она перестала быть смешной. Это не было новостью. Это был процесс.

Утром после той ночи в пенсильванском отельчике полтора десятка лет назад Джулия с Джейкобом отправились погулять по заповеднику. Необычно многословный приветственный щит на входе объяснял, что существующие дорожки протоптаны срезающими путь туристами и со временем они стали выглядеть как специально проложенные.

Семья Джулии и Джейкоба теперь могла быть описана как некий процесс с бесконечными переговорами и улаживаниями, утрясание мелочей. Может, стоило наплевать на сомнения и в этом году снять оконные решетки. Может, фехтование – уже лишнее занятие для Макса и слишком явный признак буржуазности для его родителей. Может, если заменить металлические лопатки резиновыми, это позволит не выкидывать все антипригарные сковородки, от которых бывает рак. Может, стоит приобрести машину с третьим рядом сидений. Может, неплохо было бы обзавестись проекционным телевизором, или как он там называется. Может, преподаватель Сэма по скрипке прав и следует позволить мальчику играть только песни, которые ему нравятся, даже если это означает «Смотри на меня (Вип-нэ-нэ)». Может, побольше природы – это часть ответа. Может, если заказывать продукты на дом, домашняя еда будет лучше и это облегчит ненужное, но неотвязное чувство вины от заказа продуктов на дом.

Семейная жизнь у них складывалась из подвижек и поправок. Бесконечные микроскопические добавочки. Новости бывают в клиниках «скорой помощи» и в кабинетах юристов, и, как оказывается, в «Альянс франсе». Их ищут и избегают всеми возможными средствами.

– Давай посмотрим фурнитуру в другой раз, – предложила Джулия, сунув ручку в сумочку.

– Мы не будем делать ремонт.

– Не будете?

– Там даже никто больше не живет.

– Ясно.

– Прости, Джулия. Разумеется, мы тебе заплатим за...

– Нет, все правильно. Конечно. Что-то я сегодня торможу.

– Ты вложила столько труда.

После снегопада есть только протоптанные стежки. Но обязательно потеплеет, и даже если снег лежит дольше обычного, он рано или поздно тает, обнажая выбор людей.

мне плевать, кончишь ли ты, но я все равно заставлю тебя кончить

На десятую годовщину свадьбы они вернулись в тот пенсильванский отельчик. Первый раз они наткнулись на него нечаянно – это было до спутниковой навигации, до «Трипэдвайзера», до того, как редкое обретение свободы отравило саму свободу.

Поездке предшествовала неделя подготовки, начавшаяся с решения самой трудной задачи – найти то место. (Где-то в землях амишей, лоскутные коврики на стенах спальни, красная входная дверь, грубо отесанные перила, не было ли там еще подъездной аллеи?) Затем нужно было выбрать день, когда Ирв и Дебора смогут переночевать у них и присмотреть за детьми, и чтобы, когда ни у Джулии, ни у Джейкоба не было никаких неотложных дел по работе, не было родительского собрания, посещения врача, занятий у мальчиков, чтобы следовало присутствовать родителям, и чтобы в этот день в Пенсильвании оказалась свободной та самая комната. Ближайшая дата, связывающая одной нитью все иглы в игольнице, нашлась через три недели. Джулия не понимала, скоро ли это или нескоро.

Джейкоб забронировал номер, а Джулия наметила расписание поездки. Доберутся они не раньше заката, но к закату приедут. На следующий день, позавтракав в отеле (Джулия заблаговременно позвонила справиться о меню), они повторят первую половину своей прогулки по заповеднику, заглянут в старейший амбар и третью по возрасту церковь всего Северо-Востока, прошвырнутся по сувенирным лавочкам – как знать, может, найдут что-то для коллекции.

– Коллекции?

– Вещи, которые изнутри больше, чем снаружи.

– Отлично.

– Потом ланч в небольшой винодельне, про которую я прочитала на «Ремоделисте». Ты отметишь, что надо где-то купить безделушек мальчикам.

– Отметил.

– И мы успеем домой к семейному ужину.

– И у нас хватит времени на все это?

– Пусть лучше планов будет больше, – сказала Джулия.

(Они так и не добрались до сувенирных лавочек, потому что их поездка изнутри оказалась больше, чем снаружи.)

Как и обещали себе, они не стали писать инструкций для Деборы и Ирва, не стали заранее готовить обед или заранее паковать ланчи, не стали говорить Сэму, что он, пока они в поездке, остается «за старшего». Они всем дали понять, что не станут звонить сами, но, конечно, если нужно, телефоны будут держать поблизости и заряженными.

По дороге они разговаривали – не о детях, – пока не исчерпали все, что могли сказать. Молчание не было неловким или тяжелым, оно было обоюдным, уютным и спокойным. Стоял канун осени, как и десять лет назад, и они катили на север вдоль разноцветья меняющихся красок: несколько миль по дороге – на несколько градусов холоднее, на несколько оттенков ярче. Десятилетие осени.

– Ничего, если я включу подкаст? – спросил Джейкоб, смущенный одновременно и своим желанием отвлечься, и потребностью получить разрешение Джулии.

– Будет здорово, – ответила она, сглаживая неловкость, которую заметила в словах Джейкоба, хотя и не поняла ее причины.

Через несколько секунд Джейкоб сказал:

– Э... этот я уже слушал.

– Включи другой.

– Нет, этот в принципе отличный. Хочу, чтобы ты послушала.

Она накрыла ладонью его руку на рычаге коробки передач и сказала: «Ты так любезен», и расстояние между ожидаемым «так любезно с твоей стороны» и «ты любезен» и было любезностью.

Подкаст начинался с рассказа о чемпионате мира по шашкам 1863 года, на котором каждая игра из сорока закончилась вничью, а двадцать одна партия была сыграна абсолютно одинаково, с точностью до хода.

– Двадцать одна одинаковая партия. Ход в ход.

– Невероятно.

Проблема в том, что в шашках число возможных комбинаций относительно невелико, а поскольку есть варианты безусловно предпочтительные, ты можешь выстроить и заучить «идеальную» игру. Лектор объяснил, что термин «книга» относится к истории всех предшествующих игр. Партия считается «из книги», если расстановка фигур на доске уже существовала прежде. Партия «не из книги» или «не в книге», если расположение ранее не отмечалось. Чемпионат 1863 года показал, что шашки, в сущности, достигли совершенства и их «книга» выучена наизусть. Не осталось ничего, кроме монотонного повторения, и каждая игра заканчивается вничью.

Шахматы, впрочем, сложны, практически, безгранично. Возможных шахматных партий больше, чем атомов во Вселенной.

– Задумайся. Больше, чем атомов во Вселенной!

– Как можно узнать, сколько во Вселенной атомов?

– Думаю, надо сосчитать их.

– Задумайся, сколько для этого понадобится пальцев.

– Смешно.

– Вижу, что нет.

– Нет, я смеюсь в душе. Молча.

Джейкоб сплел пальцы с пальцами Джулии.

Шахматная хрестоматия появилась в XVI веке и к середине XX занимала все помещение библиотеки Московского шахматного клуба – сотни коробок, заполненных карточками, на которых записаны все когда-либо сыгранные профессионалами партии. В 1980-е книгу шахмат оцифровали – и многие увидели в этом событии предвестие конца игры шахматы, даже если к этому концу никогда и не придут. Это был рубеж, теперь шахматисты перед матчем имеют возможность изучить историю игр друг друга: как соперник вел себя в тех или иных ситуациях, в чем он силен, а в чем слаб, чего от него следует ждать.

Доступ к хрестоматии целые фрагменты шахматных партий уподобил шашкам – заученные идеальные последовательности ходов, особенно начальных. От шестнадцати до двадцати первых ходов можно отщелкать прямо «с листа». И при этом за редчайшим исключением в каждой шахматной партии возникает «новелла» – расположение фигур, которого еще никто не видел в истории Вселенной. В нотации шахматной партии следующий ход будет помечен как «не из книги». И противники остаются один на один, без истории, без мертвых путеводных звезд.

В отель Джейкоб с Джулией прибыли в момент, когда солнце опускалось за горизонт, как и десять лет назад.

– Немного сбрось скорость, – попросила Джулия, когда до цели оставалось минут двадцать. Джейкоб подумал, что ей хочется дослушать подкаст, и это его тронуло, но она хотела, чтобы приезд получился таким же, как в прошлый раз, и это бы тронуло его, если бы он понял.

Заехав на парковочное место немного не до конца, Джейкоб оставил машину на нейтральной скорости. Он выключил стерео и долго смотрел на Джулию, свою жену. Вращение Земли увело Солнце за горизонт, а оставшееся пространство парковки – под дно машины. Стало темно: десятилетие заката.

– Ничего не изменилось, – сказал Джейкоб, проводя рукой по ограде, сложенной из камня, пока они шагали по мшистой дорожке ко входу. Джейкоб гадал, как и десять лет назад, как ухитряются класть такие стены.

– Я помню все, кроме нас, – заметила Джулия с отчетливым смешком.

Они зарегистрировались, но прежде чем нести в номер вещи, подошли к камину и опустились в отрубаящие все чувства кожаные кресла, которых не помнили, но после уж вспоминали то и дело.

– Что мы пили, когда сидели тут в прошлый раз? – спросил Джейкоб.

– Я-то помню, – ответила Джулия, – потому что меня тогда очень удивил твой выбор. – Розовое.

Джейкоб, весело хохотнув, спросил:

– А что такого в розовом?

– Ничего, – рассмеялась Джулия, – просто это было неожиданно.

Они заказали два бокала розового.

Они пытались вспомнить о первом приезде все до мельчайших деталей: кто в чем был (какая одежда, какие украшения), что и когда говорилось, какая играла музыка (если она была), что шло по телевизору над баром самообслуживания, какие дополнительные закуски подавали, какие анекдоты рассказывал Джейкоб, стараясь произвести на нее впечатление, какими пытался увести разговор в сторону, когда о чем-то не хотел говорить, что думали они, кто набрался храбрости подтолкнуть недавних молодоженов на невидимый мост между местом, где они находились (и где было волнующе, но ненадежно) и где хотели оказаться (там и волнующе и надежно), над бездной столь многих возможных бед.

Глядя грубо вытесанные перила, они поднялись в столовую, где их ждал ужин при свечах, приготовленный почти полностью из продуктов, выращенных тут же, при отеле.

– Кажется, как раз в этой поездке я объяснял, почему не складываю очки, а оставляю их на тумбочке у кровати.

– Кажется, да.

– Еще по бокалу розового.

– Помнишь, ты вышла из ванной и минут двадцать не могла заметить записку, которую я начертил в масле у тебя на тарелке?

– «Мои помаслы о тебе».

– Ага. Тупейшая шутка. Прости за то.

– Если бы мы сидели ближе к огню, ты бы, может, и спасся.

– Ну да, трудно толковать лужицу. А, ладно. В другой раз мой «замасел» будет получше.

– Другой раз – это сейчас, – сказала Джулия, с намеком и с призывом.

– Что ж, мне теперь сбивать сливки? – И подмигнул: – Сбивать?

– Да, я поняла.

– Твоя мягкость сделает честь любому маслу.

– Так скажи мне что-нибудь хорошее.

– Я знаю, что ты думаешь: *масляные шуточки, молочные!*

Это вызвало смешок. Джулия неосознанно попыталась скрыть желание рассмеяться (не от Джейкоба, а от себя), и неожиданно ей захотелось привстать через стол и коснуться его.

– Что? Не справляюсь?

Еще смешок.

– Масло предшествует эссенции.

– Вот тут не поняла. А что скажешь, не перейти ли нам к шуткам про хлеб? Или, может, даже к диалогу?

– Выдоил досуха?

– Пощади, Джейкоб.

– Да я просто квашу!

– Вот это лучшая из всех. Определенно на ней-то и надо остановиться.

– Ну, чтобы развеять всю это молочницу: я ведь самый веселый парень из всех, кого ты встречала в жизни?

– Только потому, что Бенджи еще не парень, – ответила Джулия, но его всепоглощающая спешка и всепоглощающая потребность быть любимым подняли в ней волны любви, уносящей в океан.

– Людей убивает не оружие, людей убивают другие люди. Тостеры не жарят тосты, жар жарит тосты.

– Тостеры жарят хлеб.

– Кефир-циент погрешности невелик!

Что, если она даст ему сполна ту любовь, которая ему нужна и которую ей необходимо отдать, если она скажет: «От твоего ума мне хочется тебя касаться?»

Что, если он смог бы удачно отшутиться или, еще лучше, промолчать?

Еще бокал розового.

– Ты украл часы с комода! Я внезапно вспомнила!

– Я не крал часов.

– Крал, – сказала Джулия, – это точно ты.

Единственный раз в жизни он изобразил голос Никсона:

– Я не жулик!

– Ну, ты определенно им *был*. Там лежала мелкая грошовая чепуховина. После того как мы кончили. Ты подошел к комоду, остановил часы и сунул их в карман пиджака.

– Зачем мне это понадобилось?

– Ну, наверное, должно было показаться романтичным? Или смешным? Или ты пытался предъявить мне свидетельство своей непредсказуемости? Я не знаю. Вернись туда и спроси себя.

– Ты точно меня вспоминаешь? А не другого какого-то парня? Другую романтическую ночь в отеле?

– Никогда не было у меня романтической ночи в отеле с кем-то еще, – сказала Джулия то, что не нужно было говорить и не было правдой, но ей хотелось угодить Джейкобу, в этот момент – особенно. Ни он, ни она не знали, сделав лишь несколько шагов по невидимому мосту, что мост никогда не кончится, что весь остаток их совместной жизни каждый шаг к доверию будет требовать следующего шага к доверию. В тот момент ей хотелось угодить Джейкобу, но так будет не всегда.

Они просидели за столом до тех пор, пока официант покаянно не объявил, что ресторан закрывается до утра.

– Как назывался тот фильм, который мы не смотрели?

Им теперь нужно было идти в свой номер.

Джейкоб положил сумку на кровать, как и в тот раз. Джулия переставила ее на ступень в изножье, как в тот раз. Джейкоб вынул косметичку.

Джулия сказала:

– Понимаю, что не надо, но интересно, что сейчас дети делают.

Джейкоб усмехнулся. Джулия переоделась в свою «соблазнительную» пижаму. Джейкоб наблюдал за этим, не замечая никаких перемен, произошедших с ее телом за десять лет с их последнего приезда, потому что с тех пор он видел ее тело практически каждый день. Он до сих пор, будто подросток, украдкой бросал взгляды на ее груди и бедра, до сих пор фантазировал о том, что было реальным и принадлежало ему. Джулия чувствовала, что он ее разглядывает, и ей это нравилось, поэтому она не спешила. Джейкоб переоделся в трусы-боксеры и футболку. Джулия подошла к умывальнику и ритуально запрокинула голову – старинная привычка, – изучая себя и осторожно оттягивая нижнее веко, будто собиралась вставить контактную линзу. Джейкоб вытащил обе зубные щетки и выдавил на каждую зубной пасты, затем положил щетку Джулии вверх щетиной на раковину.

– Спасибо, – сказала она.

– Не. За. Что, – ответил Джейкоб дурашливым роботским голосом, совершенно беспричинное включение которого могло быть только отражением беспокойства о тех эмоциях и действиях, которых они от себя вроде бы ожидали теперь. Или Джулии так показалось.

Чистя зубы, Джейкоб думал: «Что, если у меня не встанет?» Джулия, чистя зубы, выискивала в зеркале то, чего не хотела бы видеть. Джейкоб побрызгал по пять секунд «Олд спайса» на каждую подмышку (хотя во сне не потел и особенно не ворочался), обтер лицо пенкой для нормальной и жирной кожи (хотя у него была сухая), затем нанес ежедневный увлажняющий лосьон широкого спектра с фотозащитой на 30 (хотя солнце село несколько часов назад, а спать ему предстояло под крышей). Он еще подмазал лосьоном в проблемных зонах: вокруг ал (это слово он узнал только благодаря невротичным поискам в «Гугле»: *Бедный Йорик, где алы твоего отсутствующего носа*), между бровями и над верхними веками. У Джулии схема была посложнее: умывание лица основным тоником, нанесение суперсильного ночного восстанавливающего крема с витамином А, увлажняющего крема, нанесение вокруг глаз осторожными постукиваниями подтягивающего мультиактивного ночного крема от «Ланком». Джейкоб отправился в спальню и сделал растяжку, над которой неизменно потешались все домашние, зато на ее необходимости для человека с сидячей работой настаивал мануальный терапевт, и она действительно помогала. Джулия почистила зубы нитью «Орал-би глайд», которая, хотя одновременно и кошмар для экологии и мошенничество, спасала ее от рвотных позы-

вов. Джейкоб вернулся в ванную и использовал самую дешевую нить, какую нашел в аптеке: нитка и есть нитка.

– А щеткой? – спросила Джулия.

– Минуту назад. Бок о бок с тобой.

В ладонях Джулии без следа исчезла плюшка крема для рук.

Они перешли в спальню, и Джейкоб сказал: «Надо отлить», как всегда говорил в такой момент. Вернулся в ванную, заперся, выполнил свой одинокий вечерний ритуал и для полной видимости спустил воду в унитазе, которым не пользовался. Когда он вернулся, Джулия сидела на кровати, привалившись спиной к спинке, и втирала в бедро согнутой в колене ноги ночной крем «Л'Ореаль» с коллагеном. Джейкобу нередко хотелось ей сказать, что в этом нет необходимости, что он ее будет любить такой, какая она есть, так же как и она будет любить его; но желание чувствовать себя привлекательной было частью ее натуры, так же, как это было частью и его натуры, и это тоже следовало любить. Джулия собрала волосы сзади.

Джейкоб потрогал настенный коврик с изображением морского сражения, увенчанным лентой с надписью «Война 1812: Американский инцидент» и заметил:

– Мило.

Помнит ли она?

Джулия сказала:

– Пожалуйста, вели мне не звонить детям.

– Не звонить детям.

– Ясно, я не должна.

– Или позвони им. Отпускной фундаментализм не для нас.

Джулия рассмеялась.

Перед ее смехом Джейкоб никогда не мог устоять.

– Иди сюда, – позвала она, похлопав рядом с собой по кровати.

– Завтра у нас большой день, – заметил Джейкоб, подсветив сразу несколько аварийных выходов: им нужно отдохнуть, завтрашний день важнее сегодняшнего вечера, он не расстроится, если она скажет, что устала.

– Ты, наверное, вымотался, – сказала Джулия, слегка перенаправив ход событий, – она переложила бремя решения на Джейкоба.

– Ага, – ответил он, почти вопросительно, почти принимая роль. – Да и ты ведь тоже, – предлагая ей принять ее роль.

– Ложись, – попросила Джулия, – обними меня.

Джейкоб погасил свет, положил, не складывая, очки на прикроватную тумбочку и лег на кровать, подле своей уже десять лет как жены. Джулия повернулась на бок, устроив голову у мужа под мышкой. Он поцеловал ее в макушку. И теперь они были сами по себе, без истории, без мертвых звезд, по которым предстояло плыть.

Если бы они произнесли вслух, что в этот миг думали, Джейкоб сказал бы: «Говоря по совести, не так уж хорошо, как помнилось».

А Джулия сказала бы: «А так и не могло быть».

«Мальчишкой я частенько скатывался на велике с горки за нашим домом. И я каждый заезд комментировал. Ну знаешь: «Джейкоб Блох пытается побить мировой рекорд скорости. Он крепко сжимает руль. Получится ли у него?» Я называл горку Большим Холмом. За все годы детства там я больше, чем где-либо, чувствовал себя смелым. Я заехал туда на днях. Возвращался со встречи, и у меня было несколько минут. И я не смог найти холм. Нашел место, где он был или должен был быть, но его там не оказалось. Едва заметный уклон!»

«Ты вырос», – сказала бы Джулия.

Если бы они высказали вслух, что в этот миг думали, Джейкоб сказал бы:

«Я думаю о том, как мы не занимаемся сексом. А ты?»

И без всякой обиды или неприятия Джулия ответила бы:

«И я думаю».

«Я не прошу тебя ничего говорить. Обещаю. Я просто хочу тебе сказать, как чувствую я. Ладно?»

«Ладно».

И рискнув сделать еще шаг по невидимому мосту, Джейкоб сказал бы:

«Я переживаю, что ты не хочешь секса со мной. Не хочешь меня».

«Тебе не о чем переживать», – сказала бы Джулия, глядя его ладонью по щеке.

«А я тебя всегда хочу, – сказал бы он. – Я смотрел, как ты раздеваешься...»

«Знаю. Я почувствовала».

«Ты абсолютно так же прекрасна, как десять лет назад».

«Это явная неправда. Но спасибо».

«Правда для меня».

«Спасибо».

Тут Джейкоб понял бы, что стоит на середине невидимого моста, над бездной возможных бед, в самой дальней от берега точке.

«Как думаешь, почему мы не занимаемся сексом?»

И Джулия, встав над ним и не глядя на него, сказала бы:

«Не оттого ли, что так велики ожидания?»

«Может быть. И мы на самом деле устали».

«Да, я – точно».

«Я сейчас скажу такое, что нелегко говорить».

«Тебе нечего бояться», – пообещала Джулия.

Он повернулся бы к ней и сказал бы:

«Мы ни разу не говорили о том, что у меня иногда не встает. Ты не думаешь, что дело в тебе?»

«Думаю».

«Дело не в тебе».

«Спасибо, что успокаиваешь».

«Джулия, – сказал бы он, – дело не в тебе».

Но ни Джейкоб не произнес ни слова, ни Джулия. Не потому, что они намеренно сдерживали себя, а потому, что канал между ними оказался забит. Слишком много мелкого мусора: ненужных слов, несказанных слов, вынужденного молчания, легко отрицаемых уколов в известные уязвимые места, упоминаний того, что не нужно упоминать, недоразумений и случайностей, мгновений слабости, мелких актов гаденькой мести за мелкие акты гаденькой мести за мелкие акты гаденькой мести за какую-то обиду, которой уже никто не вспомнит. Или вовсе без всякой обиды.

В тот вечер они не отвернулись друг от друга. Не откатились на разные края кровати, не втянулись в отдельные коконы молчания. Они обнялись и в темноте делили свое молчание. Но молчание. Ни он, ни она не предложил исследовать комнату с закрытыми глазами, как они сделали, когда были тут в последний раз. Каждый изучал комнату сам, в мыслях, рядом с другим. И в кармане пиджака у Джейкоба лежали остановленные часы – десять лет показывающие 01:43, – он выжидал удачного момента показать их.

ты у меня будешь кончать и после того, как взмолишься остановиться

На парковке у салона Джулия сидела в своей машине – «вольво», как и у всех, того цвета, который оказался ошибкой в первую же секунду после того, как стало поздно передумать, – не понимая, что ей с собой делать, понимая только: что-то делать нужно. Она не так хорошо умела

занимать себя телефоном, чтобы убить столько времени, сколько требовалось. Но, по крайней мере, немного потранжирить могла. Она нашла компанию, которая выпускает ее любимые макетные деревья для архитекторов. Это не самые реалистичные макеты, их даже не назовешь хорошо изготовленными. Джулии они нравились не потому, что напоминали деревья, а потому, что вызвали грусть, которую навевают деревья, – так размытые фотографии иногда наилучшим образом схватывают суть предмета. Совершенно невероятно, чтобы изготовитель задумывал что-то такое, но это можно было допустить, что, впрочем, не имело значения.

Компания выпустила новую серию осенних деревьев. Кто может быть покупателем таких шуток? Оранжевый клен, красный клен, желтый клен, осенний платан, рыжая осина, желтеющая осина, облетающий клен, опадающий платан. Она вообразила лилипутского молодого Джейкоба и лилипутскую молодую Джулию в лилипутском, оцарапанном и мятом «саабе». Они едут по извилистой дороге, обсаженной бесконечными лилипутскими осенними деревьями, под бесконечностью лилипутских крупных звезд, и, как деревья, лилипутская молодая пара не отличалась ни реалистичностью, ни качеством изготовления, и они не напоминали свои большие и старшие ипостаси, но напоминали о грусти, которую все чаще будут испытывать «оригиналы».

Марк постучал ей в стекло. Она хотела опустить его и поняла, что надо завести машину, а ключей нет ни в замке зажигания, ни у нее в руках, и ей не хотелось рыться в сумке, так что она неловко отворила дверцу.

- Увидимся на сессии детского ООН.
- Что?
- Через пару недель. Я тоже сопровождающий.
- О! Не знала.
- Так что сможем продолжить разговор там.
- Не знаю, много ли еще можно сказать.
- Всегда что-то можно добавить.
- Иногда и нет.

И тут, в свой выходной, желая только как можно дальше отстраниться от своей жизни, она обнаружила, что мчится домой кратчайшим путем.

Хватит, когда я скажу хватит

Вот не я

- > Кто-нибудь знает, как сделать хорошее фото звезд?
 - > Которые на небе или ладонями в мокром цементе?
 - > У меня из-за вспышки все белое выходит. Отключаю, но тогда слишком долго открыта шторка, а рука дрожит и все размазывается. Пробовала придерживать другой рукой, все равно плывет.
 - > Ночью телефоном бесполезно.
 - > Кроме как в темном коридоре посветить.
 - > У меня сдыхает телефон.
 - > Или позвонить кому-нибудь.
 - > Постарайся облегчить ему уход.
 - > Саманта, тут света до хера!
 - > Чума.
 - > Ты где, что видишь звезды?
 - > Чувак сказал, аппарат исправен. А я: «Если с ним все нормально, почему он сломан?»
- А он: «Почему сломан, если с ним все нормально?» И тут я еще раз попробовала ему показать, но, ясно дело, он опять работал. То ли разреветься, то ли убить его, такое чувство.
- > Что там с бат-мицвой?

В любой момент на Земле есть сорок значений времени. Другой интересный факт: в Китае было пять часовых поясов, но теперь только один, и для некоторых китайцев солнце встает не раньше десяти утра. Еще один: задолго до того, как человек полетел в космос, равнины спорили, как в космосе соблюдать Шаббат – и не потому, что они предвидели полеты в космос, а потому, что буддисты умеют сосуществовать с нерешенными вопросами, а евреи скорее умрут. На земле солнце встает и садится один раз в течение суток. Космический корабль облетает Землю за девяносто минут, а значит, Шаббат наступает раз в девять часов. Одна теория предполагала, что еврей просто не должен находиться в таком месте, где возникают сомнения относительно порядка чтения молитв и соблюдения правил. Другая – что земные заповеди привязаны к Земле, и все, что происходит в космосе, остается в космосе. Одни доказывали, что еврейский астронавт должен следовать тому же ритуалу, какого придерживается на Земле. Другие – что время Шаббата следует устанавливать по приборам на корабле, при том что в Хьюстоне евреев не больше, чем в раздевалке «Рокетс». Два еврейских астронавта погибли в космосе. Ни один еврейский астронавт не соблюдал Шаббат.

Отец дал Сэму прочесть статью об Илане Рамоне – единственном израильтянине, летавшем в космос. Перед полетом Рамон пришел в Музей холокоста, чтобы взять что-нибудь с собой. Он выбрал рисунок Земли неизвестного еврейского мальчика, сгинувшего в войну.

– Представь, как этот милый ребенок рисует, – сказал Сэму отец, – а ему на плечо сел бы ангел и сказал: «Тебя убьют раньше, чем придет твой следующий день рождения, а через шестьдесят лет представитель еврейского государства возьмет с собой твой рисунок летящей в космосе Земли в *этот самый космос...*»

- Если бы существовали ангелы, – возразил Сэм, – его бы не убили.
- Если бы ангелы были добрыми ангелами.
- А мы верим в злых ангелов?
- Мы вроде бы не верим ни в каких.

Сэм любил узнавать новое. Накапливая и распределяя факты, он как будто начинал чем-то управлять, в этом была польза и чувство, противоположное бессилию, которое ощущаешь,

если у тебя некрупное, не слишком хорошо развитое тело, не способное безупречно выполнять команды большого, перевозбужденного мозга.

В «Иной жизни» всегда стоят сумерки, так что один раз за день «иное время» соответствовало «реальному времени» игрока. Некоторые называли это момент Гармонией. Кто-то стремился не пропустить. Кто-то не любил находиться у экрана, когда этот момент наступал. Бар-мицва Сэма была все еще далека. Бат-мицва Саманты была сегодня. А когда шаттл взорвался, рисунок просто сгорел? Может, какие-то его мельчайшие частички еще кружат по орбите? Или они упали в воду, опустились за несколько часов на океанское дно и припорошили какое-то из глубоководных существ, настолько странных, что они выглядят пришельцами из космических бездн?

На скамьях расселись люди, которых знала Саманта, а Сэм ни разу не видел. Они приехали из Киото, Лиссабона, Сакраменто, Лагоса, Торонто, Оклахома-Сити и Бейрута. Двадцать семь сумерек. Они собрались вместе в цифровой синагоге, созданной Сэмом, – они видели красоту; Сэм же видел все, что было неладно в ней, все, что было неладно в нем. Они собрались к Саманте, община из ее сообществ. Повод, насколько они знали, был радостный.

- > Покажи еще кому-нибудь. Потребуй, чтобы открыли.
- > Выкинь его на хер с моста.
- > Кто-нибудь объяснит, что тут творится?
- > Забавно, я как раз еду по мосту, но я в «амтраке», и тут не открываются окна.
- > Скинь фотку воды.
- > Саманта сегодня станет женщиной.
- > Окно можно открыть разными способами.
- > У нее месячные?
- > Представь тыщи телефонов, вынесенных на берег.
- > Любовные письма в цифровых бутылках.
- > Зачем представлять? Поезжай в Индию.
- > Сегодня она станет еврейкой.
- > О, я тоже в «амтраке»!
- > Еврейкой?
- > Скорее письма с проклятиями.
- > Давай не вычислять, не в одном ли мы поезде, ОК?
- > Израиль на хер хуже.

> Вики: «По достижении 12 лет девочка становится «бат мицва» – дочерью Завета – и согласно еврейской традиции наделяется всеми правами взрослого человека. С этого момента она морально и этически ответственна за все свои решения и поступки».

- > Включи таймер в камере своего телефона и положи на землю вверх глазом.
- > Евреи хуже всех.
- > Тук-тук.
- > Зачем тебе вообще снимать звезды?
- > Кто там?
- > Чтобы запомнить их.
- > Ну не шесть миллионов евреев!
- >?
- > Я валяюсь.
- > Антисемит!
- > Валяюсь, угар.
- > Я еврей!

Никто ни разу не спросил Сэма, почему он сделал своим аватаром латиноамериканку, потому что никто, кроме Макса, этого не знал. Такой выбор мог бы показаться странным. Кто-то мог бы счесть его даже вызовом. Они бы ошиблись. Быть Сэмом – вот где странность и вызов. Иметь такие продуктивные слюнные и потовые железы. Во время ходьбы не уметь не думать о ходьбе. Скрывать прыщи на спине и на заду. Не было опыта унижительнее и экзистенциально более унижительнее, чем покупка одежды. Но как объяснить матери, что пусть лучше у него не будет вещей, которые нормально сидят, чем в зеркальной камере пыток убеждаться, что такой одежды не существует? Рукава всегда кончаются не там, где нужно. Воротник не может не быть слишком острым, или слишком высоким, или не топорщиться. Пуговицы на любой рубашке обязательно пришиты так, что вторая сверху либо душит, либо раскрывает все горло. Есть такая точка – буквально уникальное расположение во Вселенной, где нужно расположить эту пуговицу, чтобы было удобно и естественно. Но ни одной рубашки с таким расположением пуговицы никто никогда не сшил – наверное, потому, что ни у кого пропорции верхней части тела не были еще такими непропорциональными, как у Сэма.

Поскольку родители Сэма были в отношении технологий полные олухи, он знал, что они время от времени просматривают историю его поисковых запросов, – регулярная чистка, которая всякий раз тыкала его угреватым носом в ничтожность существования подростка с Y-хромосомой, который смотрит на Ютубе обучающие видео по пришиванию пуговиц. И в такие вечера, запершись у себя в комнате, пока родители тревожились, не серфит ли он огнестрел, бисексуальность или ислам, он занимался переносом предпоследней пуговицы и петли на своих проклятых рубашках в нужную точку. Половина его занятий изобличала в нем голубого. А вообще-то значительно больше половины, если вычтешь такие занятия, как выгуливание средних размеров собаки и сон, которые равно свойственны геям и натуралам. Сэму было плевать. Геи не вызывали у него никакого неприятия, даже эстетического. Но он не преминул бы внести ясность, потому что больше всего не терпел, когда его не понимали.

Однажды за завтраком мать спросила, не перешивает ли он пуговицы на рубашках. Он отрицал с небрежной горячностью.

Она сказала:

– По-моему, ловко.

И с тех пор верхней половиной его каждодневной всесезонной униформы стали футболки «Американ Аппарель», даже несмотря на то, что они демонстрировали титки, загадочным образом торчавшие из довольно-таки скукоженного торса.

Станным казалось иметь волосы, которые ни разу, сколь бы ты их ни приглаживал и сколь бы ни мазал на них всяких средств, не легли как нужно. Станным казалось ходить, и часто он ловил себя на том, что включает чрезмерно (или недостаточно) подчеркнутый подиумный шаг, при котором вихляет задницей, а ногу впечатывает в землю так, будто пытается не просто давить насекомых, а осуществить геноцид насекомых. Зачем он так ходил? Потому что ему хотелось ходить так, как не ходит никто другой, и его упорные старания этого добиться оборачивались кошмарным зрелищем кошмарного передвижения субъекта, настолько подобного непокорному вихру, что только передвижением это и можно было назвать. Станным казалось сидеть на стульях, с кем-нибудь встречаться глазами, говорить голосом, который он знал, как свой, но не узнавал, или узнавал в нем голос очередного самозваного шерифа «Википедии», что никогда не обзаведется биографической статьей, которую будет читать или тем более редактировать кто-то, кроме него самого.

Он допускал, что были такие моменты, помимо мастурбации, когда он чувствовал себя комфортно в своем теле, но не мог вспомнить их – может, это было до того, как он переломал пальцы? Саманта была не первым его аватаром в «Иной жизни», но первой, чья логарифмическая шкура села по нему. Ему не приходилось кому-то объяснять свой выбор – Макс ухватало наивности или правильности не интересоваться, – но как он объяснял это себе? Он не

жалел, что не был девочкой. Не жалел, что он не был латиноамериканкой. И опять же *не* не жалел, что он не девочка-латиноамериканка. При всей своей почти непрестанной досаде на то, какой он есть, Сэм никогда не обманывался и не считал, что проблема в нем. Проблемой был мир. Это мир ему не подходил. Но много ли радости принесло Сэму это предъявление счета к несовершенству мира?

- > Я не спал до 03:00, шарился на «Гугл-стритвью» по своему району и увидел себя.
- > А будет после этого какая-нибудь туса?
- > Кто-нибудь знает, как редактировать PDF? Искать очень уж лениво.
- > Заголовок моих звездных мемуаров: «То были худшие времена, худшие времена».
- > Какой именно PDF?
- > У нас через три года кончится кленовый сироп?
- > А там все будет на иврите? Если так, может, кто не такой ленивый, как я, создаст скрипт, чтобы все прогнать через переводчик?
- > Я тоже его читал.
- > Почему он кажется мне таким невероятно грустным?
- > У кого-нибудь есть некстековская флешка?
- > Потому что ты любишь всякую бодягу.
- > Заголовок моих звездных мемуаров: «Я все делал по-вашему».
- > Я пропустил статью про сирийских беженцев. Я в курсе, что там ужасная жесть, и знаю, что теоретически я от этого расстроюсь, но не могу найти способ почувствовать что-нибудь. Но от сиропа я хочу спрятаться под кровать.
- > Они работают несколько недель, и все.
- > Так спрячься и плачь кленовыми слезами.
- > Саманта, у меня для тебя есть такое, что ты полюбишь, если у тебя еще нет этого, хотя, наверное, есть. По-любому, скидываю.
- > Чудеснейшая песенка играет в наушниках у девушки через проход от меня.
- > Сегодня самое популярное среди запросов: какие-то детишки в России на самодельной тарзанке, аллигатор кусает электрического угря, корейский старичок-лавочник отмудохал грабителя, пять смеющихся близнецов, две черные девчонки мутузят друг дружку на школьном дворе...
- > Какая песня?
- > Хочется сделать что-то значительное, но что?
- > Уже все, я вычислил.
- > Черт, я не знал, что на бат-мицву положено дарить подарки.
- > Перекачивается вечность.

Сэм думал, не написать ли Билли – спросить, не присоединится ли она к нему на концерте современных танцев (или шоу, или как там это называется) в субботу. Штука прикольная, судя по описанию Билли в дневнике, который Сэм стащил из ее брошенного рюкзака, пока она была в спортивном зале, спрятал за своим куда более толстым и куда менее интересным учебником химии и проштудировал. Сэм не любил писать с телефона, потому что приходилось смотреть на собственный большой палец – палец, которому досталось больше других или который хуже других зажил. Который люди старались не замечать. Спустя недели после того, как к другим пальцам вернулся нормальный цвет и более или менее нормальная форма, большой оставался черным и перекошенным в суставе. Врач сказал, что палец не восстанавливается, и предлагал ампутировать его, чтобы инфекция не распространилась на всю кисть. Он сказал это при Сэме. Отец спросил: «Вы уверены?» А мать настояла на втором мнении. Второе мнение было таким же, и отец вздохнул, а мать потребовала показать руку еще одному врачу. Третий врач сказал,

что прямого риска заражения нет, что у детей сверхчеловеческая сопротивляемость и «почти всегда эти существа находят способ исцелиться». Отец не очень поверил этим словам, но мать поверила, и через две недели чернота стала отступать к кончику пальца. Сэму еще не было восьми. И он не запомнил ни одного из врачей, не запомнил, как его лечили. Он плохо помнил даже сам несчастный случай и, бывало, гадал, не родительские ли воспоминания вспоминает.

Сэм не запомнил, как во весь голос кричал: «Зачем меня?» – не от ужаса, не от гнева, не от смущения, но из-за обширности вопроса. Ходят легенды о матерях, руками подымавших автомобили, чтобы освободить зажатого машиной ребенка: это Сэм помнит, но не помнит сверхчеловеческого самообладания собственной матери, когда, встретив дикий взгляд Сэма, она пригласила его, объявив: «Я тебя люблю, я тут». Он не помнит, как металлическими скобами хирург собирал заново кончики его пальцев. Не помнит, как, очнувшись от пятичасового послеоперационного забытья, увидел, что отец заполнил его комнату всевозможными игрушками. Но помнит, во что они часто играли, пока он был совсем мал: «Где большой пальчик? Где большой пальчик? Вот я! Вот я!» После его травмы с Бенджи в это уже не играли ни разу, и ни разу никто не признал, что в это больше не играют. Родители старались щадить Сэма, не понимая, что стыд, скрывавшийся за этим молчанием, – как раз то, от чего его бы надо было избавить.

> Вот какое должно быть приложение: наводишь телефон на какой-то предмет, и он показывает видео, как эта штука выглядела несколько секунд назад. (Ясно, для такого нужно, чтобы практически каждый снимал и грузил практически все, что видит практически всегда, но ведь уже практически так и есть.) Тогда будешь видеть, что в мире происходит прямо сейчас.

> Чума. И можно поменять установки, чтобы выставить задержку побольше.

>?

> Можно увидеть мир вчерашний, или месяц назад, или в твой день рождения, или – ну это будет можно, когда подгрузят нужный объем видео, – люди смогут гулять по своему детству.

> Представь, как умирающий человек, который еще не родился, гуляет по своему дому детства.

> А если его снесли?

> И там тоже будут призраки.

> Призраки какие?

> «Умирающий, который еще не родился».

> А это вообще когда-нибудь начнется?

Стук в дверь перенес Сэма на другую сторону экрана.

– Проваливай.

– Ладно.

– Что? – спросил он, открывая Макс.

– Уже ухожу.

– Что это?

– Тарелка с едой.

– Нет, это не так.

– Тосты – это еда.

– За каким чертом мне могут понадобиться тосты?

– Чтобы заткнуть уши?

Сэм жестом пригласил Макса войти.

– Про меня говорят?

– Ага!

– Плохое?

– Ну, точно не поют «Наш друг хороший парень», не сомневайся.

– Папа расстроился?

– Я бы сказал, да.

Сэм вновь обратился к экрану, а Макс тем временем невозмутимо изучал комнату брата.

– Из-за меня? – спросил Сэм, не поворачиваясь.

– Что?

– Расстроился из-за меня?

– Я думал, ты этого и хотел.

– Ну, он не может быть таким сосунком.

– Да, зато мама может быть с железными яйцами.

Сэм рассмеялся:

– Абсолютно точно. – Он отключился и повернулся к Макс. – Они отдирают пластырь с такой скоростью, что новые волоски успевают вырасти и прилипнуть к нему.

– А?

– Я бы хотел, чтобы они уже развелись.

– Развелись? – переспросил Макс, и его организм срочно перенаправил кровоток в ту часть мозга, что маскирует панику.

– Конечно.

– Правда?

– Ты что такой темный?

– Типа, глупый?

– Ничего не знаешь.

– Не знаю.

– Ну, – начал Сэм, обводя пальцем край планшета – границу прямоугольной бреши в физическом мире, – ты бы кого выбрал?

– Для чего?

– *Выбирать*. С кем остаться.

Максу это не понравилось.

– Разве дети не делят, типа, время, или как-то так?

– Да, сначала так, но потом, понимаешь, обязательно придется выбирать.

Максу это сильно не понравилось.

– По-моему, с отцом веселее, – сказал он. – И гораздо меньше будут дергать. И наверное, больше всяких классных штук, и дольше у компа сидеть...

– Успеешь поразвлечься, пока не помрешь, от цинги или от меланомы, загорать-то будешь без защитного крема, или пока тебя не посадят в тюрьму за опоздания в школу каждый день.

– За это сажают?

– Посадят, если не свалишь сейчас отсюда.

– И я бы скучал по маме.

– А что мама?

– Она – это она.

Сэму его ответ не понравился.

– Но если бы остался с мамой, я бы скучал по папе, – продолжил Макс, – так что, наверное, я не знаю. А ты бы кого выбрал?

– Для тебя?

– Для себя. А я хочу там, где ты будешь.

Сэму это сильно не понравилось.

Макс запрокинул голову и смотрел на потолок, чтобы слезы закатились обратно в глаза. Почти как робот, но именно неспособность принимать неотъемлемое человеческое чувство и делала его человеком. Ну, или сыном своего отца.

Макс сунул руки в карманы – фантик от тянучки, огрызок карандаша с игры в мини-гольф, чек, на котором испарился текст, – и сказал:

– Вот я раз был в зоопарке...

– Ты был в зоопарке тыщу раз.

– Это анекдот.

– А.

– Ну вот, я раз пошел в зоопарк, поскольку слышал, что это, типа, лучший зоопарк в мире. Ну и, понимаешь, захотел увидеть сам.

– Наверное, было на что посмотреть.

– Ну, странность в том, что во всем зоопарке было только одно животное.

– Кроме шуток?

– Да. И это была собака.

– Аргус?

– Ты мне сбил весь рассказ.

– Повтори последнюю строчку.

– Я начну с самого начала.

– Давай.

– Однажды я пошел в зоопарк, поскольку слышал, что это лучший зоопарк в мире. Но дело в том, что там было только одно животное, на весь зоопарк. И это была собака.

– Надо же!

– Да, и оказалось, что это шитцу. Сечешь?

– И впрямь смешно, – сказал Сэм, не умея рассмеяться, несмотря на то, что искренне считал анекдот смешным.

– Ты понял, да? Шит зу?⁵

– Да.

– Ши. Тцу.

– Спасибо, Макс.

– Я тебе уже надоедаю?

– Совсем нет.

– Да, да.

– Вообще наоборот.

– А какой наоборот у надоедания?

Сэм запрокинул голову и, метнув взгляд в потолок, сказал:

– Спасибо, что не спрашиваешь, я ли это написал.

– А, – сказал Макс, комкая стершийся чек между большим и указательным пальцем, – это потому что мне наплевать.

– Я знаю. Ты единственный, кому наплевать.

– А оказалось, тут шитцу-семья, – заключил Макс, гадая, куда он направится, выйдя за дверь.

– Вот это не смешно.

– Может, ты просто не понял.

⁵ В анекдоте обыгрывается созвучие shihtzu (ши-т-цу) и shit zoo (шитзу) – говенный зоопарк (англ.).

Истинный

- Па-ап? – позвал Бенджи, вновь вбегая на кухню с бабушкой на буксире.
Он всегда произносил «пап» с вопросительным знаком, как будто спрашивая, где отец.
- Да, дружище?
- Вчера, когда ты приготовил обед, у меня брокколи касались цыпленка.
- И ты вдруг об этом вспомнил?
- Нет. Весь день думаю.
- Все равно в животе все смешивается, – сказал Макс с порога.
- Откуда ты? – спросил Джейкоб.
- Из маминой вагины, – сказал Бенджи.
- И ты все равно умрешь, – продолжил Макс, – так не все ли равно, что там касалось цыпленка, который все равно мертв.
- Бенджи обернулся к Джейкобу:
- Это правда, пап?
- Что именно?
- Я умру?
- Макс, зачем? Для чего это было нужно?
- Я умру!
- Через много-много-много лет.
- А это что-то сильно меняет? – спросил Макс.
- Могло быть и хуже, – заметил Ирв. – Ты мог бы быть Аргусом.
- А почему Аргусом быть хуже?
- Ну, знаешь, одной лапой уже в печи.
- Бенджи испустил жалобный вой, и тут, будто принесенная невесть откуда световым лучом, Джулия распахнула дверь и вбежала в комнату:
- Что случилось?
- А ты почему дома? – спросил Джейкоб, которого в этот момент все достало.
- Папа говорит, я умру.
- Вообще-то, – сказал Джейкоб с натужным смешком, – я *говорил*, что ты проживешь очень-очень-очень долгую жизнь.
- Джулия взяла Бенджи на руки со словами:
- Конечно, ты не умрешь.
- Тогда приготовьте *два* замороженных бурито, – попросил Ирв.
- Привет, дорогая, – сказала Дебора, – а я уже тут начала ощущать эстрогеновое голодание.
- Мама, откуда у меня вава?
- У тебя нет никакой вавы, – вмешался Джейкоб.
- На коленке, – сказал Бенджи, указывая на совершенно здоровое колено, – вот тут.
- Наверное, ты упал, – предположила Джулия.
- Почему?
- Там нет абсолютно никакой вавы.
- Потому что падать – это часть жизни, – сказала Джулия.
- Это истинная жизнь, – сказал Макс.
- Красиво сказал, Макс.
- *Истинная*? – спросил Бенджи.
- Настоящая, – пояснила Дебора.
- Почему падать – это настоящая жизнь?

- Это не так, – сказал Джейкоб.
- Земля все время падает к Солнцу, – сказал Макс.
- Почему? – спросил Бенджи.
- Из-за притяжения, – ответил Макс.
- Нет, – настаивал Бенджи, обращаясь к Джейкобу, – почему падать не истинная жизнь?
- Почему не истинная?
- Да.
- Не уверен, что понял твой вопрос.
- Почему?
- Почему я не уверен, что понял твой вопрос?
- Да, это.
- Потому что разговор стал непонятным и потому что я всего лишь человек, у меня крайне ограниченный ум.
- *Джейкоб.*
- Я умираю!
- Ты перегибаешь палку.
- Нисколько!
- Ни в коем случае!
- Я нет.
- *Нет*, Бенджи.
- Дебора:
- *Поцелуй там*, Джейкоб.
- Джейкоб поцеловал несуществующую ваву.
- Я могу поднять наш холодильник, – заявил Бенджи, не вполне понимая, готов ли он прекратить плакать.
- Это замечательно, – сказала Дебора.
- Ни фиги не можешь, – возразил Макс.
- Макс говорит: «Ни фиги не можешь».
- Отстань от ребенка, – попросил Джейкоб театральным шепотом: – Если говорит, что может поднять холодильник, значит, может поднять.
- Я могу его далеко унести.
- Я разберусь, – сказала Джулия.
- Я могу мысленно управлять микроволновкой, – сказал Макс.
- Только не ты, – ответил ей Джейкоб, слишком небрежно, чтобы можно было поверить. – У нас все отлично. Мы шикарно проводим время. Ты просто пришла в неудачный момент. Нерепрезентативный. Но у нас все классно, и сегодня у тебя выходной.
- Выходной от чего? – спросил Бенджи маму.
- Что? – не поняла Джулия.
- От чего тебе нужен выходной?
- Кто сказал, что мне нужен выходной?
- Папа только что сказал.
- Я сказал, что мы даем тебе выходной.
- От *чего*? – спросил Бенджи.
- Вот именно, – добавил Ирв.
- От нас, ясно же, – сказал Макс.

Сплошная сублимация: домашняя близость обернулась чувственным отдалением, чувственное отдаление обернулось стыдом, стыд обернулся отчуждением, отчуждение обернулось страхом, страх обернулся возмущением, возмущение обернулось самозащитой. Джулия порой думала, что, если бы им удалось проследить цепочку до самого истока их отстраненности, они

могли бы и в самом деле вернуть былую открытость. Травма Сэма? Ни разу не заданный вопрос – как это могло случиться? Ей всегда казалось, что этим умолчанием они оберегают друг друга, но быть может, они старались ранить, перенести рану с Сэма на себя самих? Или все началось еще раньше? Не предшествовало ли взаимное отчуждение их знакомству? Принятие этого изменило бы все.

Возмущение, выросшее из страха, выросшего из отчуждения, выросшего из страха, выросшего из отдаления, выросшего из близости, было слишком большой тяжестью, чтобы нести весь день, каждый день. Так куда же переложить это с себя? На детей, конечно. Виновны были и Джейкоб, и Джулия, но Джейкоб в большей степени виновен. Он становился с ними все суше, понимая, что они стерпят. Он понукал, потому что они не отвечали. Он боялся Джулии, но не боялся их, так что они получали предназначенное ей.

– Хватит! – приказал он Макс, возвышая голос до рычания. – Хватит!

– Себя затыкай, – огрызнулся Макс.

Джейкоб с Джулией переглянулись, отмечая этот первый случай открытого бунта.

– Чего-чего?

– Я молчу.

Джейкоб пустился во все тяжкие:

– Макс, я ничего с тобой не обсуждаю. Я устал от обсуждений. Мы *слишком многое* обсуждаем в нашей семье.

– Кто обсуждает? – спросил Макс.

Дебора подошла к сыну:

– Переведи дух, Джейкоб.

– Я только и делаю, что перевожу.

– Поднимемся наверх на минутку, – сказала Джулия.

– Нет. Это *наше* с ними дело, а не *твое* со мной. – И потом, вновь обращившись к Макс: – Иногда в жизни, в семье нужно просто делать то, что нужно, без бескончаемых разбирательств и переговоров. Действуешь по программе.

– Да, действуешь по погрому, – сказал Ирв, изображая Джейкоба.

– Пап, перестань, ладно?

– Я могу поднять всю кухню, – сказал Бенджи, трогая отца за локоть.

– Кухни вообще не поднимают, – сказал Джейкоб.

– Нет, поднимают.

– Нет, Бенджи. Кухню нельзя поднять.

– Ты *такой сильный*, – сказала Джулия, охватывая пальцами запястья Бенджи.

– Испепелен, – сказал Бенджи и добавил шепотом: – *Я могу поднять нашу кухню.*

Макс посмотрел на мать. Она прикрыла глаза, не имея желания или возможности защитить его, как защитила младшего брата.

Удачно разразившаяся на улице собачья свара всех притянула к окну. Драки не было, но две собаки облаивали надменную белку на суку. И все же удача. К моменту, когда семейство заняло прежние места на кухне, минувшие десять минут уже будто отделились словно бы на десяток лет.

Джулия, извинившись, отправилась в душ. Она обычно не принимала душ в середине дня, и ее удивила сила той руки, что направила ее в ванную. Она услышала звуки, доносившиеся из комнаты Сэма, – тот явно нарушал ограничение своей ссылки, – но не задержала шагов.

Она захлопнула и заперла дверь, бросила сумку, разделась, изучила себя в зеркале. Подняв руку вверх, она рассмотрела вену, идущую по нижней стороне правой груди. Грудь у Джулии опали, проступил живот. Такое происходит мелкими, незаметными шажками. Кустики лобковых волос, поднимающиеся к животу, потемнели – казалось, что потемнела и сама кожа.

Все это было не новостью, а процессом. Неприятные обновления в своем теле Джулия начала отмечать и чувствовать, по крайней мере, с рождения Сэма: раздувающиеся, а потом усыхающие груди, раздавленные и шершавые бедра, ослабление всего, что было упругим. Джейкоб говорил и во вторую пенсильванскую ночевку, и еще не раз, что любит ее тело, каким бы оно ни стало. Но даже веря ему, Джулия в иные вечера чувствовала побуждение извиниться.

И вдруг она вспомнила. Конечно, вспомнила: для того эта вещь и оказалась при ней, чтобы она вспомнила именно в этот момент. Тогда она этого не понимала. Не понимала, зачем она, ни разу в жизни ничего не укравшая, крадет. Именно затем.

Поставив ногу на край раковины, она поднесла дверную ручку ко рту, согревая и увлажняя своим дыханием. Раздвинув срамные губы, она сунула в них ручку и, нажав сначала осторожно, потом смелее, принялась вращать. Джулия почувствовала, как по телу прошла первая волна какого-то добра и ее колени ослабли. Она присела на корточки и, оттянув вниз горло свитера, обнажила одну грудь. Еще раз смочила металлическую шишку языком и вновь вставила ее между губ, потерла небольшими круговыми движениями о клитор, затем слегка постукала, и ей нравилось, как теплый металл стал лнуть к ее плоти, каждый раз слегка оттягивая ее.

Джулия оказалась на четвереньках. Нет. Она на ногах. Где она вообще? На улице. Да. Привалилась к машине. На стоянке. В поле. Нет, согнулась, лежит животом на заднем сиденье машины, ступни на земле. Брюки и трусы спущены, чтобы оголить зад. Она вжимается лицом в сиденье, отставляя зад. Расставляет ноги, насколько позволяют брюки. Ей хочется, чтобы их трудно было расставить, чтобы что-то не пускало. В любой момент их могут застать. Тебе стоит поторопиться, говорит она ему. Ему? Отдери меня. Это Джейкоб. Заставь кончить. Отымей меня как хочешь, Джейкоб, и иди себе. А меня брось тут, чтобы по бедрам стекала твоя сперма. Отдери и уходи. Нет. Все не так. Вот она снова в том самом салоне фурнитуры. Мужчин нет. Только дверные шишки. Вжимая ручку в клитор, она полизала три пальца и сунула внутрь, чтобы почувствовать сокращения мышц, когда будет кончать.

Внезапный толчок, как резкая судорога, что так часто вырывает из полузабытья. Но это не было падение – не Джулия упала с кровати, а что-то упало на нее сверху. Что за чертовщина? Не вызвал ли слишком обильный прилив крови к тазу какой-то неврологический синдром? Мастурбация – это, в сущности, напряжение сознания, но внезапно Джулия оказалась беззащитной перед собственным сознанием.

Сквозь крышку своего соснового гроба она видит Сэма, такого красавца, в костюме, стоящего над ней с лопатой в руке. Этого она не хотела. Это не доставляет ей удовольствия. Какой красивый мальчик. Какой красивый мужчина. Все нормально, любимый. Все нормально, все хорошо. Она застонала, он завыл, оба животные. Он зачерпнул лопатой землю и опрокинул на Джулию. Так вот как оно бывает. Теперь я знаю, и ничего не поменяется.

И тогда Сэм ушел.

И Джейкоб, и Макс с Бенджи ушли.

Все ее мужчины ушли.

И снова земля, теперь с лопат чужаков, по четыре лопаты враз.

Потом и они ушли.

И она осталась одна, в самом тесном за всю жизнь доме.

Обратно в мир, к жизни, ее вернуло жужжание – звук стряхнул с нее оцепенение невольной фантазии, и ее обожгла полная абсурдность того, чем она занята. Кем она себя возомнила? Внизу сидят родители мужа, через коридор – ее сын, ее пенсионный счет больше, чем сберегательный. Она не устыдилась, а просто почувствовала себя дурой.

Она не могла определить источник шума.

Телефон, но такого гудка она еще ни разу не слышала.

Может, Джейкоб купил Сэму смартфон на замену подержанной раскладушке, на которой тот весь последний год строчил сообщения со скоростью Джозефа Митчелла? Они обсуждали

вариант сделать ему такой подарок на бар-мицву, но до нее еще оставались недели, и тогда Сэм еще не угодил в историю, да и все равно они эту идею отвергли. И так уже слишком много штук, затягивающих всех в глубины трескучего где-то-там. Эксперимент с «Иной жизнью» практически похитил личность Сэма.

Она слышит гудок.

Джулия поискала в плетеной корзине со всякими туалетными штучками, в медицинском шкафчике: малые и большие пузырьки адвилла, жидкость для снятия лака, органические тампоны, детское масло, перекись водорода, медицинский спирт, бенадрил, неоспорин, полиспорин, детский ибупрофен, судафед, пьюрелл, имодиум, колэйс, амоксициллин, аспирин, мазь ацетонид триамцинолона, лидокаиновый крем, ранозаживляющий спрей, ушные капли, физраствор, мазь бакторбан, зубная нить, лосьон с витамином Е... все, что только может потребоваться. И когда мы успеваем обзавестись столькими потребностями? Столько лет ей ничего не было нужно.

Она слышит гудок.

Где же это? Она смогла бы убедить себя, что гудок доносится от соседей за стеной, или даже что он ей почудился, но жужжание послышалось вновь, и на этот раз она поняла: источник звука в углу, возле пола.

Джулия опустилась на четвереньки. В корзине с журналами? За унитазом? Она просунула руку за стульчак, и едва ее пальцы коснулись телефона, как он зажужжал снова, будто тоже прикоснувшись к ней. Чей это? Еще один гудок: пропущенный вызов от ДЖУЛИЯ.

Джулия?

Но Джулия это *она*.

Что с тобой стряслось?

И-э-т-о-н-е-п-р-о-й-9-ё-т

Сэм знал, что все рухнет, только не знал, как именно и когда это случится. Родители разведутся и в конце концов возненавидят друг друга, сея беды, как тот японский реактор. Это было ясно, хотя и не им. Сэм старался не следить за их жизнью, но трудно было не замечать, как часто отец засыпает перед телевизором, где уже закончились новости, как мать только и делает, что подрезает деревья на своих архитектурных моделях; как отец каждый вечер выставляет на стол десерты, как мать всякий раз, когда ее лижет Аргус, говорит, что ей «мало места», как она увлеклась статьями о путешествиях, а у отца вся история поиска состоит из сайтов о недвижимости, как мать неизменно берет Бенджи на руки, едва в комнате появляется отец; с какой яростью отец стал ненавидеть зажавшихся спортсменов, которые «даже не стараются»; как мать пожертвовала три тысячи Национальному общественному радио, а отец в отместку купил «веспу»; трудно было не замечать отмену аперитивов в ресторане, отмену третьей сказки перед сном для Бенджи, отмену взглядов в глаза.

Сэм видел то, что родители не могли или не позволяли себе видеть, и это только сильнее бесило его, потому что быть не таким глупым, как твои родители, отвратительно, это как сделать большой глоток молока, ожидая, что в бутылке апельсиновый сок. Оказавшись не таким глупым, как родители, Сэм знал, что однажды ему скажут: выбирать не придется, а на самом деле нужно будет выбирать. Он знал, что скоро не захочет или не сможет притворяться в школе и его оценки покатаются по наклонной плоскости в соответствии с каким-то законом, который он, как считалось, знал; что выражения родительской любви будут тем ярче, чем больше их будет печалить его печаль, и что за разлуку он получит компенсацию. Виня себя за то, что так много на него взвалили, родители позволят ему соскочить с крючка спортивной секции, и он сможет выторговать побольше времени за компьютером, и обеды пойдут все менее экологичные и здоровые, и довольно скоро Сэм двинется прямым курсом на айсберг, а его родители тем временем будут друг с другом соревноваться в игре на скрипках.

Сэм любил интересные факты, но его почти безостановочно мучили странные повторяющиеся мысли. Например такая: что, если он увидит чудо? Как сможет убедить других, что не валиет дурака? Если вдруг новорожденный шепнет ему тайну? Или дерево сойдет с места? А если он встретит себя старшего и узнает обо всех катастрофических ошибках, которых иначе он бы не избежал? Сэм воображал разговор с матерью, с отцом, с фальшивыми друзьями в школе, с настоящими друзьями в «Иной жизни». Большинство просто посмеялось бы. Может, одного-другого удалось бы склонить к какому-то проявлению доверия. Например, Макс, по крайней мере, захотел бы поверить. Бенджи поверил бы, но лишь по той причине, что верил всему. А Билли? Нет. Поделиться своим чудом Сэм не смог бы ни с кем.

Раздался стук в дверь. Не в дверь святылища, а в дверь его комнаты.

– Вали отсюда, пиздюк.

– Извини, что?

Отворив дверь, вошла мать.

– Прости, – повинулся Сэм, кладя планшет на стол экраном вниз, – я думал, там Макс.

– И ты полагаешь, так нормально говорить с братом?

– Нет.

– Или хоть с кем-то?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

– Не знаю.

– Может, стоит задуматься, спросить себя?

Сэм не мог понять, риторический ли вопрос, но понимал, что для иного толкования ее слов, кроме буквального, момент не самый лучший.

Поспрашивав себя секунду, он не смог выдать ничего лучше, чем:

- Думаю, я тот, кто произносит слова, хотя знает, что их не нужно говорить.
- Видимо, так.
- Но я исправлюсь.

Джулия оглядела комнату. Боже, как же бесили Сэма ее быстрые шпионские осмотры: его раскрытой тетради, его вещей, его самого. Ее постоянное стремление оценивать разрезало его, будто река, создавая два берега.

- Чем занимаешься?
- Не сижу ни в почте, ни в чате, ни в «Иной жизни».
- Ладно, но чем-то все же занимаешься?
- Да я и сам не знаю.
- Я что-то не понимаю, как это может быть.
- Разве у тебя сегодня не выходной?
- Нет, у меня не *выходной*. У меня день доделывания дел, которые я давно откладывала.

Например, вздохнуть и подумать. Но утром у нас, как ты, возможно, помнишь, случился незапланированный визит в «Адас Исраэль», а потом мне надо было встретиться с клиентом...

- Зачем надо?
- Затем, что это моя работа.
- Но зачем сегодня?
- Ну, я решила, что так надо, хорошо?
- Хорошо.
- И потом в машине мне пришло в голову, что хотя ты, можно сказать, все уже запарол, наверное, надо вести себя так, будто твоя бар-мицва дело решенное. И среди многого и многого, что я только смогла упомянуть, твой костюм.

- Какой костюм?
- Вот и я о том.
- Точно. У меня нет костюма.
- Стоит произнести, и это становится очевидным, верно?
- Ага.
- Не перестаю удивляться, как часто наблюдаю этот эффект.
- Извини.
- За что?
- Я не знаю.
- В общем, надо купить тебе костюм.
- Сегодня?
- Да.
- Серьезно?

– В первых трех местах, куда придем, того, что нам надо, не будет, а если вдруг найдем что-то приличное, оно не подойдет по размеру, а портной только еще больше испортит.

- Мне надо там быть?
- Где?
- В костюмном месте.
- Что ты, нет, конечно, тебе не надо там быть. Давай сделаем проще: соорудим себе 3D-принтер из палочек от мороженого и макарон и напечатаем на нем точную анатомическую модель твоей фигуры, с которой я попрусь в свой выходной в *костюмное место* одна.
- Да, и пусть он выучит мою гафтару.
- Меня сейчас не смешат твои шутки.

- Это и говорить не нужно.
- Что, прости?
- Не надо говорить, что тебе не смешно, чтобы человек понял, что ты не смеешься.
- И это тоже не нужно говорить, Сэм.
- Ладно. Извини.
- Мы с тобой побеседуем, когда папа вернется с работы, но я кое-что должна тебе сказать.
- Ладно.
- Перестань говорить «ладно».
- Извини.
- Перестань извиняться.
- Я думал, от меня как раз и ждали, что извинюсь.
- За то, что ты сделал.
- Но я *не*...
- Ты меня очень расстроил.
- Знаю.
- И все? Тебе больше нечего сказать? Ну, например: «Это сделал я, и я виноват»?
- Но это не я.
- Она положила ладони на бедра, сунув большие пальцы в поясные петли.
- Прибери этот бардак. Кошмарно.
- Это моя комната.
- Но наш дом.
- Доску нельзя двигать. Мы не доиграли партию. Папа сказал, закончим, когда мои неприятности останутся позади.
- Ты знаешь, почему ты его всегда обыгрываешь?
- Потому что он поддается.
- Он уже много лет не поддается тебе.
- Он не старается.
- Старается. Ты обыгрываешь, потому что он бьет фигуры, не задумываясь, а ты всегда думаешь на четыре хода вперед. Поэтому ты хороший шахматист и в жизни умеешь принимать верные решения.
- Я не умею.
- Умеешь, когда задумываешься.
- А папа не умеет?
- Это не относится к теме нашего разговора.
- Если сосредоточится, он может меня разделить.
- Вероятно, но мы никогда этого не узнаем.
- А какая тема нашего разговора?
- Джулия вынула из кармана телефон.
- Что это?
- Сотовый телефон.
- Это твой?
- Мне не разрешили иметь смартфон.
- Именно поэтому меня расстроит, если он твой.
- Ну значит, не придется расстраиваться.
- Чей же он?
- Не имею представления.
- Телефоны – это не кости динозавров. Не появляются из-под земли.
- Кости динозавров тоже, вообще-то, сами не появляются.

– На твоём месте я бы сейчас не умничала. – Она перевернула телефон. Потом ещё раз перевернула. – Как мне в него забраться?

– Я думаю, там стоит пароль.

– Так и есть.

– Значит, тебе не повезло.

– Хотя я могу попробовать *«изтопррой9ёт»*, так ведь?

– Наверное.

– Все взрослые члены семьи Блох всюду использовали этот смехотворный пароль: от «Амазона» и «Нетфликса» до охранной сигнализации и телефонов.

– Не вышло, – сказала Джулия, показывая Сэму экран.

– Ну, стоило попробовать.

– Может, отнести в магазин или ещё куда-нибудь?

– Даже телефоны террористов не могут вскрыть.

– Может, попробовать с заглавными?

– Может.

– А где здесь регистры?

Сэм взял телефон. Набирал он со скоростью дождя, сыплющегося на стеклянную крышу, но Джулия видела только изувеченный большой палец и словно в замедленной съёмке.

– Не-а, – сказал он.

– Попробуй буквами.

– Что?

– Не девять, а *д-ё-т*.

– Довольно глупо было бы.

– Виртуозно было бы по сравнению с использованием того же самого пароля для всего на свете.

– *И-э-т-о-п-р-о-й-д-ё-т...* не-а. Извини. Ну в смысле, я не извиняюсь.

– Попробуй число буквами, а первую прописную.

– А?

– Прописная *И*, *д-е-в-я-т-ь* вместо цифры.

На этот раз он набирал медленнее, внимательно.

– Хм...

– Открыл?

Джулия потянулась за телефоном, но Сэм задержал его на долю секунды – довольно, чтобы вышла неловкая заминка. Сэм посмотрел на мать. Её огромный старый палец выгонял слова на лилипутскую стеклянную гору. Она посмотрела на Сэма.

– Что? – спросил он.

– Что – что?

– Чего ты на меня смотришь?

– На тебя смотрю?

– Почему ты так смотришь?

Джейкоб не мог заснуть без подкастов. Он говорил, что его успокаивает информация, но Джулия знала, что дело было в компании. Обычно она уже засыпала, когда Джейкоб приходил в постель – непризнаваемая хореография, – но время от времени она замечала, что слушает одна. Однажды, пока муж храпел рядом, Джулия слушала, как специалист по сновидениям объяснял осознанные сновидения – сны, в которых мы осознаем, что все нам только снится. Самый обычный способ вызвать осознанное сновидение – это сформировать привычку: наяву посмотреть на текст – страницу в книге или журнале, рекламный щит, экран – и отвести глаза, а потом посмотреть вновь. В сне тексты не остаются неизменными. Если повторять это вновь и вновь, возникнет рефлекс. А если не останавливаться на этом, то он перетечёт в сновидения.

Замена текста покажет тебе, что ты спишь, и с этого мгновения ты будешь не только сознать, что видишь сон, но и управлять им.

Она бросила взгляд в сторону, потом вновь на телефон.

– Я знаю, что в «Иную жизнь» ты не *играешь*. А что ты делаешь?

– А?

– Как назвать то, чем ты занимаешься?

– Живу? – предположил Сэм, пытаясь понять суть перемен, происходивших в лице матери.

– В смысле, в «Иной жизни».

– Да, я понял.

– Ты живешь в «Иной жизни»?

– Обычно мне не нужно объяснять, что я там делаю, но вообще-то конечно.

– Ты можешь жить в «Иной жизни».

– Конечно.

– Нет, я говорю, что разрешаю тебе.

– Сейчас?

– Да.

– Я думал, я наказан.

– Так и есть, – сказала Джулия, пряча телефон в карман, – но если хочешь, можешь сейчас пожить там.

– Можем пойти за костюмом.

– В другой раз. Время есть.

Сэм отвел взгляд, потом снова посмотрел на мать.

Он проверит все зацепы. Он не злился, просто хотел сказать то, что нужно сказать, а потом сровнять синагогу с землей. Она не подошла ему, не стала домом. Он с двойным запасом проложил провода, а взрывчатки насовал втрое больше необходимого: под каждую скамью, в незаметном месте высоко на книжных полках, где лежали сиддурим, погребенные под сотнями ермолок в высоком деревянном ящике.

Саманта вынула Тору из ковчега. Прорекламовала несколько строк заученной белиберды, расчихнула Тору и развернула ее на биме, положив перед собой. Все эти чудные битумно-черные буковки. Эти чудные лаконичные фразы, одна за другой передающие все те чудные, вечно передаваемые истории, которые должны были кануть в Лету и еще могут кануть. Детонатор стоял в указке-пальце. Саманта взяла указку, нашла нужную строчку в свитке и стала читать.

> Барху эт Адонай Хам-ворах.

> Чего?

> Я привел младшего брата в зоопарк, а носороги стали трахаться, такая дичь. А он стоит и смотрит. Он даже не понимал, что это смешно, и в этом был самый смех.

> Позаботился!

> Смешно, когда кто-то не понимает, что надо смеяться.

> Как можно скучать по тому, с кем ни разу не виделся?

> Барух Адонай Хам-ворах Лэолам вазд.

> Я всегда, всегда, всегда предпочту бессовестность фальшивой совестливости.

> Учти: все, что ты говоришь, однажды будет использовано против тебя.

> Барух ата Адонай...

> Понял: Славим Тебя...

> У меня бывало такое странное чувство, что я не мог вспомнить, как выглядят знакомые люди. Или я убеждал себя, что не могу. И вот ловлю себя на мысли, что пытаюсь представить лицо брата и не могу. Это не то что я его не замечу в толпе или не узнаю при встрече. Но когда пытаюсь его представить, не могу.

> Элогейну мэлэх ха олам...

> Загрузи прогу VeryPDF. Она довольно простая.

> Бессмертный Боже, Царю Небесный...

> Пардон, я уходил обедать. Я в Киото. Звезды уже не первый час на небе.

> Кто-нибудь видел видео, где тому еврейскому журналисту отрубают голову?

> а шер бахар бану миколь гаамим...

> У VeryPDF миллион багов.

> Ты призвал нас на служение Тебе...

> У меня от моего айфона морская болезнь.

> венатан лану эт Торато...

> Тебе надо запретить вращение экрана. двойной клик по главной кнопке вызывает меню настроек. Смахивай, пока не увидишь что-то типа круговой стрелки – она включает и снимает запрет на вращение.

> Можно ослепнуть, если смотреть Солнце на видео?

> Кто-нибудь знает что-нибудь про новый телескоп, который китайцы обещают построить? Вроде в два раза дальше будет видеть в прошлое, чем любой другой сейчас.

> Барух ата Адонай...

> Не думайте, я не упоротый, но почему никто не видит странности в том, что ты только что сказал? Видит в два раза дальше в прошлое?

> Все слова, что написал в жизни, я могу поместить на флешку.

> То есть?

> Славим Тебя...

> Представь, что в космосе, по-настоящему далеко от нас, поставили огромное зеркало. Сможем ли мы, наведя туда телескоп, увидеть самих себя в прошлом?

> В смысле?

> Чем дальше зеркало, тем глубже в свое прошлое мы можем заглянуть: наше рождение, первый поцелуй родителей, пещерные люди.

> Динозавры.

> Мои родители никогда не целовались, а трахались ровно один раз.

> Жизнь, выбирающаяся из океана.

> нотэйн-га Тора.

> И если его поставить ровно напротив, ты сможешь посмотреть на себя самого, которого нет здесь.

> Податель Закона.

Саманта подняла глаза.

Что вообще должен сделать безусловно хороший человек, чтобы его увидели? Не заметили, а увидели. Не ценили, не лелеяли, и даже не чтобы любили. Но чтобы хорошо видели.

Она просмотрела собрание аватаров. Вполне порядочные, великодушные, по большому счету приятные нереальные люди. Самые по большому счету приятные люди, каких только ей доведется встретить, были людьми, которых она никогда не встретит.

Она смотрела одновременно на и сквозь витражное еврейское настоящее.

Сэм подслушал все до единого слова сквозь дверь кабинета рава Зингера. Он знал, что отец ему верит, а мать нет. Знал, что мать пытается поступать наилучшим, как ей кажется,

образом и что отец пытается поступать наилучшим, как ему кажется, образом. Но наилучшим для кого?

Он нашел телефон на целый день раньше, чем мать.

Много извинений нужно было принести, но он ни перед кем не должен был извиняться.

Саманте не требовалось откашливаться цифровым горлом, и она начала говорить, чтобы сказать то, что должно быть сказано.

Истинный

Чем старше становишься, тем труднее приспособливаться ко времени. Дети спрашивают: «Мы еще не приехали?» А взрослые: «Как же мы оказались здесь так быстро?»

Почему-то уже было поздно. Каким-то образом час за часом куда-то улетучились. Ирв и Дебора уехали домой. Мальчики съели ранний ужин, рано приняли ванну. Джейкоб с Джулией научились взаимодействовать, избегая друг друга: ты выводишь Аргуса, пока я помогаю Макс с математикой, пока ты складываешь постиранное белье, я ищу деталь из лего, от которой все зависит, пока ты делаешь вид, что знаешь, как остановить течь в унитазе. И каким-то образом день, начавшийся у Джулии как предназначенный ей одной, закончился тем, что Джейкоб будто бы выпивал с кем-то там из Эйч-Би-Оу, а Джулия совершенно определенно пыталась справиться с бардаком, устроенным другими. Какой беспорядок от столь немногих людей за столь короткое время! Появление Джейкоба застало Джулию за мытьем посуды.

– Затянулось дольше, чем я думал, – поспешил оправдаться он. И чтобы уменьшить собственную вину, добавил: – Тоска смертная.

– Ты, наверное, пьян.

– Нет.

– Как же ты пьешь четыре часа и не напиваешься?

– Всего стаканчик, – сказал он, бросая пиджак на табурет у стойки, – а не «пьешь». И всего три с половиной.

– Как же это ужасно медленно надо цедить?

Она взяла ядовитый тон, но причин тому могло быть много: потерянный выходной, утренний стресс, бар-мицва.

Джулия вытерла лоб рукой, еще не покрытой пеной, и сказала:

– Мы должны были поговорить с Сэмом.

«Отлично», – подумал Джейкоб. Из всех возможных скандалов этот пугал его меньше других. Он извинится, все исправит, и счастье вновь восторжествует.

– Я помню, – сказал он, чувствуя вкус алкоголя на зубах.

– Ты говоришь «я помню», а между тем уже ночь, а мы с ним до сих пор не говорим.

– Я только вошел. Я собирался выпить стакан воды, а потом пойти поговорить с Сэмом.

– Но мы планировали поговорить с ним вместе.

– Ну, я могу избавить тебя от роли плохого копа.

– Избавить его от присутствия плохого копа, ты хочешь сказать.

– Я буду обоими копами.

– Нет, ты будешь врачом «скорой».

– Не понимаю, что это значит.

– Ты извинишься за то, что тебе приходится его немножко воспитывать, и в итоге вы вдвоем будете смеяться, а я опять окажусь в стороне, как надоедливая мамаша-придира. Ты получишь свои семь минут хитрых подмигиваний, а я – месяц обид.

– Все, что ты сейчас сказала, неверно.

– Ну конечно.

Она поскребла пригоревшие остатки еды на сковороде.

– Макс спит? – спросил Джейкоб, нацеливаясь губами на ее губы, а глазами в сторону.

– Сейчас *пол-одиннадцатого*.

– Сэм у себя?

– Один стаканчик за четыре часа?

– Три с половиной. К середине разговора подтянулись новые люди, ну и...

– Да, Сэм в своем эмоциональном бомбоубежище.

– Играет в «Иную жизнь»?

– Живет в ней.

Они уже слишком боялись, что без детей заполнить зияющие пустоты будет нечем. Иногда Джулия задавалась вопросом: не затем ли она позволяет им не ложиться, чтобы только оградить себя от тишины, не затем ли берет Бенджи на руки, чтобы он был ей щитом.

– Как Макс?

– Депрессирует.

– Депрессирует? Нет, конечно.

– Ты прав. Видно, у него просто свинка.

– Ему всего *одинадцать*.

– Всего *десять*.

– *Депрессия* – серьезное слово.

– Оно хорошо подходит для описания сильных переживаний.

– А Бенджи? – спросил Джейкоб, заглядывая в выдвижной ящик.

– Что-то потерял?

– Что?

– Ты что-то ищешь.

– Пойду поцелую Бенджи.

– Разбудишь.

– Я буду как ниндзя.

– Он засыпал целый час.

– Буквально час? Или это тянулось как целый час?

– Буквально шестьдесят минут размышлений о смерти.

– Удивительный он ребенок.

– Потому что заиклен на смерти?

– Потому что чувствительный.

Пока Джулия загружала посудомоечную машину, Джейкоб просмотрел почту: ежемесячные желтые страницы «Реставрационной фурнитуры», заполненные серой скобянкой, ежедневное вторжение в частную жизнь со стороны Американского союза защиты гражданских свобод, предложение пожертвовать на ежегодный бал выпускников Джорджтауна, которое никогда не вскрыют, купон от какого-то риелтора с брекетами, объявляющего, за какую сумму он только что продал дом соседей, всевозможные бумажные квитанции на небумажные платежи по коммунальным счетам, каталог фабрики детской одежды, чья маркетинговая политика в своей бесхитростности не учитывала того, что дошкольный возраст длится не вечно.

Джулия показала в вытянутой руке телефон.

Джейкоб вскинулся, хотя внутри у него все упало – будто надувной клоун-неваляшка, который неизменно поднимается для новых и новых ударов.

– Не знаешь, чей он?

– Мой, – ответил Джейкоб, забирая телефон. – Я купил новый.

– Давно?

– Пару недель назад.

– Зачем?

– Ну зачем... зачем покупают новые телефоны?

Она с избытком залила в машину средство для мытья посуды и слишком резко захлопнула дверцу.

– На нем пароль.

– Да.

– На старом у тебя пароля не было.

– Был.

- Нет, не было.
- Откуда ты знаешь?
- А почему бы мне не знать?
- Ну, положим.
- Может, тебе надо что-то мне сказать?

В колледже Джейкоба уличили в плагиате. Это было еще до создания компьютерных программ, устанавливающих совпадения, и чтобы попасться, нужно было украсть внаглую, что он и сделал. Но его не поймали: он сам случайно признался. Его вызвали в кабинет к профессору, предложили сесть и подождать, и он переживал, что у него дурной запах изо рта, пока профессор дочитывал последние три страницы книги, а потом неуклюже рылся в бумагах, разыскивая его работу.

– Мистер Блох.

Было ли это утверждение? Подтверждение, что перед ним нужный человек?

– Да?

Мистер Блох, – потрясая пачкой страниц, как лулавом⁶, – откуда вы взяли все эти идеи?

И прежде чем профессор успел продолжить; «Они слишком сложны для человека ваших лет», Джейкоб отрапортовал:

– Харольд Блум.

Несмотря на неудовлетворительный балл и испытательный срок, Джейкоб был рад этому провалу – не потому, что в этом случае ему так уж важна была честность, а потому, что больше всего на свете он ненавидел, когда его уличали. В таких случаях он превращался в запуганного ребенка и любой ценой старался избежать подобного.

– Новые телефоны запрашивают пароль, – сказал Джейкоб. – По-моему, они без него не работают.

– Смешной способ ответить «нет».

– А какой был вопрос?

– Тебе ничего не надо мне сказать?

– Да у меня всегда куча всего, о чем я хочу тебе сказать.

– Я сказала не «хочешь», а «надо».

Аргус застонал.

– Не понимаю, что за разговор у нас, – отмахнулся Джейкоб. – А чем это так воняет?

Столько дней совместной жизни. Столько всего пережито. Как же они умудрились прожить минувшие шестнадцать лет, разучаясь понимать друг от друга? Каким образом постоянное присутствие превратилось в постепенное исчезновение?

И вот, когда их старший ребенок на пороге взросления, а младший задает вопросы о смерти, они сидят на кухне и бьются над вопросами, которые вовсе не стоит обсуждать.

Джулия, заметив пятнышко на блузке, принялась тереть его, хотя знала, что оно давнее и несводимое.

– Догадываюсь, ты не забрал вещи из химчистки.

Джулия терпеть не могла чувствовать себя, как в этот момент, и хуже могло быть только одно – разговаривать, как она в этот момент разговаривала. Голда Меир, вспоминал Ирв, сказала Анвару Садату: «Мы можем простить вам, что вы убиваете наших детей, но никогда не простим, что вы заставляете нас убивать ваших». Джулия ненавидела себя такую, какой Джейкоб вынуждал ее сейчас казаться, – надутой и стервозной, занудливой женой-пилой, Джулия предпочла бы удавиться, чем стать такой.

– У меня плохая память, – сказал Джейкоб. – Прости.

⁶ Лулав – ветвь (финиковой) пальмы; букет из четырех видов растений, который надлежит собирать на Суккот – еврейский паломнический праздник.

- У меня тоже плохая, но я не забываю о делах.
- Ну прости, ладно?
- Было бы легче простить без этого «ладно».
- Ты так себя ведешь, будто я только и делаю, что все путаю и порчу.
- Ну поправь меня, – сказала Джулия. – Что в этом доме ты сделал хорошего?
- Ты серьезно?

Аргус испустил долгий стон.

Джейкоб повернулся к псу и выдал ему малую толику того, что не мог выдать Джулии:

– Да уймись уже, блядь! – И добавил, не улавливая, что шутит над самим собой же: – Я никогда не повышаю голос.

Джулия шутку уловила:

- Так ли это, Аргус?
- Не на тебя и детей.
- Не повышать голос или не избивать меня и не тиранить детей не считается чем-то хорошим. Это норма поведения. Да и к тому же ты не повышаешь голос, потому что ты под каблуком.

– Ничего я не под каблуком.

– Да неужели?

– Даже *если* я не повышаю голос поэтому, хотя не думаю, что поэтому, это все равно хорошо. Многие мужчины орут.

– Завидую их женам.

– Хотела бы, чтобы я был мудаком?

– Хотела бы, чтобы ты был личностью.

– Как это понимать?

– Ты уверен, что ничего не должен мне рассказать?

– Не понимаю, зачем ты меня об этом без конца спрашиваешь.

– Я спрошу иначе: какой пароль?

– К чему?

– К телефону, который ты сжимаешь в кулаке.

– Ну, новый телефон у меня. Велика важность!

– А я твоя жена. Я – важность.

– Ты ведешь себя неразумно.

– Имею право.

– Чего ты хочешь, Джулия?

– Твой пароль.

– Зачем?

– Хочу знать, чего такого ты не можешь мне сказать.

– Джулия...

– Очередной раз ты правильно назвал мое имя.

На кухне Джейкоб провел больше времени, чем в любой другой комнате дома. Младенец не знает, что мать вынимает сосок из его рта в последний раз. Ребенок не знает, что в последний раз называет мать «мамуля». Мальчишка не знает, что книжка закрылась на последней в жизни сказке, которую ему прочли перед сном. Не знает, что вот сейчас утекает вода последней в жизни ванны, принятой на двоих с братом. Юноша, впервые познавая величайшее из удовольствий, не понимает, что больше никогда не будет невинным. Ни одна превратившаяся в женщину девушка не знает, засыпая, что пройдет четыре десятка лет, пока она снова станет неплодной. Ни одна мать не знает, что в последний раз слышит от ребенка «мамуля». Ни одному отцу невдомек, что книжка закрылась на последней в жизни сказке перед сном, которую он прочел: «С того дня и на долгие годы мир и покой вновь воцарились на Итаке, и боги были

благосклонны к Одиссею, его жене и сыну». Джейкоб понимал: как ни сложишь, эту кухню он будет видеть и впредь. И все же его глаза стали подобны губкам, впитывающим детали, – полированная ручка ящика, шов в месте соприкосновения панелей из мыльного камня, наклейка «Особая награда за храбрость» на краю столешницы, с нижней стороны, выданная Максусу за последний – чего никто не знал – вырванный молочный зуб, наклейка, которую видел каждый день по многу раз и не видел никто, кроме Аргуса, – ведь Джейкоб знал, что однажды до последней капли отождествит все эти последние моменты: они выйдут слезами.

– Ладно, – сказал он.

– Ладно что?

– Ладно, я скажу тебе пароль.

Он шмякнул телефон на стол с праведным возмущением, которое могло бы, если повезет, повредить систему, и добавил:

– Но знай, что это недоверие ложится между нами навсегда.

– Я это переживу.

Джейкоб посмотрел на телефон.

– Пытаюсь вспомнить, какой там *вообще* был пароль. Я его потерял сразу, едва купил. Я вообще не помню, чтобы *включал* его.

Джейкоб взял телефон и внимательно посмотрел на него.

– Может, обычный пароль семейства Блох? – подсказала Джулия.

– Точно, – отозвался Джейкоб. – Конечно, я бы применил *и-э-т-о-п-р-о-й-9*. Ну-у... нет.

– Хм... Конечно, нет.

– Наверное, можно разблокировать его в магазине.

– Наверное, и, ну просто наудачу, ты можешь написать первую букву заглавную, а вместо цифры написать слово «девять»?

– Я бы так не написал, – сказал Джейкоб.

– Нет?

– Нет. Мы всегда пишем его одинаково.

– А ты попробуй.

Джейкобу хотелось выскочить из этого детского сна ужасов, но в то же время ему хотелось быть ребенком.

– Но я бы так не написал.

– Почему знать, кто бы что сделал на самом деле? Возьми и проверь.

Джейкоб бросил взгляд на телефон, на свои пальцы, сжимавшие его, на дом, давивший со всех сторон, и Джулию, и в мгновенном порыве – столь же безотчетном, как подскок ноги после удара молоточком по колену, – швырнул телефон в окно, разлетевшееся вдребезги.

– Я думал, оно открыто.

А потом – тишина, сотрясая стены.

– Ты думаешь, я не знаю дороги к нам на лужайку? – спросила Джулия.

– Я...

– Трудно тебе было задать пароль посложнее? Такой, чтобы Сэм не смог отгадать?

– Сэм копался в телефоне?

– Нет. Но лишь потому, что ты невероятно везучий.

– Ты уверена?

– Как ты мог все это *писать*?

– Что именно?

– Вот об этом говорить *уже* поздно.

Джейкоб знал, что момент упущен, и впитывал шербины на разделочной доске, кактусы между раковиной и окном, детские рисунки, приклеенные синей изоляцией над мойкой и столом.

– Эти сообщения ничего не значат, – сказал он.

– Мне жаль того, кто способен сказать так много ничего не значащих слов.

– Джулия, дай мне возможность объяснить.

– Почему ты не можешь ничего не значить для *меня*?

– Что?

– Ты кому-то, а не матери своих детей, говоришь, что хочешь слизать свою сперму с ее очка, а единственный, кто заставляет меня почувствовать, что я красивая, – это чертова корейская флористка из лавки, которая даже и не *флористка*.

– Я мерзавец.

– Даже не начинай.

– Джулия, наверное, поверить трудно, но это была только переписка, и все.

– Поверить как раз легче легкого. Никто лучше меня не знает, что ты не способен на настоящее и смелое отступничество. Я-то знаю, для размазни вроде тебя это уже чересчур – на самом деле лизать кому-нибудь дырку в жопе, хоть вымазанную спермой, хоть нет.

– Джулия...

– И что, ты думаешь, теперь будет? Ты решил, что можешь говорить и писать все, что хочешь? Это, возможно, сходило с рук твоему отцу. Возможно, у твоей матери не хватает силы воли отказаться терпеть свинство. А я не собираюсь. Есть приличное и неприличное, это *разное*. Добро и зло *разные*. Ты этого не знаешь?

– Конечно, я...

– Нет, ты, конечно, *не знаешь*. Ты пишешь женщине, которая тебе не жена, что ее тугая шмонька тебя не заслуживает?

– Я не это на самом деле написал. И это было в контексте...

– И ты, выходит, вовсе не хороший человек, и не существует контекста, в котором такие слова были бы допустимы.

– Джулия, это был миг слабости.

– А ты забыл, что так и не удалил свою писанину? Что хранил всю переписку? Это был не миг слабости, а слабость *личности*. И *пожалуйста*, перестань повторять мое имя.

– Там все кончено.

– А хочешь знать, что хуже всего? Меня это даже *не волнует*. Самое печальное в этой истории – то, что совсем не опечалилась.

Джейкоб не поверил ее словам, но не поверил и тому, что она могла их произнести. При творство, что их связывает, позволяло мириться с отсутствием любви. И вот теперь Джулия все расставила по своим местам.

– Послушай, я думаю...

– *Сперму слизать с ее очка?* – Она рассмеялась. – *Ты?* Ты же трус и сдвинут на микробах. Ты просто хотел это написать. Что хорошо. Даже отлично. Но признай иронию ситуации. Ты желаешь хотеть какой-то перенасыщенной сексом жизни, ну, а что тебе *на самом деле* нужно, так это мешок от микробов для прогулочной коляски, фильтр для воды, и даже свое высушенное, без оральных ласк существование, потому что это позволяет не тревожиться об эрекции. Господи, Джейкоб, да ты с собой носишь пачку салфеток, чтобы не пользоваться туалетной бумагой. Так ли ведет себя человек, который хочет слизать сперму с чьего бы то ни было очка?

– Джулия, перестань.

– И к слову, даже если ты окажешься в такой ситуации, с *настоящим* очком *настоящей* женщины, заполненным твоей *настоящей* спермой и манящим твой язык? Знаешь, что ты сделаешь? У тебя начнется твоя смешная тряска рук, рубашка насквозь промокнет от пота, ты утратишь свою железную четвертинку эрекции, и тебе еще повезет, если и такая будет, а потом, скорее всего, уползешь в ванную смотреть несмешные видео для инфантилов на «Хаф-

фингтон-пост» или в очередной раз слушать восхваления морских черепах на «Радиолабе». *Вот* что будет. И она поймет, что ты трепло, как, собственно, и есть.

– Рубашки-то на мне не будет.

– Что?

– Рубашка не промокнет от пота, потому что на мне ее не будет.

– Ебучие подлые слова ты сейчас сказал.

– Не выводи меня.

– Ты серьезно? Не может быть. Ты не мог это сказать всерьез. – Она, без всякой видимой причины, повернулась к раковине. – А ты думаешь, ты один такой, кто хочет пуститься во все тяжкие?

– Ты хочешь завести роман?

– Я хочу, чтобы все рухнуло.

– У меня нет романа, и я не хочу, чтобы все рухнуло.

– Сегодня я видела Марка. Они с Дженнифер разводятся.

– Чудесно. Или ужасно. Что я должен сказать?

– И Марк со мной заигрывал.

– Что ты затеяла?

– Я чересчур тебя оберегала. Щадила тебя, как неоперившегося птенца. Не говорила каких-то совершенно невинных вещей, которые бы тебя раздавили, хотя не дают и малейшего повода огорчаться. Ты думаешь, у меня не бывает фантазий? Думаешь, когда мастурбирую, я только тебя и представляю? Да?

– К чему ты это говоришь?

– Хотела я где-то в глубине души сегодня трахнуться с Марком? Да. Строго говоря, этого хотела во мне каждая часть тела, что ниже мозга. Но я не сделала этого, потому что не стала бы вообще, потому что не такая, как ты...

– Джулия, я ни с кем не трахался.

– Но я хотела.

Джейкоб второй раз за время разговора повысил голос:

– *Черт*, да чем это воняет?

– Твой пес, как всегда, нагадил в доме.

– *Мой* пес?

– Да, пес, которого *ты* взял домой вопреки нашей четкой договоренности *не* заводить собак.

– Это дети захотели.

– Дети хотят, чтобы им в руки воткнули капельницы с растаявшим пломбиром, а мозги замочили в ванне с семенем Стива Джобса. Быть хорошими родителями не значит потакать любым прихотям.

– Они тогда были чем-то расстроены.

– *Всех* что-нибудь да расстраивает. Перестань перекладывать все на детей, Джейкоб. Тебе хотелось быть героем, а меня выставить злодейкой.

– Это несправедливо.

– Абсолютно несправедливо. Ты приводишь домой собаку, хотя мы определенно *договорились*, что брать ее не надо, и ты стал супергероем, а я суперзлодейкой, и теперь у нас на полу в гостиной засохшая куча дерьма.

– А тебе не приходило в голову убрать ее?

– Нет. Как и тебе не приходило в голову приучить ее гадить на улице...

– *Его*. Приучить *его*. К тому же этот бедняга уже просто не терпит. Он...

– Или выгулять ее, или свозить к ветеринару, или мыть ее подстилку, или помнить про ее таблетки от сердечных глистов, или проверять на клещей, или покупать корм, или кормить.

Я убираю его дерьмо каждый божий день. Дважды в день. И чаще. Боже, Джейкоб, я ненавижу собак, и этого пса ненавижу, и мне он тут не нужен, но если бы не я, он бы издох уже много лет назад.

– Он понимает, что ты говоришь.

– А вот ты нет. Твоя собака...

– *Наша* собака.

– ...Умнее моего мужа.

И тут Джейкоб заорал. Это был первый раз, когда он повысил голос на Джулию. Вопль рос в нем все шестнадцать лет брака и четыре десятилетия жизни, и пять тысячелетий истории человечества – вопль, обращенный на Джулию, но одновременно и на всех людей, живых и живших, но в первую очередь на него самого. Год за годом Джейкоб неизменно оказывался где-то не здесь, словно в подвале за двенадцатидюймовой толщины дверью, он сбегал от реальности, прячась во внутреннем монологе, к которому никому – включая его самого – не было доступа, или в диалоге, запертом в ящике письменного стола. Но это был *он*.

Он прошел четыре шага, так что линзы его очков оказались так же близко к глазам Джулии, как и к его собственным, и заорал:

– *Ты мне ненавистна!*

Несколькими минутами раньше она сказала Джейкобу, что самым печальным для нее было понять, что она совсем не опечалена. Тогда это было правдой, но теперь все изменилось. Сквозь призму слез она видела кухню: треснувший резиновый уплотнитель на кране, решетчатые окна, которые пока еще выглядели прилично, но рассыпались бы, если покрепче ухватиться за раму. Видела гостиную и столовую: по-прежнему прилично выглядят, но там уже два слоя краски поверх слоя грунтовки поверх полутора десятков лет медленного разрушения. И вот он: ее муж, но не партнер.

Однажды Сэм, тогда третьеклассник, вернувшись из школы, взволнованно сообщил Джулии:

– Если бы Земля была размером с яблоко, атмосфера была бы тоньше, чем яблочная кожура.

– Что?

– Если бы Земля была размером с яблоко, атмосфера была бы тоньше, чем его кожура.

– Наверное, у меня не хватает ума понять, что в этом интересного. Можешь объяснить?

– Посмотри вверх, – сказал Сэм. – Тонко? Как кажется?

– Потолок?

– Представь, что мы на улице.

Панцирь был так тонок, но всегда казался надежным.

На блошином рынке они как-то, десятками воскресений ранее, купили доску для дартса и повесили ее на дверь в конце коридора. Дети промахивались по мишени не реже, чем попадали, и каждый дротик, вынутый из двери, на кончике приносил немного краски из прежнего слоя. Джулия сняла доску, после того как Макс однажды вошел в комнату со словами «никто не виноват», а из его плеча капала кровь. Остался круг, нарисованный и окруженный сотнями дырочек.

Она смотрела на свой панцирь-кухню и с печалью думала, что точно знает, какие трещины откроются под ним, если слегка поскрести в тонком месте.

– Мам?

Обернувшись, они увидели в дверях Бенджи, привалившегося к косяку с ростовыми отметками и шарящего руками по пижамным штанам в поисках карманов, которых там не было. Сколько он уже здесь стоит?

– Мы с мамой просто...

– Ты хотел сказать *истинна*?

- Что, малыш?
- Ты сказал *ненавистна*, а имел в виду *истинна*.
- Вот, теперь можешь его поцеловать, – сказала Джулия Джейкобу, вытирая слезы и оставляя на их месте мыльную пену.
- Джейкоб опустил на колено и взял руки Бенджи в свои:
- Приснилось плохое, дружок?
- Я не против смерти, – сказал Бенджи.
- Что?
- Я не против смерти.
- Ты не против?
- Если только со мной умрут и все остальные, тогда я вообще не против смерти. Я только боюсь, что больше никто не умрет.
- Тебе что-то приснилось?
- Нет. Вы ругались.
- Мы не ругались. Мы...
- И я слышал, как разбилось стекло.
- Мы ругались, – сказала Джулия. – У людей есть эмоции, иногда очень непростые. Но это нормально. Иди спать, малыш.
- Джейкоб понес сына в комнату. Бенджи устроился щекой на отцовском плече. Какой он все еще легкий. И каким тяжелым становится. Ни один отец не знает, когда в последний раз несет ребенка в комнату на руках.
- Джейкоб укрыл Бенджи одеялом и погладил по голове.
- Пап?
- Да?
- Я согласен с тобой, что рая, наверное, не существует.
- Я так не говорил. Я сказал, что не существует способа это точно узнать, и поэтому, наверное, не стоит строить жизнь в расчете на рай.
- Да, и вот с этим я согласен.
- Он мог бы простить себе то, что отказывал в утешении себе, но зачем он отказывал всем остальным? Почему не мог позволить своему малышу-дошкольнику счастливо и безбоязненно жить в прекрасном и справедливом нереальном мире?
- А в расчете на что надо строить жизнь? – спросил Бенджи.
- Может, на свою семью?
- Я тоже так думаю.
- Приятных снов, дружище.
- Джейкоб двинулся к двери, но помедлил в комнате.
- Через несколько долгих секунд тишины Бенджи позвал:
- Па-ап? Ты мне нужен!
- Я здесь.
- У белок когда-то появились пушистые хвосты. Зачем?
- Может, для равновесия? Или чтобы греться? Пора спать.
- Утром погуглим.
- Ладно. А теперь спи.
- Пап?
- Слушаю.
- Если Земля просуществует, сколько для этого надо, то будут окаменелости окаменелостей?
- О, Бенджи. Это отличный вопрос. Мы можем обсудить его утром.
- Да, мне надо спать.

– Точно.

– Пап?

Джейкоб начал терять терпение.

– Да, Бенджи.

– Пап?

– Я здесь.

Он стоял в дверях, пока не услышал глубокое дыхание своего младшего сына. Джейкоб был человеком, который не спешил бросаться с утешениями, но на пороге стоял еще долго, хотя любой другой давно ушел бы. Он всегда стоял на крыльце, пока отъезжающие машины не скроются из виду. И так же смотрел в окно вслед, пока заднее колесо велосипеда Сэма не скроется за углом. И так же он смотрел, как исчезает сам.

Вот не я

> Ощукая историческое значение момента и испытывая величайшую досаду, я сегодня стою у этой бимы, готовая совершить так называемый ритуал перехода во взрослую жизнь, что бы это ни значило. Я хочу поблагодарить кантора Флейшмана, который помогал мне в последние полгода превратиться в еврейского робота. В том невероятно маловероятном случае, что я через год буду помнить хоть что-то о нынешнем дне, я все равно не буду понимать смысла этих событий, за что и благодарю. Еще хочу поблагодарить рава Зингера, он – клизма с серной кислотой. Моего единственного живого прадеда Исаака Блоха. Мой отец сказал, что я должна это все пройти ради прадеда, но сам прадед никогда об этом меня не просил. Он кое-что *просил*, например, не заставляя его переезжать в Еврейский дом. Моя семья очень заботится о том, чтобы заботиться о нем, но не настолько, чтобы взять и на самом деле заботиться, и я не понимала ни слова из того, что сегодня читаю, вот это я понимаю. Хочу поблагодарить своих деда с бабкой, Ирва и Дебору Блох, за то, что вдохновляют меня в жизни и всегда убеждают чуть сильнее попотеть, чуть глубже копнуть, стать богатой и говорить то, что я думаю, когда сочту нужным. Еще своих других деда с бабкой, Аллена и Лею Зельман, они живут во Флориде, и об их биологическом существовании свидетельствуют лишь щеки, которые я получаю на день рождения и на хануку и которые не индексируются под стоимость жизни со дня моего появления на свет. Хочу поблагодарить своих братьев, Бенджи и Макса, за то, что отвлекают на себя немалую часть внимания наших родителей. Не представляю, как я смогла бы вынести такую жизнь, в которой бремя родительской любви лежало бы на мне одной. И еще, когда в самолете меня вытошнило на Бенджи, он сказал только: «Я знаю, как это паршиво, когда стошнит». А Макс однажды предложил сдать за меня кровь. Что подводит нас к моим родителям, Джейкобу и Джулии Блох. Если по правде, я не хотела совершать бат-мицву. Ни капли, ни под каким видом. Во всем мире не хватит облигаций. Мы не раз это обсуждали, как будто мое мнение что-то значило. Все эти разговоры были фарсом, необходимым, чтобы запустить сегодняшний фарс, который и сам лишь ступенька в фарсе моего еврейства. Иначе говоря, без них, в самом буквальном смысле, все это было бы невозможно. Я не виню их в том, что они такие, каковы есть. Но виню в том, что они винят меня в том, что я таков, какой есть. Ну, и хватит благодарностей. Итак, мой кусок из Торы – это Ваера⁷. Один из самых известных и изучаемых фрагментов Писания, и мне даже сказали, что читать его – великая честь. Учитывая полное отсутствие у меня интереса к Торе, наверное, стоило бы отдать этот кусок ребенку, для которого еврейство и впрямь не пустой звук, если такой ребенок существует, а мне дать какой-нибудь расхожий отрывок о правилах отправления менструации у прокаженных. Шутка, думаю, обо всех. И еще вот что: фрагменты с толкованиями, которые были даны потом, бесцеремонно вырваны. Хорошо, что евреи верят только в коллективное наказание. Ладно. Испытание Авраама Богом описано примерно так: «И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я». Большинство людей думает, что испытание последовало за этим: Бог попросил Авраама принести в жертву его сына Исаака. Но я считаю, можно понять и так, что испытанием был момент, когда Бог воззвал к Аврааму. Авраам не ответил: «Чего ты хочешь?» И не ответил: «Да?» Он ответил утверждением: «Вот я». Чего бы ни хотел Бог, чего бы Ему ни было нужно, Авраам полностью в его распоряжении, без всяких условий и оговорок, и не просит объяснений. Само слово, *хинени* – вот он я – еще два раза звучит в этом фрагменте. Когда Авраам приводит Исаака на гору Мориа, Исаак понимает, что происходит и какой это ебанатизм. Он понимает, что его сейчас закаляют, как и все дети как-то понимают, когда это должно с ними случиться. Написано так: «И начал Исаак говорить Аврааму, отцу

⁷ Ваера – четвертая по счету глава Торы; название «Ваера» дано по первым словам: *Ваера* (И явил...).

своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой»⁸. Исаак не говорит «Отец», он говорит «Отец мой». Авраам отец всего еврейского народа, но он и отец Исаака, лично его отец. И Авраам не спрашивает: «Чего ты хочешь?» Он говорит: «Вот я». Когда Бог взывает к Аврааму, Авраам всецело обращается к Ему. Когда Исаак взывает к Аврааму, Авраам всецело обращается к сыну. Но как это может быть? Бог просит Авраама убить Исаака, а Исаак просит у отца защиты. Как Авраам может одновременно исполнять две прямо противоположные роли? Хинени звучит в этой истории еще раз, в самый драматичный момент. «И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я. Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня»⁹. Авраам не спрашивает: «Чего ты хочешь?» Он говорит: «Вот я». Мой фрагмент для бат-мицвы – о многом, но, кажется, в первую очередь он о том, кому мы здесь всецело себя предлагаем и как это – больше, чем любой другой признак – определяет нашу сущность. Мой прадед, которого я уже упоминал, просил помочь ему. Он не хочет переезжать в Еврейский дом. Но никто из родни не ответил словами «вот я». Нет, его стали убеждать, будто он не понимает, что для него лучше, и даже не знает, чего хочет. Да и вообще его и убеждать-то не пытались: ему просто сказали, как он должен поступить. Меня обвинили в том, что сегодня утром в Еврейской школе я употребила плохие слова. Я даже не знаю, уместно ли тут сказать *употребила*: составление списка чего бы то ни было мало похоже на *употребление*. Так или иначе, когда мои родители приехали поговорить с равом Зингером, они не сказали мне: «Вот мы». Они спросили: «Что ты натворила?» Обидно, что они даже не усомнились, а ведь надо было. Любой, кто со мной знаком, знает, что я делаю кучу всяких ошибок, но и знает, что я хороший человек. Но усомниться они должны были не потому, что я хороший человек, а потому, что я их ребенок. Даже если они мне не верили, им стоило вести себя так, будто они мне верят. Отец как-то рассказал, что до моего рождения, когда единственным доказательством моего существования были снимки УЗИ, ему нужно было верить в меня. Получается, твое рождение дает твоим родителям свободу перестать верить в тебя. Ладно, спасибо, что пришли, все свободны.

- > И все?
- > Нет. Вообще-то нет. Я собираюсь это место взорвать.
- > Какого хера?
- > Я устраиваю прием на крыше старой фабрики цветной пленки через дорогу. Посмотрим оттуда.
- > Бежим!
- > Цветной пленки?
- > Не надо бежать, никто не пострадает.
- > Ей можно верить.
- > Пленки для старинных камер.
- > Тебе даже не надо верить мне. Просто подумай: если бы нужно было бежать, ты уже был бы труп.
- > Это какая-то ебанутая логика.

⁸ Бытие. 22:7, 22:8.

⁹ Бытие. 22:9–12.

> И последнее, пока мы не разошлись: знает кто, зачем в самолетах приглушают свет при взлете и посадке?

> Что за херня?

> Чтобы пилоту было лучше видно?

> Просто расходимся, ладно?

> Электричество экономят?

> Не хочу умирать.

> Хорошие догадки, но неправильные. Просто что это самые опасные моменты полета. Более восьмидесяти процентов аварий происходит при взлете или посадке. Свет приглушают, чтобы ваши глаза адаптировались и могли видеть в темноте затянутого дымом салона.

> Для таких штук должно быть название.

> Из синагоги можно выйти по подсвеченной дорожке. Она выведет. Или иди за мной.

Кто-нибудь! Кто-нибудь!

Джулия стояла в ванной над своей раковиной, Джейкоб над своей. Парные раковины: такие были в некоторых старых домах Кливленд-парка, как и затейливый плитус, обрамляющий паркетные полы, оригинальные каминные и переделанные газовые плиты. Дома так мало в чем отличались, что стоило радоваться всяким мелким отличиям, а то иначе не понятно, ради чего так надрывался. В то же время ну кому, если честно, нужны эти парные раковины?

– Знаешь, что у меня спросил Бенджи? – начал Джейкоб, глядя в зеркало над своей раковиной.

– Будут ли окаменелости окаменелостей, если Земля просуществует столько, сколько для этого надо?

– Как ты узнал...

– «Радионяня» знает все.

– Точно.

Зубной нитью Джейкоб почти всегда орудовал при свидетелях. Сорок лет нерегулярного использования нити и всего три дупла – масса времени сэкономлена. Этим вечером, при свидетеле-жене, Джейкоб чистил зубы нитью. Ему хотелось провести немного времени у этих парных раковин. Или немного уменьшить время там, в одной кровати.

– В детстве я придумал собственную почту. Из коробки от холодильника сделал почтовое отделение. Мама сшила мне униформу. У даже были марки с портретом бабушки.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – спросила Джулия.

– Не знаю, – ответил он, не вынимая нитку. – Просто вдруг вспомнил.

– *Зачем* ты это просто вспомнил?

Джейкоб хохотнул:

– Ты прямо доктор Силверс.

Джулия, без смеха:

– Ты любишь доктора Силверса.

– А отправлять мне было нечего, – продолжил Джейкоб, – так что я взялся писать письма маме. Меня привлекало само действие: содержание писем не заботило. Так или иначе, в первом я написал: «Если ты читаешь, значит, наша почта работает!» Это я помню.

– *Наша*, – повторила Джулия.

– Что?

– *Наша. Наша* почта. Не моя почта.

– Может, я написал *моя*, – ответил Джейкоб, сматывая нить с пальцев, на которых остались следы-колечки. – Точно не помню.

– Ты помнишь.

– Не знаю.

– Помнишь. Потому и рассказываешь мне.

– Она была отличной матерью, – сказал Джейкоб.

– Я знаю. И всегда знала. Она умеет внушить мальчикам чувство, что лучше них нет никого на свете и что они не лучше никого другого на свете. Тут не просто удержать равновесие.

– Папа не умеет его держать.

– А он никакой не умеет устанавливать.

Следы от колец уже изгладились.

Джулия протянула мужу зубную щетку.

Джейкоб попытался что-то выдавить, но безуспешно, и сказал:

– Паста кончилась.

– В шкафчике есть еще тюбик.

Ненадолго установилась тишина, пока они чистили зубы. Если каждый день они тратили по десять минут, готовясь ко сну, – а они точно тратили их, точно не меньше, – то за год набегало бы шестьдесят часов. Дольше готовились вместе ложиться в постель, чем бодрствовали вместе в отпуске. Они были женаты шестнадцать лет. За этот срок оба истратили на подготовку к сну сорок полных дней, почти всегда у вождельных и одиноких парных раковин, почти всегда в тишине.

Через несколько месяцев после переезда Джейкоб придумал почту для мальчиков. Макс посуровел. Меньше смеялся, больше хмурился, сесть непременно стремился у окна. Себе Джейкоб мог не признаваться, что видит это, но вот и другие стали замечать это и говорить об этом – Дебора отозвала его в сторону и спросила: «Как тебе Макс?»

Джейкоб нашел на «Этси» старинные подвесные почтовые ящики и навесил по одному на двери мальчиков и на свою. Он сказал им, что у них будет собственная тайная почта, чтобы передавать те сообщения, которые невозможно высказать вслух.

– Это как люди оставляли записки в Стене Плача, – уточнил Бенджи.

Нет, подумал, Джейкоб, но сказал:

– Да, вроде этого.

– Только вот ты не Бог, – заметил Макс, и это, несмотря на очевидность и на то, что Джейкоб хотел бы, чтобы дети именно так смотрели на мир (атеисты, никакого страха перед родителями), все равно обидело его.

Свой ящик он проверял ежедневно. Написал ему только Бенджи: «Мир на Земле»; «Снежный день»; «Телевизор побольше».

Воспитывать детей в одиночку было трудно: скоординировать сборы в школу троих детей, имея всего одну пару рук, выстроить маршруты перемещений, по насыщенности не отстающих от воздушного трафика в Хитроу, запараллелить параллельные задачи. Но самым непростым было находить время для разговоров по душам. Мальчики всегда держались вместе, все время какая-то суeta, постоянно что-то нужно сделать, и разделить эту ношу не с кем. И когда представлялся случай поговорить наедине, Джейкоб, понимая, что необходимо воспользоваться им (как бы неестественно это ни показалось), в то же время испытывал прежний или даже более сильный страх сказать слишком много или недостаточно.

Однажды вечером, через несколько недель после развешивания ящиков, Сэм читал Бенджи перед сном, а Джейкоб с Максом столкнулись по малой нужде возле унитаза.

– Не скрещивай струи, Рэй.

– А?

– Из «Охотников за привидениями».

– Я слышал про это кино, но ни разу не видел.

– Да ты прикалываешься.

– Нет.

– Но я помню, как мы смотрели с...

– Я не видел.

– Ладно. В общем, там есть классный момент, когда они первый раз палят из своих протонных, как уж там они, штуковин, и Эгон говорит: «Не скрещивай струи, Рэй», потому что от этого какие-то катастрофические события могут произойти, и с тех пор я эту фразу вспоминаю всякий раз, когда с кем-нибудь мочусь в один унитаз. Но вроде мы оба закончили, так что и смысла нет.

– Понятно.

– Я заметил, ты ничего не кладешь мне в ящик.

– Ага. Я положу.

– Это не задание. Я просто думал, это будет хороший способ снять какую-то тяжесть с души.

– Ладно.

– Каждого что-нибудь тяготит. Твоих братьев. Меня. Маму. И это может серьезно осложнить жизнь.

– Прости.

– Нет, я имею в виду тебе. Я всю жизнь изо всех сил старался защититься от того, чего больше всего боялся, и в итоге неправильно было бы говорить, что бояться было нечего, но, может быть, столкнуться с моими худшими страхами на самом деле и не было бы так страшно. Может, эти мои старания были еще хуже. Помню вечер, когда я уезжал в аэропорт. Я поцеловал вас, ребят, как будто предстояла очередная обычная поездка, сказал что-то типа «увидимся через пару недель». И пока я готовился уйти, мама спросила, чего я еще жду в жизни. Она сказала, что это важный момент и что я должен переживать сильные эмоции, и вы, парни, тоже.

– Но ты не вернулся и не добавил что-нибудь еще.

– Я слишком боялся.

– А чего ты боялся?

– Да бояться было нечего. Вот это я и пытаюсь тебе объяснить.

– Я знаю, что на самом деле бояться было нечего. Но тебя-то что пугало?

– Что это станет настоящим?

– Отъезд?

– Нет. Что у нас было. Что у нас есть.

Джулия сунула щетку поглубже за щеку и оперлась ладонями о раковину. Джейкоб, сплюнув, сказал:

– Я упускаю свою семью, как мой отец упустил нашу.

– Не упускаешь, – сказала Джулия, – но мало просто не повторять его ошибок.

– Что?

Она вынула щетку и повторила:

– Не упускаешь. Но это мало – просто не повторять его ошибок.

– Ты отличная мать.

– Отчего ты вдруг это говоришь?

– Я думал о том, какой отличной матерью была моя.

Джулия закрыла шкафчик и, помедлив, как будто раздумывая, стоит ли заговорить, сказала:

– Ты не счастлив.

– Почему ты так говоришь?

– Но это правда. Ты кажешься счастливым. Может, даже считаешь себя счастливым. Но это не так.

– Ты думаешь, я депрессирую?

– Нет. Думаю, ты придаешь чрезмерное значение счастью – и своему, и ближних, – а несчастливость настолько тебя ужасает, что ты лучше пойдешь ко дну вместе с кораблем, чем согласишься признать – в нем пробоина.

– Не думаю, что это так.

– И да, я думаю, ты депрессируешь.

– Это, наверное, просто моонуклеоз.

– Ты устал писать сценарий к сериалу; это не твое, его любят все, кроме тебя.

– Его не все любят.

– Ну, ты уж точно нет.

– В общем, он мне нравится.

– И тебя коробит, что твое дело тебе просто нравится.

– Не знаю.

– Нет, знаешь, – сказала Джулия. – Ты знаешь, в тебе что-то сидит – книга, сценарий, фильм, еще что-то – и если когда-нибудь ты сможешь выпустить это на волю, все жертвы, которые ты когда-либо принес, перестанут казаться жертвами.

– Как-то не чувствую, что их надо было приносить.

– Видишь, как ты поменял грамматику? Я сказала: жертвы, которые ты *принес*. А ты говоришь: *надо было приносить*. Улавливаешь разницу?

– Боже, тебе правда надо получить диплом и кушетку.

– Я не шучу.

– Знаю.

– И ты устал притворяться счастливо женатым...

– Джулия...

– ...И тебя корежит, что самая важная связь в твоей жизни тебе просто нравится.

Джейкоб часто злился на Джулию, иногда даже ненавидел ее, но ни разу не было такой минуты, чтобы ему захотелось ее обидеть.

– Неправда, – сказал он.

– Ты слишком мягкий, чтобы это признать, или боишься, но это правда.

– Нет.

– И ты устал быть отцом и сыном.

– Зачем ты пытаешься меня укунить?

– Я не пытаюсь. И нет ничего хуже, чем гнобить друг друга. – Она подвигала на полке бутылочки с всевозможными снадобьями против старения и против умирания, и сказала: – Пошли в постель.

«Пошли в постель». Эти три слова отличают брак от любых других видов связи. Мы с тобой не придем к согласию, но пошли в постель. Не потому, что мы хотим, а потому, что должны. Сейчас мы друг друга ненавидим, но пошли в постель. Кровать у нас только одна. Легли на свои половины, но половины общей кровати. Уйдем в себя, но вместе. Сколько разговоров завершилось этими словами? Сколько ссор?

Бывало, они отправлялись в постель и предпринимали еще одну попытку, на сей раз горизонтальную, что-то дорешать. Иногда уход в постель делал возможным то, что не было возможно в бесконечно большом пространстве. Телесная близость вдвоем под одной простыней, две печи, работающие на общее тепло, но при этом можно не видеть друг друга. Потолок перед глазами, и все те мысли, на которые он наводит. А может, они просто скрывались в дальних уголках мозга, куда прилиwała тогда вся кровь и где расположена зона великодушия.

Бывало, они шли в постель и откатывались к краям матраса, и каждый жалел, что матрас не королевского размера, и каждый мечтал, чтобы все это просто развеялось, но без должной жесткости в указательных пальцах, чтобы пришить слово «это». «Это» ночь? «Это» их брак? «Это» полное недоразумение и есть семейная жизнь этой семьи? Они отправлялись вместе в постель не потому, что у них не было выбора – *kein briere iz oich a breire*, как скажет раввин на похоронах через три недели, – *не иметь выбора – это тоже выбор*. Брак – это противоположность самоубийства, но в проявлении силы воли между ними можно поставить знак равенства.

Пошли в постель...

Перед самым моментом укладывания в постель Джейкоб сделал озадаченное лицо, похлопал себя по несуществующим карманам на трусах-боксерах, как будто внезапно хватился ключей, и сказал:

– Мне надо отлить. – Точно как он говорил каждый вечер в этот самый момент.

Он закрыл и запер дверь, выдвинул средний ящик в туалетном столике, поднял стопку журналов «Нью-Йоркер» и вынул из-под нее упаковку гидрокортизоновых свечей. Расстелил на полу банное полотенце, из другого скатал подушку, лег на левый бок, поджав правую ногу, думая о Терри Шайво, или Билле Бакнере, или Николь Браун-Симпсон, и осторожно ввел свечу. Он подозревал, что Джулия знает, что за процедуру он проводит каждый вечер, но не мог себя заставить спросить ее об этом, поскольку тогда пришлось бы прежде признать, что он обычный человек, чье тело почти всегда было доступным для нее, как ее тело почти в любой момент было доступным для него, но иногда определенные области этого тела нужно было скрывать. Они провели бог весть сколько часов, отслеживая работу кишечника у детей; наносили деситин просто пальцем; крутили, по наставлению доктора Доновича, ректальные термометры, пытаясь бороться с детскими запорами. Но когда дело касалось их самих, кое-что хотелось утаить.

ты не заслужила, чтобы драть тебя в жопу

Задний проход, на котором все члены семьи Блох, каждый на свой лад, были зациклены, стал центром отчуждения между Джулией и Джейкобом. Необходимая для жизни вещь, но о которой никогда не говорят. Есть у каждого, но ее надо скрывать. Там сходятся все линии – прямо замковый камень человеческого тела, – но ничто, особенно внимание, *особенно* палец или член, и *особенно, особенно* язык не может туда проникать. Возле туалета было довольно спичек, чтобы зажечь и поддерживать костер.

Каждый вечер Джейкоб так отлучался помочиться, и каждый вечер Джулия дожидалась его, и она знала, что он скрывает обертки от свечей в скомканной туалетной бумаге на дне мусорного контейнера с крышкой, и знала, что, смывая, он ничего не смывает. У этих минут отстранения, безмолвного стыда, были стены и крыша. Точно как их Шаббаты и те шепотом признания в гордости выстроили архитектуру времени. Не нанимая никаких мужиков в штанистских бандажах, не рассылая карточек с новым адресом и даже не меняя ключей на кольце своих сердец, они переехали из одного дома в другой.

Макс любил играть в прятки, и никто, даже Бенджи, не мог этого выносить. Дом был слишком хорошо обжит, слишком скрупулезно изучен, игра была расписана по ходам не хуже шашек. Поэтому Макс лишь в особых случаях (в день рождения или в награду за поступки, требовавшие особой мужественности) имел возможность заставить остальных играть. И эти прятки всегда были скучны, как все предсказуемое: кто-нибудь, затаив дыхание, жался за блузками Джулии в шкафу, кто-нибудь пластом ложился в ванну или корчился под раковиной, а кто-нибудь прятался с закрытыми глазами, не в силах не поддаться ощущению, что так менее заметен.

Даже если мальчики не прятались, Джейкоб с Джулией искали их – из страха, из любви. Но отсутствия Аргуса они могли не замечать часами. Он обычно появлялся, когда открывалась входная дверь, или когда наполнялась ванна, или на стол ставили еду. Никто не сомневался, что он вернется. Джейкоб за обедом пытался провоцировать бурные споры, чтобы мальчики развивали речь и критическое мышление. Посреди одного из таких споров – где должна быть столица Израиля, в Иерусалиме или в Тель-Авиве, – Джулия спросила, не видел ли кто-нибудь Аргуса.

– Корм стоит, а его нет.

Всего через несколько минут негромких призывов и поверхностных поисков мальчики перетрусили. Стали звонить в дверь. Выставили миску с собственной едой. Макс проиграл всю первую книгу Судзуки, мелодиям из которой Аргус неизменно подскуливал. Бесполезно.

Дверь с москитной сеткой была закрыта, но сама входная дверь отворена, и это подсказывало, что пес на улице. (Кто оставил дверь открытой, гадал Джейкоб – сердясь, но никого

не обвиняя.) Они прошлись по улице, выкликая Аргуса с любовью и тревогой. К поискам присоединился кто-то из соседей. Джейкоб не мог не задаться вопросом – конечно, только мысленно, – не ушел ли Аргус умирать, как это вроде бы случается с собаками. Темнело, увидеть что-то вдалеке было трудно.

Как оказалось, Аргус сидел в гостевой ванной наверху. Как-то он ухитрился запереться там, а не лаял не то от старости, не то от кротости. А может, по крайней мере, пока не проголодался, ему там нравилось. Ночью ему позволили спать на постели. Как и детям. Ведь они думали, что потеряли его, а он все время был так близко.

На следующий день за ужином Джейкоб сказал:

– Решено: Аргусу позволяется спать на кровати каждую ночь.

Мальчики восторженно заголосили. Джейкоб с улыбкой добавил:

– Я думаю, вы не будете оспаривать это решение.

Джулия, без улыбки:

– Стой, стой, стой.

Таким был последний раз, когда эти шесть существ спали под одним одеялом. Джейкоб с Джулией спрятались в работу, которую прятали друг от друга.

Они искали счастья, которое не нуждалось в ущемлении счастья других.

Они прятались в улаживании семейной жизни.

И временем абсолютного поиска был Шаббат, когда они закрывали глаза, чтобы обновился дом и они сами.

Архитектура же тех минут, когда Джейкоб выходил как будто бы в туалет, а Джулия не читала книгу, которую держала в руках, была абсолютным бегством.

теперь ты заслуживаешь, чтобы драть тебя в жопу

Они легли в постель – Джулия в ночной рубашке, Джейкоб в футболке и трусах-боксерках. Она спала в лифчике. Говорила, ей так удобнее – поддерживает, и может, других причин и впрямь не было. Джейкоб говорил, что в майке теплее, лучше спится, и может, тоже не кривил душой. Они выключили свет, сняли очки и смотрели сквозь один потолок, сквозь одну и ту же крышу – в две пары подслеповатых глаз, которым можно было помочь, но которые не станут лучше видеть сами по себе.

– Жаль, что ты меня не знала ребенком, – сказал Джейкоб.

– Ребенком?

– Или просто *раньше*... До того, как я стал *таким*.

– Выходит, ты хотел бы, чтобы я знала тебя до того, как ты узнал меня.

– Нет. Ты не поняла.

– Попробуй объяснить иначе.

– Джулия, сейчас я не... не я.

– А кто ты тогда?

Джейкоб хотел заплакать, но не смог. Но притом не смог скрыть того, что он это скрывает. Джулия погладила его по голове. Она ничего ему не простила. Ничего. Ни тех сообщений, ни тех лет. Но не могла не ответить на его призыв. Не хотела, однако не могла не ответить. Тоже разновидность любви. Но двух отрицаний никогда не хватает для религии.

Он сказал:

– Я никогда не говорил, что чувствую.

– Никогда?

– Именно.

– Звучит как обвинение.

– Это правда.

– Ну, – сказала Джулия, с первым после находки телефона смешком, – есть множество других вещей, с которыми ты справляешься отлично.

– В этом звуке все то, что еще не потеряно.

– В каком звуке?

– В твоём смехе.

– Да? Нет, этот звук означает, что шутка оценена.

Засытай, упрашивал он себя. *Засытай*.

– Что я делаю хорошо? – спросил он.

– Ты серьезно?

– Назови хоть что-то.

Джейкоб страдал. И каким бы заслуженным ни казалось это страдание Джулии, смириться с ним она не могла. Она столько сложила, столько пожертвовала для его защиты. Сколько переживаний, сколько бесед, сколько слов принесено в жертву, чтобы пощадить его легко ранимую душу? Они не могли поехать в город, который она посещала двадцать лет назад с тогдашним другом. Ей не следовало оглашать осторожные наблюдения по поводу того, что в доме его родителей не признают границ, а тем более – о его собственных методах воспитания, которые чаще всего сводились к отсутствию методов. Она убирала дерьмо за Аргусом, потому что Аргус не умел терпеть и потому что, пусть даже она его не выбирала и не хотела и это было несправедливо, Аргус был ее собакой.

– Ты добрый, – сказала она мужу.

– Нет. По правде, нет.

– Я тебе приведу сто примеров...

– Три или четыре сейчас были бы очень кстати.

Ей не хотелось этого делать, но иначе она не могла:

– Ты всегда возвращаешь на место тележку в магазине. В метро ты складываешь газету, чтобы кто-то еще почитал. Рисуешь карту заблудившимся туристам...

– А это *доброта* или *совестливость*?

– Значит, ты совестливый.

А он бы смог не откликнуться на ее страдание? Ей хотелось бы знать, но его ответу она бы не поверила.

Она спросила:

– Тебя огорчает, что детей мы любим сильнее, чем друг друга?

– Я бы так не сказал.

– Ну да, ты сказал бы: «Ты мне ненавистна».

– Это же сгоряча.

– Понимаю.

– Я не хотел.

– Знаю, – согласилась она, – но сказал.

– Я не считаю, что гнев обнажает правду. Бывает, тебя просто несет.

– Знаю. Но не верю, чтобы хоть что-то могло взяться из ниоткуда.

– Я люблю детей не сильнее, чем люблю тебя.

– Сильнее, – сказала она. – И я сильнее. Может, так и должно быть. Может, эволюция заставляет.

– Я люблю тебя, – сказал он, поворачиваясь к ней.

– Знаю. Я никогда не сомневалась в этом и сейчас не сомневаюсь. Но это не такая любовь, которая нужна мне.

– И что это означает для нас?

– Не представляю.

Засытай, Джейкоб.

Он сказал:

– Знаешь, как под новокаином теряешь ощущение границы между собственным ртом и тем, что вне тебя.

– Ну, наверное.

– Или как иногда думаешь, что вроде должна быть еще одна ступенька, а ее нет, и нога проваливается сквозь эту воображаемую ступеньку?

– Конечно.

Почему ему так трудно преодолеть физическое расстояние? Так не должно быть, но так было.

– Не знаю, что я нес.

Она чувствовала, что в нем происходит какая-то борьба.

– Что?

– Не знаю.

Он запустил руку в ее волосы, обхватив ладонью затылок.

– Ты устала, – сказал он.

– Я действительно вымоталась.

– Мы устали. Мы себя заездили. Нужно найти способ отдохнуть.

– Я бы поняла, если бы ты с кем-то спутался. Я бы злилась и страдала бы, и может, это заставило бы меня сделать то, чего я даже не хочу...

– Например?

– Я бы тебя ненавидела, Джейкоб, но по крайней мере я бы тебя поняла. Я тебя всегда понимала. Помнишь, как я тебе это говорила? Что ты единственный человек, который что-то для меня значит? А теперь все, что ты делаешь, меня озадачивает.

– Озадачивает?

– Твоя заикленность на недвижности.

– Я не заиклен на недвижности.

– Как я ни подойду, у тебя на экране дома на продажу.

– Просто интересуюсь.

– Но зачем? И почему ты не скажешь Сэму, что он лучше тебя играет в шахматы?

– Я говорю.

– Да нет. Ты позволяешь ему думать, будто ты поддаешься. И почему ты такой абсолютно разный в разных ситуациях? Ко мне ты выказываешь холодную неприязнь, на детей рычишь, а вот отцу позволяешь вытирать о тебя ноги. Ты уже десять лет не писал мне пятничных писем, но все свободное время проводишь, работая над чем-то, что любишь, но никому не показываешь, и тут ты берешь и пишешь все эти сообщения, которые, говоришь, ничего не значат. На нашей свадьбе я обошла вокруг тебя семь кругов, а теперь я тебя и найти-то не могу.

– Я ни с кем не путаюсь.

– Ни с кем?

– Нет.

Джулия расплакалась.

– Это всего лишь обмен ужасно непристойными сообщениями с одной женщиной с работы.

– С актрисой?

– Нет.

– А с кем?

– А это важно?

– Если важно для меня, значит, важно.

– Одна из режиссеров.

– И ее зовут, как меня?

- Нет.
- Это та рыжая?
- Нет.
- Знаешь, мне все равно.
- Хорошо. Тут не о чем волноваться.
- Как это началось?
- Ну, просто... сложилось. Как бывает. Это было...
- Мне даже не интересно.
- Никогда не шло дальше слов.
- И долго это у вас?
- Не знаю.
- Знаешь, конечно.
- Месяца четыре.
- И ты предлагаешь мне поверить, что четыре месяца каждый день ведешь откровенную эротическую переписку с женщиной с работы и это ни разу не привело ни к какому контакту?
- Я тебя не прошу верить. Я говорю правду.
- Самое грустное, что я тебе верю.
- Это не грустно. Это дает надежду.
- Нет, грустно. Ты единственный человек, которого я знаю или о котором думаю, кто способен писать такие наглые сообщения, а жить таким паинькой. Я и правда верю, что ты писал какой-то женщине, будто хочешь полизать ей очко, и даже пойманный на слове сидел рядом с ней каждый день четыре полных месяца, не позволяя себе сдвинуть руку на шесть дюймов, чтобы коснуться ее бедра. Не находя в себе такой смелости. И даже не давая ей сигнала, что она вполне может принять твою трусость и сама положить руку тебе на бедро. Подумай, какие сигналы ты посылал ей, чтобы ее дырка все время мокла, но рука не тянулась к тебе.
- Джулия, это слишком.
- *Слишком?* Ты это серьезно? В этой комнате только *ты* не знаешь, что такое *слишком*.
- Я знаю, что зашел слишком далеко в этих сообщениях.
- А я тебе говорю, что ты не достаточно далеко зашел в этой жизни.
- Как тебя понимать? Ты хочешь, чтобы я с кем-нибудь спутался?
- Нет, я хочу, чтобы ты писал мне субботние письма. Но если ты предпочитаешь строчить порнографические послания кому-то другому, тогда да, я хочу, чтобы ты с ней спутался. Потому что тогда я смогу тебя уважать.
- В этом нет никакого смысла.
- Вообще нет. Я бы уважала тебя гораздо больше, если бы ты ее трахал. Это бы мне доказало то, во что мне все труднее и труднее верить.
- И что это?
- Что ты вообще человек.
- Ты не веришь, что я человек?
- Я не верю, что ты вообще тут.
- Джейкоб открыл рот, не зная, что сейчас произнесет. Он хотел вернуть все, что она ему вывалила: ее истерики, ее противоречия, слабость, лицемерие и злобность. Еще он хотел признать, что все сказанное Джулией правда, но дать поправку на обстоятельства – не во всем виноват он. Он хотел одной рукой вести кладку, а второй обрушивать на нее кувалду.
- Но вместо его голоса прозвучал голос Бенджи:
- Вы где?! Кто-нибудь!!
- Джулия громко рассмеялась.
- Чего ты смеешься?
- Мой смех ничего общего не имеет с тем, что будто бы не все потеряно.

Это был нервный смех протеста. Темный смех предвидения конца. Благоговейный смех зашоренности.

Бенджи снова позвал в микрофон монитора:

– *Кто-нибудь! Кто-нибудь!*

Они замолчали.

Джулия поискала в темноте глаза мужа, чтобы поискать в них.

– *Кто-нибудь!*

Слово на «н»

Когда Джейкоб спустился, успокоив Бенджи, Джулия уже заснула. Или безупречно изображала сон. Джейкобу не спалось. Читать не хотелось – ни книгу, ни журнал, ни даже блог о недвижимости. Телевизор смотреть – тоже. Писать не получится. Мастурбировать тоже. Ни одно занятие не привлекало, все показалось бы постановкой, притворством.

Он отправился в комнату Сэма, надеясь, что созерцание его спящего первого ребенка подарит несколько мгновений душевного покоя. Зыбкий свет выполз из-под двери в коридор, затем втянулся обратно: волны цифрового океана по ту сторону. Сэм, всегда бдительно оберегавший свою территорию, услышал тяжелые шаги отца.

– Пап?

– Один и без оружия.

– Ага. Ты там стоишь? Тебе что-то нужно?

– Можно войти?

Не дожидаясь ответа, Джейкоб отворил дверь.

– Риторический вопрос? – спросил Сэм, не отводя глаз от экрана.

– Чем занимаешься?

– Смотрю телик.

– У тебя нет телика.

– На компе.

– Ну так разве ты не компьютер смотришь?

– Конечно.

– И что идет?

– Да все.

– А что ты смотришь?

– Ничего.

– Найдешь секунду?

– Да: один...

– Это был риторический вопрос.

– А...

– Как дела?

– Это мы разговариваем?

– Ну, я начинаю.

– Все нормально.

– Классно, когда все нормально?

– Что?

– Не знаю. Кажется, я где-то такое слышал. В общем... Сэм...

– Единственный и костлявый¹⁰.

– Зачет. Короче говоря, вот что. Извини, что грузу. Но... Эта ситуация утром в Еврейской школе...

– Я этого не писал.

– Ага. Вот так.

– Ты мне не веришь?

– Тут дело даже не в этом.

– Нет, в этом.

– Было бы значительно легче все это разгрести, если бы ты предложил другое объяснение.

¹⁰ Автор обыгрывает оборот «the one and only» – единственный и неповторимый (англ.).

– Но его нет.

– Этот набор слов, в принципе, вообще ерунда. Между нами, меня бы вообще не волновало, если бы это ты *написал*.

– Я не писал.

– Кроме слова на «н».

Сэм наконец перевел глаза на отца.

– Что, *развод*?

– Что?

– А, ничего.

– К чему ты это сказал?

– Я не говорил.

– Ты про нас с мамой?

– Не знаю. Я даже себя не слышал за руганью и звоном стекла.

– Сегодня? Нет, то, что ты слышал...

– Все в порядке. Мама заходила, и мы поговорили.

Джейкоб бросил взгляд на экранчик на мониторе компьютера. И подумал о том, что Ги де Мопассан ежедневно обедал в ресторане Эйфелевой башни, потому что это было единственное место во всем Париже, откуда ее не видно. «Нэтс» играют с «Доджерс», дополнительные иннинги. В неожиданном приливе возбуждения Джейкоб хлопнул в ладони.

– Пошли завтра на игру!

– Что?

– Оторвемся! Можем прийти пораньше на разминку. Объедемся всяким дерьмом.

– Объедемся дерьмом?

– Ну, вредной едой.

– А почему бы мне не посмотреть здесь?

– Но у меня обалденная идея!

– Да?

– Нет?

– У меня футбол, и музыка, и подготовка к бар-мицве, ну если она еще будет, не дай бог.

– Я могу тебя освободить от этого.

– От моей жизни?

– Боюсь, я мог только привести тебя в нее.

– И они играют в Лос-Анджелесе.

– Точно, – сказал Джейкоб и добавил тише: – Как же я не сообразил.

Это тихое замечание заставило Сэма подумать, не обидел ли он отца. В нем шевельнулось чувство, которое в предстоящем году он будет испытывать, – хотя и понимая, что это полная глупость, чем дальше, тем чаще и острее, – что, может быть, в происходящем есть хоть и ничтожная, но и его вина.

– Доиграем партию?

– Не.

– Как у тебя с деньгами?

– Все ОК.

– И эта история в Еврейской школе. Очевидно ведь, она не из-за дедушки, да?

– Если только он заодно не дедушка того, кто это написал.

– Я так и думал. В любом случае.

– Пап, Билли черная, как я могу быть расистом?

– Билли?

– Девочка, в которую я влюблен.

– У тебя есть девочка?

- Нет.
- Тогда я не понял.
- Это девочка, *в которую я влюблен*.
- Ага. И ты сказал *Билли*? Значит, это девочка, так?
- Да. И она черная. И как бы я мог быть расистом?
- Я не уверен, что тут вполне работает логика.
- Работает.
- Ты знаешь, кто подчеркивает, что среди его лучших друзей есть черные? Тот, кому не по душе чернокожие.
- Из моих лучших друзей ни один не черный.
- И ты как знаешь, но я считаю, что предпочтительнее их обозначать *афроамериканцы*.
- Обозначать?
- Просто термин.
- Надо ли парню, влюбленному в черную девушку, использовать термины?
- А это не котел ли называет чайник афроамериканцем?¹¹
- Котел?
- Ну, я шучу. Просто интересное слово. Я не сужу. Ты знаешь, что тебя назвали в честь брата твоего прадеда, погибшего в Биркенау. У евреев всё всегда приобретает какое-то значение.
- Какое-то страдание, ты хочешь сказать.
- А гои выбирают красивые имена. Или берут и выдумывают их.
- Билли назвали в честь Билли Холлидей.
- Значит, это исключение, подтверждающее правило.
- А тебя в честь кого назвали? – спросил Сэм; его интерес – небольшая уступка голосу совести за погрестневший и потускневший голос отца.
- В честь дальнего родственника по имени Яков. Считается, что он был удивительным, легендарным человеком. Предание гласит, что он голый рукой раздавил череп казаку.
- Круто.
- Я, конечно, не такой силач.
- Мы даже *не знаем* никаких казаков.
- В лучшем случае я обычный.
- У кого-то из них заурчало в животе, но ни один не понял, у кого.
- Ладно, вывод. По-моему, это чудесно, что у тебя есть девушка.
- Она мне не девушка.
- Опять разница в терминологии. По-моему, чудесно, что ты влюблен.
- Я не влюблен. Я ее люблю.
- Ну, что бы там ни было, все железно останется между нами. Можешь мне доверять.
- Я уже говорил об этом с мамой.
- Правда? Когда?
- Не знаю. Пару недель назад.
- Так это несвежая новость?
- Все относительно.
- Джейкоб задержал взгляд на экране. Не это ли притягивало Сэма туда? Не возможность быть где-то еще, а возможность не быть нигде?
- И что ты ей сказал? – спросил Джейкоб.
- Кому?
- Своей матери?

¹¹ Обыгрывается американская пословица «Котел чайнику говорит: ты чумазый».

- В смысле, *маме*?
- Ей.
- Не знаю.
- Не знаешь – в смысле, не в настроении говорить об этом сейчас со мной?
- В этом смысле, ага.
- Это странно, поскольку она уверена, что ты и написал все те слова.
- Я не писал.
- Ладно. Я становлюсь назойливым. Я пойду.
- Я не сказал, что ты назойливый.
- Джейкоб двинулся к выходу, но, не дойдя до двери, остановился:
- Хочешь анекдот?
- Нет.
- Сальный.
- Тогда *точно* нет.
- Какая разница между «субару» и эрекцией?
- «Нет» значит «нет».
- Ну серьезно, какая разница?
- Серьезно, мне не интересно.

Джейкоб наклонился к нему и прошептал:

- У меня нет «субару».

Против воли Сэм громко рассмеялся, всхрипывая и брызгая слюной. Джейкоб рассмеялся, но не собственному анекдоту, но смеху сына. Они смеялись вдвоем, вздохнув, истерически.

Сэм попытался безуспешно взять себя в руки и выговорил:

- Смех-то в том... самый-то смех... что... «субару» у тебя *есть*.

И они еще хохотали, Джейкоб – до храпа, до слез, с мыслями о том, какой это кошмар – быть в возрасте Сэма, какая боль и какая несправедливость.

– И то правда, – признал Джейкоб, – «субару» у меня еще как есть. Надо было сказать «тойота». О чем я думал?

- О чем ты думал?

О чем он думал? Они просмеялись.

Джейкоб еще на раз подвернул рукава – туговато, но ему хотелось, чтобы они удержались выше локтя.

- Мама думает, тебе лучше извиниться.

- А *ты*?

Он сомкнул пальцы в кармане вокруг пустоты, вокруг ножа, и сказал:

- И я.

Единственный и насквозь фальшивый.

- Тогда ладно, – сказал Сэм.

- Это не так ужасно.

- Нет, ужасно.

– Да, – согласился Джейкоб, целуя Сэма в макушку – последнее допустимое для поцелуев место. – Должно быть, довольно мерзко.

На пороге Джейкоб обернулся:

- Как дела в «Иной жизни»?

- Ну...

- Над чем работаешь?

- Строю новую синагогу.

- Правда?

– Ага.
– Можно спросить, зачем?
– Потому что я разрушил старую.
– Разрушил? Типа, снес?
– Типа того.
– И теперь, значит, строишь себе новую?
– Старую тоже я построил.
– Маме бы понравилось, – сказал Джейкоб, осознавая, насколько красиво и удивительно то, чем Сэм никогда не делился. – И у нее, наверное, возникла бы тысяча идей.
– Пожалуйста, не говори ей.
От этих слов Джейкоб ощутил прилив удовольствия, которого не желал. Кивнув, он сказал:
– Конечно. – Затем, качнув головой, добавил: – Я бы и не стал.
– Ладно, – сказал Сэм. – Что-нибудь еще?
– Ну, а старую синагогу? Ее ты зачем строил?
– Чтобы взорвать.
– Взорвать? Знаешь, если бы я был другим отцом, а ты другим ребенком, я бы, наверное, почувствовал, что обязан донести на тебя в ФБР.
– Но если бы ты был другим отцом, а я другим ребенком, мне, пожалуй, не пришлось бы взрывать виртуальные синагоги.
– Touché¹², – признал Джейкоб. – Но может ли быть, что ты строил ее не для того, чтобы разрушить? Или, по крайней мере, не только для этого?
– Нет, не может.
– Ну, например, ты пытался сделать все как надо, и когда не вышло, тебе пришлось все сломать?
– Никто мне не верит.
– Я верю. Я верю, что ты хочешь, чтобы все было как нужно.
– Нет, ты не понял, – сказал Сэм, потому что не было способа заставить отца хоть что-то понять.
Но отец понял. Сэм строил синагогу не затем, чтобы взорвать. Он был не из тех создателей тибетских песочных мандал, о которых ему пришлось слушать как-то в машине, – пятеро парней в молчании тысячи часов работают над аппликацией, чье назначение – не иметь никакого назначения. («И я думал, что *нацисты* – это противоположность евреев», – сказал тогда его отец, выдергивая наушники из автомобильной магнитолы.) Нет, он строил ее с надеждой, что наконец появится место, где он будет чувствовать себя уютно. И дело не в том, что он мог выстроить ее в соответствии со своими эзотерическими воззрениями: он мог находиться там, не находясь там. В чем-то сродни мастурбации. Но как и в мастурбации, тут, если не выйдет точно как надо, уж будет полностью и безвозвратно мимо. Иногда, в худшие из возможных моментов, его опьяненное подсознание вдруг закладывало вираж и в свете его ментальных фар оказывался рав Зингер, или Сил (певец), или мать. И тут уже ничего нельзя было переиграть. Так же и с синагогой: малейшее несовершенство – ничтожное отклонение от симметрии в ротонде, слишком высокие для малорослых детишек ступени, перевернутая звезда Давида – и все насмарку. И ничто не делалось спонтанно. Сэм все продумывал. А разве не мог он просто поправить то, что получилось не так? Нет. Потому что он бы всегда помнил, где было плохо: «Вот эта звезда висела вверх ногами». Другой человек воспринял бы исправление как улучшение изначального варианта. Сэм не был «другим человеком». Как и Саманта.
Сев на кровать, Джейкоб заговорил:

¹² Touché – удар, означающий поражение в фехтовании (*фр.*).

– В молодости, может, даже в старшей школе, я переписывал слова любимых песен. Зачем, не знаю. Наверное, это давало мне ощущение, что всё на своих местах. В общем, это было задолго до интернета. Так что я садился перед бумбоксом...

– Перед *бумбоксом*?

– Ну, магнитолой.

– Это я подстебнул.

– Ясно... ну вот... садился перед *бумбоксом*, слушал песню несколько секунд, останавливал и записывал, что услышал, потом перематывал и слушал еще, чтобы убедиться: все записано правильно. Потом включал дальше и записывал следующий кусок, потом перематывал, если толком не расслышал или не был уверен, что расслышал правильно, и записывал дальше. При перемотке вообще-то точно не попадешь, так что я неизбежно или пролетал вперед, или недоматывал. Ужас как утомительно. Но я любил это дело. Мне нравилось, что нужна такая точность. Нравилось разбираться. За этим занятием я провел неведомо сколько тысяч часов. Иногда текст вообще было невозможно разобрать, особенно если звучал гранж или хип-хоп. Догадки меня не устраивали, ведь так пропадал весь смысл записывания песен – их точная расшифровка. Бывало, мне приходилось слушать какой-то малюсенький фрагмент снова, и снова, и снова, десятки раз, сотни. И я буквально до дыр затираю это место на пленке, так что в следующий раз, когда слушал эту песню, того места, которое мне так нужно было правильно услышать, в ней уже не было. Я помню одну фразу в «All Apologies» – знаешь эту песню, да?

– Не-а.

– А «Нирвану»? Крутая. Крутая, *крутая* вещь. В общем, видать, у Курта Кобейна заплетался язык, и там была фраза, которую я никак не мог разобрать. После сотен прослушиваний самое разумное, что у меня получилось, было «Возопил мой стыд». И я много лет не понимал, что облажался, пока не спел это место во всю глотку, как дурак, при маме. Вскоре после того, как мы поженились.

– Она сказала, что ты не так поешь?

– Да.

– Очень в ее духе.

– Я был благодарен.

– Но ты же пел.

– Неправильно пел.

– Все равно. Надо было дослушать.

– Нет, она правильно сделала.

– Ну и как там на самом деле?

– Смотри не упали. Там было: «Воск топил мосты».

– Не может быть!

– Да?

– Что это вообще могло бы значить?

– А ничего и не значит. Это была моя ошибка. Я думал, в этом скрывался какой-то смысл.

II Постижение бренности

Антиетам

Ни Джейкоб, ни Джулия не знали в точности, что происходило в те первые две недели после того, как она нашла телефон: о чем они договаривались, что имели в виду, обсуждая и задаваясь вопросами. Они не знали, что было настоящим. Каждый чувствовал себя как на эмоциональном минном поле: сквозь комнаты и часы они двигались словно на цыпочках, как бы в огромных наушниках, присоединенных к чувствительным металлодетекторам, способным заместить малейшие следы похороненных чувств, – даже если для этого нужно было отгородиться от остальной жизни.

За завтраком, который мог бы для телевизионной аудитории показаться абсолютно безмятежным, Джулия сказала, заглянув в холодильник: «Вечно у нас молоко кончается», а Джейкоб сквозь наушники услышал: «Ты никогда как следует не заботишься о нас», но не услышал слов Макса: «Завтра на концерт не приходите».

И на следующий день в школе, вынужденный делить тесноту лифта только с Джулией, Джейкоб сказал: «Кнопка закрывания дверей даже не подключена. Чистая психология», а Джулия сквозь наушники услышала: «Давай поскорее с этим покончим». Но не услышала, как сама сказала: «Я думала, все на свете – чистая психология». Сквозь наушники Джейкоба это прозвучало как: «Столько лет терапии, и я знаю о счастье меньше всех на свете». А он не услышал, как сказал: «Есть разная психология». Тут в лифт вошел предположительно счастливый, предположительно состоящий в крепком браке родитель и спросил Джейкоба, не нужно ли нажать кнопку открывания дверей.

Все это хождение на мысочках, все это скрупулезное перетолковывание и избегание – совсем не минное поле. Нет, это было поле битвы на Гражданской войне. Джейкоб возил Сэма в Антиетам, как самого Джейкоба возил Ирв. И произнес ту же самую речь, о том, какое это везение быть американцем. Сэм нашел неглубоко ушедшую в землю пулю. В мире Джейкоба и Джулии оружие было столь же безобидным – реликты давних битв, безопасные для осмотра, изучения и оценки. Если бы только они знали, что бояться нечего.

Домашние ритуалы достаточно прочно устоялись, так что избегать друг друга выходило довольно легко и незаметно. Она уходила в душ, он готовил завтрак. Она подавала завтрак, он шел в душ. Он наблюдал за чисткой зубов, она раскладывала брюки и рубашки по кроватям, он проверял содержимое рюкзаков, она справлялась о погоде и подбирала подходящую верхнюю одежду, он готовил «Гиену Эда» (шесть месяцев в году прогревал, шесть месяцев охлаждал), она провожала детей за порог и выходила на Ньюарк-стрит следить за машинами, катящими с холма, он – наоборот.

Они нашли два места в первых рядах, но едва поставив сумку, Джейкоб сказал: «Пойду принесу кофе». Что и сделали. А потом выжидал со стаканами в руках у входа в школу, пока не останется три минуты до поднятия занавеса. На середине бездарного исполнения юной певицей хита «Отпусти и забудь» Джейкоб прошептал Джулии на ухо: «И пусть бы отпустила». Ответа он не получил. Группа мальчиков разыграла сценку из «Аватара». Предположительно девочка на разных сортах макарон объясняла, как функционирует евро. Как Джейкоб, так и Джулия боялись выдать, что не знают, какой номер готовил Макс. Как ему, так и ей слишком стыдно было бы показать, что они слишком погрузились в собственные обиды и отвернулись от ребенка. Каждому будет слишком стыдно, если другой окажется лучшим родителем. Оба

предполагали, что Макс будет показывать карточный фокус, которому его обучил факир на сорокалетию Джулии. Две девочки исполняли номер с чашкой на песню «Когда я уйду», и Джейкоб прошептал:

- Так иди уже.
- *Что?*
- Нет. Я о певице.
- Будь добрее.

К финалу учителя музыки и драмы общими силами подготовили подчищенную версию начала «Книги мормона» – воплощая свои мечты и одновременно демонстрируя, почему им не суждено воплотиться в жизнь. Море аплодисментов, короткая благодарность от директора, и дети потекли к выходу и по классам.

К машинам Джулия с Джейкобом возвращались в молчании. И вечером дома о школьном концерте не упоминали. Струхнул ли Макс? Не счел себя талантливым? Был его отказ от участия актом агрессии или криком о помощи? Если бы они задали любой из этих вопросов самому Максу, он напомнил бы им, что просил не ходить на концерт.

Три дня спустя Джейкоб, выждав положенный час и придя в спальню, увидел, что Джулия еще читает; он сказал: «Ой, я кое-что забыл» и поспешил прочь – не читать газету, как обычно, когда не смотрел очередную серию «Родины», жалея, как часто жалел, что Мэнди Патинкин не родился на десять лет раньше – тогда из него вышел бы отличный Ирв.

Двумя днями позже Джулия вошла в кладовую, где Джейкоб как раз проверял, не сложились ли за десять минут с его последнего заглядывания несколько сотен миллиардов атомов сами собой в какой-нибудь вредный перекусон. Джулия сразу вышла. (Не в пример Джейкобу, она не выдавала надуманных объяснений, если не хотела оставаться рядом, никогда не «забывала кое-что».) Кладовая не входила в список комнат, поделенных молчаливым соглашением, – например, комната с телевизором была территорией Джейкоба, а малая гостиная – территорией Джулии, – но в ней не нашлось бы достаточно места, чтобы находиться вдвоем.

На десятый день Джейкоб, распахнув дверь в ванную комнату, увидел за ней Джулию, обсыхающую после ванны. Она прикрылась. Он видел, как она выбирается из ванны сотни раз, видел, как из ее тела выходили три младенца. Тысячи и тысячи раз видел, как она раздевается и одевается, и дважды – в пенсильванском отельчике. Они занимались любовью во всех мыслимых позах, видели друг друга во всех деталях, во всех возможных ракурсах. «Прости», – сказал Джейкоб, не понимая, к чему относится это слово, только сознавая, что его нога почти нажала спуск мины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.